НАУЧНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АПРП

ISSN 1994-1471 (Print)
ISSN 2782-1862 (Online)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 8 (153) август 2023

В НОМЕРЕ:

Кабышев С. В.
Через диалог с прошлым к обретению будущего: некоторые аспекты наследия Г. В. Державина для развития современной российской юриспруденции

Лаптев В. А.
Извещение участников о проведении общего собрания: юридическое значение и последствия

Левушкин А. Н.
Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 8 (153) АВГУСТ 2023

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.
Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Репюблик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, асессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия "Яблоко"».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерством науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, IPRbooks

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.
Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул.Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул. , д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.
Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромскиго, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.
ISSN	1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru
САЙТ	https://aprp.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11178 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет 24.08.2023 Объем 22,08 усл. печ. л., формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	*Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова*
Редакторы	*М. В. Баукина, Е. В. Осикина, С. И. Ершова*
Корректор	*А. Б. Рыбакова*
Компьютерная верстка	*Д. А. Беляков*

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Education Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LAW

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 18 № 8 (153) AUGUST 2023

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, IPRbooks databases

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128
ISSN	1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru
WEB-SITE	https://aprp.msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 11178 Subscription to the journal is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	24.08.2023 Volume: 22.08 conventional printer's sheets, format 60×84/8 An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
Translators	*N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova*
Editors	*M. V. Baukina, E. V. Osikina, S. I. Ershova*
Proof-reader	*A. B. Rybakova*
Computer layout	*D. A. Belyakov*

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерством науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, IPRbooks

Содержание

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

Кабышев С. В. Через диалог с прошлым к обретению будущего: некоторые аспекты наследия Г. В. Державина для развития современной российской юриспруденции 11

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Ситник А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования 20

Яговкина В. А. Ответственность публично-правовых образований по долгам государственных и муниципальных учреждений за счет средств бюджетов 37

Хаитов Г. А. Договоры и соглашения как основания возникновения расходных обязательств: правовой аспект 45

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Павлова Л. Н. Условия отнесения исковых заявлений к делам упрощенного производства, не ограниченным ценой иска 53

Аверина А. В. Особенности регулирования судопроизводства по делам о банкротстве 64

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Лаптев В. А. Извещение участников о проведении общего собрания: юридическое значение и последствия 77

Левушкин А. Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования 90

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Аубакирова-Тер-Григорян Н. М. Судейское усмотрение: понятие и существенные черты 100

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Сенокосов А. А. Пути совершенствования правовой регламентации оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий 108

Бектева В. С. Применение мер принуждения по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено 116

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Антилевская Ю. А. Единый реестр экспертных кадров: основа обеспечения качества судебно-экспертной деятельности и верифицированный ресурс для правоохранительных органов 124

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерством науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, IPRbooks

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Засемкова О. Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой 135

Нугманова А. Н. Реализация прав человека в международных инвестиционных правоотношениях: отдельные вопросы практики разрешения споров 148

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Агафонов В. Б. Правовое обеспечение экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при разведке и добыче нефти и газа в условиях санкционных ограничений 160

Гершинкова Д. А. О формировании административно-правового регулирования вопросов реализации лесоклиматических проектов в России 169

КОНФЕРЕНЦИИ

Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Об итогах научно-практической конференции «Вопросы защиты прав граждан с применением цифровых технологий в уголовном процессе» 179

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, IPRbooks databases

Contents

PHILOSOPHY AND ETHICS OF LAW

Kabyshev S. V. Through Dialogue with the Past to Finding the Future: Some Aspects of Gavriil V. Derzhavin's Legacy for the Development of Modern Russian Jurisprudence 11

FINANCIAL LAW

Sitnik A. A. A Digital Ruble as an Object of Financial Law Regulation 20

Yagovkina V. A. Responsibility of Public Legal Entities for Debts of State and Municipal Institutions at the expense of Budget Funds 37

Khaitov G. A. Contracts and Agreements as Grounds for Expenditure Obligations: A Legal Aspect 45

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Pavlova L. N. Conditions for Referring Claims to Summarily Triable Cases not Limited to the Amount of the Claim 53

Averina A. V. Peculiarities of the Bankruptcy Proceedings Regulation 64

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Laptev V. A. Notification of Participants of the General Meeting: Legal Significance and Consequences 77

Levushkin A. N. The Concept of Family Business Legitimation in the Context of Private Law and Public Law Regulation 90

CRIMINAL LAW

Aubakirova-Ter-Grigoryan N. M. Judicial Discretion: The Concept and Essential Features 100

CRIMINAL PROCEDURE

Senokosov A. A. Ways to Improve Legal Regulation of the Qualified Legal Assistance Provision to Participants in Criminal Proceedings in the Context of Digital Technologies Development 108

Bekteva V. S. Application of Coercive Measures in Criminal Cases with Suspended Preliminary Investigation 116

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Antilevskaya Yu. A. Unified Register of Expert Personnel: Basis for Ensuring the Quality of Forensic Activities and a Verified Resource for Law Enforcement Agencies 124

INTERNATIONAL LAW

Zasemkova O. F. International Arbitration in the Context of Anti-Russian Sanctions: Issues Raised through Practice 135

Nugmanova A. N. Implementation of Human Rights in International Investment Legal Relations: Selected Issues of Dispute Resolution Practice 148

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Agafonov V. B. Legal Support of Environmental Safety of the Arctic Zone of the Russian Federation in the Exploration and Production of Oil and Gas under Sanctions 160

Gershinkova D. A. On the Formation of Administrative and Legal Regulation of the Forest Climate Projects Implementation in Russia 169

CONFERENCES

Maslennikova L. N., Sobenin A. A. On the Results of the Scientific and Practical Conference «Issues of Protecting the Rights of Citizens Using Digital Technologies in Criminal Proceedings» 179

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.011-019

С. В. Кабышев*

Через диалог с прошлым к обретению будущего: некоторые аспекты наследия Г. В. Державина для развития современной российской юриспруденции

Аннотация. Статья представляет собой расширенную версию тезисов выступления автора на научно-просветительской конференции «Ваш долг есть: сохранять законы…», посвященной 280-летию со дня рождения Гавриила Романовича Державина, состоявшейся в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 5 июля 2023 г. В статье рассматриваются вопросы о понимании в державинском идейно-творческом смысловом пространстве самого права как исходной категории юриспруденции и, имея в виду прямую причастность Г. Р. Державина к формированию проектно-доктринальных истоков российского конституционализма, понимания Конституции. Обращаясь к идейно-духовному наследию Г. Р. Державина, получившему свое преломление и непосредственно в его государственно-политической и литературно-творческой биографии, автор с опорой на выдвигаемую им концепцию конституционного диалога с прошлым раскрывает глубокий созидательный потенциал державинской философии государственно-правовой жизни для формирования в современных условиях ценностно-смысловых, педагогических и институционных основ национально-ориентированной конституционной модели развития суверенной российской государственности.

Ключевые слова: государственно-правовое наследие Г. Р. Державина; конституционный диалог; историческая память; традиция; правовой прогресс; конституционное право; национально ориентированная конституционная модель; российская государственность; российский конституционализм; суверенитет.

Для цитирования: *Кабышев С. В.* Через диалог с прошлым к обретению будущего: некоторые аспекты наследия Г. В. Державина для развития современной российской юриспруденции // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 11–19. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.011-019.

© Кабышев С. В., 2023

* *Кабышев Сергей Владимирович*, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
svkabyshev@mail.ru

Through Dialogue with the Past to Finding the Future: Some Aspects of Gavriil V. Derzhavin's Legacy for the Development of Modern Russian Jurisprudence

Sergei V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law); Chairman of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Science and Higher Education; Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
svkabyshev@mail.ru

Abstract. The paper provides an expanded version of the theses of the author's report delivered at the scientific and educational conference «Your duty is to preserve the laws … " dedicated to the 280th anniversary of Gavriil Romanovich Derzhavin held at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) on July 5, 2023. The paper deals with the issues of understanding of law as the initial category of jurisprudence in Derzhavin's ideological and creative semantic space and understanding of the Constitution, bearing in mind G. R. Derzhavin participation in the formation of the project-doctrinal origins of Russian constitutionalism. The author focuses on ideological and spiritual legacy of G. R. Derzhavin directly reflected in his state-political and literary-creative biography. The author, relying on the concept of constitutional dialogue with the past put forward by Derzhavin, reveals a comprehensive creative potential of Derzhavin's philosophy of state-legal life for the formation of value-semantic, pedagogical and institutional foundations of a nationally oriented constitutional model of the development of sovereign Russian statehood in modern conditions.

Keywords: Derzhavin's state law legacy; constitutional law dialogue; historical memory; tradition; legal progress; constitutional law; nation-oriented constitutional model; Russian statehood; Russian constitutionalism; sovereignty.
Cite as: Kabyshev SV. Cherez dialog s proshlym k obreteniyu budushchego: nekotorye aspekty naslediya G. V. Derzhavina dlya razvitiya sovremennoy rossiyskoy yurisprudentsii [Through Dialogue with the Past to Finding the Future: Some Aspects of Gavriil V. Derzhavin's Legacy for the Development of Modern Russian Jurisprudence]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):11-19. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.011-019. (In Russ., abstract in Eng.).

Обращение к образу и наследию Г. Р. Державина — поэта, государственного мыслителя, первого министра юстиции России, генерал-прокурора Правительствующего сената — является не только данью памяти выдающемуся соотечественнику и свидетельством ценности его вклада в национальное культурно-правовое достояние. Очень важно то, что этот пример удивительно цельной (при всем масштабе и широте охвата) исторической личности, сумевшей воплотить в единстве идейно-творческих и профессионально-практических форм характерные черты отечественных политико-правовых традиций, позволяет установить «живой», личностно-одухотворенный диалог с прошлым, глубже проникнуть в особенности отечественного юридического мировоззрения и образования, тех движущих цивилизационных сил, которые определяют наше государственно-правовое будущее. Осмысление обширного, многопланового державинского наследия в его влиянии и значимости применительно к современной российской юриспруденции составляет капитальную научную задачу, в решение которой настоящие тезисы вносят лишь скромный, «сюжетный» вклад.

Верно замечено, что «диалог с прошлым — постоянный и динамический фактор развития любой цивилизации»[1]. Принцип историзма, преемственности государственно-правового развития имеет нормативное и системное конституционное закрепление. Конституция России

[1] Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2008. С. 16.

исходит из того, что суверенная российская государственность определяется мировоззренческой идентичностью и основанной на ней общественно-политической солидарностью многонационального российского народа, который чтит память и идеалы предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, верен стремлению к исторической правде, ответственен перед будущими поколениями (преамбула, ч. 2 и 3 ст. 67.1). Российская конституционная идентичность, не подразумевая прямого, буквального воспроизведения исторически сложившихся социальных моделей и стереотипов, раскрывается в общественном консенсусе по поводу восприятия, конкретно-смыслового наполнения и структурирования (иерархизации) исторически востребованных социально-правовых ценностей в контексте накопленного опыта их реализации и актуальных образов будущего.

Конституционный диалог с прошлым не разновидность историковедческих познавательных конструкций. Это особый концептуально-методологический прием и политико-правовой режим суверенного самоопределения народа, основанный на безусловном признании и гарантировании достоинства российского народа как культурно-исторической, цивилизационной общности, чье целостное единство, стратегическое государственно-правовое целеполагание и институциональные механизмы его реализации определяются формированием ценностного отношения к памяти предков, отраженным в ней представлениям об основаниях, формах, пределах государственно-правовой организации общества на весах правового прогресса.

Историческая память, традиция приобретают значение существенного правообразующего фактора, что, однако, не подразумевает его детерминистский («монологический») характер: важно выделение смыслового неприкосновенного (нерушимого) «ядра» конституционной преемственности и одновременно понимание патриотизма как основы для диалога с прошлым. В частности, Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации являются ценности семьи, материнства, отцовства, детства, которые в их традиционном, воспринятом от предков понимании обеспечивают непрерывную смену поколений, а потому именно на основе традиционных представлений об этих ценностях в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик Российская Федерация вправе решать отдельные вопросы законодательного регулирования в сферах социальных и межличностных отношений[2].

В этой связи будет уместно хотя бы мимоходом остановиться на вновь установленной норме ч. 3 ст. 67.1 Конституции России, согласно которой Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Существующие критические оценки этого конституционного положения фокусируются на рисках произвольного вмешательства в свободу науки и политизации истории, которая вроде бы не нуждается в государственном попечении и защите[3]. Между тем данная норма не направлена на государственное регулирование методологических основ исторической науки и не подразумевает введение некоей монополии на историческую истину[4]. Речь идет об ином. С одной стороны, об обязанностях государства по воспрепятствованию распространению исторически недостоверных сведений, которое осуществляется в целях фор-

[2] См.: абз. 2 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489 ; определение Конституционного Суда РФ от 19.01.2010 № 151-О-О // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision23866.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

[3] См., например: *Астафичев П. А.* Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 116–121.

[4] См. подробнее: *Сазонникова Е. В.* Память о защитниках Отечества и защита исторической правды как конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 29–32.

мирования искаженного восприятия прошлого и оказания влияния на общественное мнение для обесценивания, дискредитации институтов российской государственности. С другой — о возведении в ранг конституционно значимого морально-политического требования принципа примирения с прошлым (как скрепляющего фактора общенационального согласия), которое в его исторической достоверности должно восприниматься с уважением. Независимо от идейно-политических предпочтений, укладывающихся в легальное пространство конституционного многообразия, нельзя забывать исключительно верные слова А. С. Пушкина о том, что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушие»[5]. В этом плане конституционный императив защиты исторической правды обязывает государство и к тому, чтобы обеспечивать в рамках единой системы образования и воспитания формирование ценностей патриотизма.

В свете представлений о конституционном диалоге сто́ит прежде всего коснуться вопроса о понимании в державинском идейно-творческом смысловом пространстве самого права как исходной категории юриспруденции.

Историческая личность Г. Р. Державина, сплетающая воедино творческий талант, философскую прозорливость, гражданское и государственное служение правовому благу, с исключительной полнотой воплощает идею о том, что право — не абстрагированная, нравственно-индифферентная «математика свободы», а объединяющее различные аспекты должной, благоустроенной жизни человека искусство добра и справедливости. Это способ возвысить человека над его пороками и обрести через духовно-интеллектуальное созидательное усилие социальную гармонию, гражданский мир и согласие. Примечательно, что, подчеркивая глубокую связь поэзии и права, определяемую тем, что поэзия — «язык богов, голос истины», неслучайно воспринятый почти всеми древними вождями и законодателями (Божественный Моисей, языческие Орфей, Бахус, Зороастр, наконец, Магомет), Г. Р. Державин полагал, что, возможно, именно правовым, наставительным, нравоучительным началом древнейшей лирики объясняется ее историческая сохранность: «Посему-то, думаю я, более, а не по чему другому, дошли до нас оды Пиндара и Горация, что в первом блещут искры богопочтения и наставления царям, а во втором, при сладости жизни, правила любомудрия»[6].

Право неотделимо от нравственного начала не только потому, что оно не может становиться аморальным и потворствовать этической деградации, но и потому, что в отрыве от нравственности становится недостижимой полнота реализации целей права, правового регулирования. Правомерное поведение, подразумевающее в том числе добросовестность, доверие, сотрудничество, сводится только к внешнему соблюдению формальной законности, что оставляет открытым простор для своекорыстных трактовок и манипуляций. «Хорошие законы, — отмечал Г. Р. Державин, — могут исправить заблуждения в душе, счастливо рожденной и невоспитанной; но они не могут добродетелью осеменить худого сердца»[7].

Дитя эпохи Просвещения и носитель традиций русского классицизма, Г. Р. Державин ставил во главу угла общественное и государственное служение, полагая, что «самое лучшее предзнаменование есть защищать свое Отечество»[8]. И дело не только в том, что «слава тех не умирает, кто за Отечество умрет»[9]. Стремление к благу Отечества на общественном, а не на сугубо воинском поприще для Г. Р. Державина — естественный атрибут гражданственности. «Я рад отечества блаженству,/ — писал он, — Дай больше небо таковых,/ Российской силы к совершенству,/ Сынов ей верных и прямых»[10].

[5] *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1962. Т. 6. С. 19.

[6] *Державин Г. Р.* Избранная проза. М. : Советская Россия, 1984. С. 320, 321.

[7] *Державин Г. Р.* Избранная проза С. 362.

[8] *Державин Г. Р.* Избранная проза. С. 359.

[9] *Державин Г. Р.* Избранная проза. С. 361.

[10] Сочинения Державина. СПб., 1864. Т. 1. С. 619.

Примечательна родственность этого суждения Наказу Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения: «Полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного кроме сего сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видеть все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия» (п. 2)[11].

Право не дается само по себе. Его обретение, утверждение требуют интеллектуального потенциала и благовоспитанности, волевого напряжения и гражданского рвения, чувства нравственной меры и милосердия.

Подлинный юрист, образ которого мы находим в Г. Р. Державине, является не просто профессиональным советником по вопросам права, а олицетворяет собой ум, честь и совесть нации, верность Отчизне и патриотическое служение ее благу. Он — носитель ценностей правды (справедливости) в их понимании, воспринятом от предков. А потому истинный юрист не может быть вненационален — само право служит нормативным выражением духа Родины.

Об этом и стихотворный манифест Г. Р. Державина «Властителям и судьям»[12]. Призыв в нем «сохранять законы» сопрягается не только с требованием соблюдения равенства и нелицеприятия («на лица сильных не взирать»), но и с гуманистическим императивом милости, защиты социально слабых («без помощи, без обороны сирот и вдов не оставлять»).

Благо Отечества, достигаемое посредством права, в особой степени определяет тех, кто входит в аппарат государства. Ибо, «пресветел сан, коль им сияет добродетель»[13]. В своем «Рассуждении о достоинстве государственного человека» Г. Р. Державин подчеркивал, что государственный человек «более других сограждан должен быть одушевлен, движим и руководствован сею благородную страстию. Он должен любовью к отечеству жить, вливать ее в своих подчиненных и быть примером в ней всему государству»[14].

Крайне важно помнить об этом, приступая сейчас к развитию национальной системы высшего юридического образования. Как бы ни было велико искушение пойти по пути утилитаризма, подчинив юридическое образование конкретно-практическим интересам и потребностям, нужно понимать, что практицизм, оторванный от глубокого освоения методологии юридического мышления и духовно-нравственных ориентиров, является опасным, быстротечно девальвируется и дискредитируется, не дает питательной почвы для развития, ведет к профессиональному вырождению.

Основанная на наших исторических традициях, в том числе нашедших отражение в наследии Г. Р. Державина, философская квинтэссенция современной национальной модели юридического образования, полагаю, может быть представлена в виде следующего логического квадрата:

а) правопознание, т.е. системно-целостное смысловое юридическое мышление;

б) правдолюбие, т.е. безусловное стремление к правде, добру, справедливости;

в) патриотизм, т.е. служение в любой юридической ипостаси своему правовому Отечеству;

г) прогрессизм, т.е. вера в преобразующую силу права как источника социального совершенствования и уже обусловленные этим в большей степени инструментальные характеристики — ориентация на востребованность современных технологий в праве и одновременно на развитие, инновации в обществе посредством права.

Нравственно-патриотическая составляющая юридического образования требует развитой системы воспитательной работы. В свете дискуссий о соотносимости такой работы с конституционными принципами политического и идеологического многообразия не могу не отметить:

[11] Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения. М., 1767. С. 3–4.

[12] *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1957. С. 92.

[13] Сочинения Державина. Т. 1. С. 53.

[14] *Державин Г. Р.* Избранная проза. М. : Советская Россия, 1984. С. 17.

Конституция России, запрещая государственную и иную обязательную идеологию, не отрицает нормативное значение исторически сложившейся идеологии российского народа, которая послужила источником и нашла отражение в ценностях самой Конституции.

Основная суть нашей конституционной идеологии в сочетании свободы как ответственной самореализации для общего блага и суверенной государственности как формы общенародного единства, служащей благополучию каждого. Привитие национального мировоззрения в виде конкретных актуальных жизненных смыслов составляет одну из фундаментальных задач нашего юридического образования.

Фигура Г. Р. Державина, сочетавшего веру в правовые идеалы и глубокое осознание ценности политико-правового, нравственного единства российского общества, напоминает и о том, что в российской политико-правовой традиции право, государство, культура не противопоставлены.

Правовая традиция Запада генетически восходит к представлениям о глубинном расхождении, конфликте государства и общества и о провоцируемых государством экзистенциональных угрозах, которые должны преодолеваться правом. Проще говоря, право здесь служит уздой государства и, более того, претендует на его «поглощение» (посредством определенных трактовок идеи верховенства права).

В России же государство исконно рассматривается как органическая политико-правовая форма и самостоятельная ценность общества, оно всегда выступало основным, решающим проводником общественного и правового прогресса, интеллектуального и научно-технического развития. Согласно выработанной Конституционным Судом РФ правовой позиции, Конституция РФ, в том числе ее ст. 1, 2, 13, 15, 17–19, 21, 28, 29, 31, 55, 56, 59 и 75.1, не предполагает и не допускает, чтобы гарантированные ею права и свободы человека и гражданина использовались для отрицания конституционного строя Российской Федерации, в котором государство, образованное многонациональным народом Российской Федерации в определенных им параметрах, как гарант и средство обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, является конституционной ценностью, подлежащей уважению и защите гражданами Российской Федерации и всеми иными лицами, находящимися на территории России, а защита Отечества признается не только конституционной — юридической обязанностью, но и прежде всего долгом гражданина Российской Федерации[15].

«Управлять Россией, — полагал Г. Р. Державин, — при ее пространстве, разных народах, в ней обитающих, никто не может лучше как царь самодержавный, но царствующий по законам, — как монарх, коего единая, сообразная тем же законам воля исполняется скоро и общим повиновением содержит согласие и целостность государства»[16]. В этих словах, естественно с поправкой на изменчивость конкретно-исторических форм политической организации, отражается понимание цивилизационной значимости централизующей и направляющей силы российского государства, выражающего и поддерживающего правовое единство народа, реализации в том или ином институциональном образе идеи национального лидерства. Увязывание верховной власти с идеей законности имело для Г. Р. Державина особый, не либеральный, а консервативный смысл: как небезосновательно замечено, предлагая меры, которые могли бы быть интерпретированы как либеральные по форме, он наполнял их консервативным содержанием, стремился не к ограничению власти монарха, а к тому, чтобы император не был изолирован от умонастроений благородного сословия его фаворитами и министрами[17].

[15] См.: абз. 3 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1399-О // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688925.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

[16] *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1872. Т. 7. С. 341.

[17] *Минаков А. Ю.* Г. Р. Державин как представитель русского консерватизма // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 7 (87). С. 8.

Новые геополитические реалии требуют отделить зерна от плевел, переосмыслить конституционную парадигму развития российской государственности на основе четкого понимания национальных традиций и приоритетов. Не иллюзорные международные стандарты, а национально-историческое наследие должно лежать в основе формирования навигационной системы для обретения Россией своего прочного, суверенного будущего. Некритично воспринятые трактовки верных по сути принципов человеческого достоинства, свободы, равенства, политико-идеологического многообразия, федерализма, местного самоуправления и других должны быть последовательно преодолены через национально совместимое толкование.

В частности, еще предстоит верно, в державинском духе общественно-государственного служения, осмыслить ст. 2 Конституции России. Вопреки распространенным представлениям, данная статья закрепляет не либерально-индивидуалистическую, а социально-гуманистическую философию конституционного мировоззрения. В данной статье высшей ценностью провозглашен именно сам человек, а уже этим, в свою очередь, обосновывается и декларируемая ценность его прав и свобод. Ведь очевидно, что ценность человека ни в коем случае не сводится к ценности его юридических притязаний.

Теория естественного права учит, что человек по рождению приобретает неотъемлемые и неотчуждаемые права по отношению к другим. Но, обосабливаясь при рождении телесно, человек срастается социально, и взросление умножает, усиливает социальные связи. Факт рождения образует не только естественные права, но и естественные обязанности. Одно без другого не существует.

Как вполне обоснованно замечено, полнота индивидуального достигается лишь в обретении его целостности с общественным, социальным, и специфика российского правового гуманизма как раз состоит в гармонии архитектурных линий человеческого общества и человеческого облика, сочетании вселенского и индивидуального — именно через верность своему культурному идеалу в области правового измерения личности Россия будет способна двигаться в сторону успешного развития[18].

В этой связи нужно иметь в виду, что в ст. 2 Конституции России речь идет, по сути, о двух типах ценностей: онтологической, каковой выступает сам человек, и инструментальной, каковыми являются его права и свободы. Соответственно, нет ценностных оснований для тех прав и свобод, которые противны природе человека, отлучают его от социокультурных, цивилизационно-исторических, этноконфессиональных истоков. И при этом все права и свободы должны раскрываться по своему нормативному содержанию с точки зрения ценности человека в единстве его личностно-индивидуальных, общественно-социальных и государственных проявлений.

Еще один вопрос, который будет уместно затронуть, имея в виду прямую причастность Г. Р. Державина к формированию проектно-доктринальных истоков российского конституционализма, касается самого понимания Конституции. Весьма распространенным в нашей современной юриспруденции является отождествление Конституции с понятием основного закона. Более того, в свете конституционной поправки 2020 г. выдвигается альтернатива: либо наращивать декларативный, программный, преамбульный характер конституционного регулирования (что дезавуирует принцип прямого действия норм Конституции и ослабляет ее правовой потенциал в целом), либо ориентироваться на сугубо правовые отношения с государством, в котором последнее ставится в подчиненное общественным потребностям положение посредством норм права (что предполагает сосредоточение на правовой природе Конституции)[19].

Но дихотомия ценностно-мировоззренческой, программно-стратегической и позитив-

[18] См. подробнее: *Синюков В. Н.* Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 75–85.

[19] *Ескина Л. Б.* Поправки к Конституции РФ: обновление содержания или возврат к советской модели // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 11–15.

но-правовой, непосредственно-регулятивной составляющих Конституции является ложной, тем более что конституционные ценности в качестве фактически сложившихся нормативных доминант общественно-государственной жизни могут достигать регулятивного эффекта, значительно превосходящего над действием формально установленных, но не сообразных социальным идеалам конституционных положений. Крайне интересно в этой связи замечание В. Ф. Ходасевича в размышлениях о состоянии и судьбе конституционного проекта Г. Р. Державина о том, что «голосом увещевательной лиры старался он обеспечить то, чего не обеспечивала его конституция», приводимое В. Ф. Ходасевичем в виде пояснения к следующему ориентированному на Александра I державинскому поэтическому портрету Царевича Хлора: «Так: шепчут, будто саму власть,/ В твоих руках самодержавну,/ Господства беспредельну страсть,/ Ты чтишь за власть самоуправно;/ Что будто мудрая та блажь/ Нередко в ум тебе приходит,/ Что царь — законов только страж,/ Что он лишь в действо их приводит/ И ставит в том в пример себя;/ Что ты живешь лишь для народов,/ А не народы для тебя,/ И что не свыше ты законов»[20].

При всей внешней привлекательности включения Конституции в систему законодательства, такой подход в действительности обесценивает и конституционные ценности, и саму Конституцию, которая является источником всей правовой системы и не может быть сведена к какой-либо специфической разновидности нормативных правовых актов, принимаемых в соответствии с ней и для ее реализации. Конституция — «высшая норма» и источник всех норм, в формально-юридическом смысле она является нормативным правовым актом особого рода.

Фундаментальное комплексное осмысление идейно-духовного наследия Г. Р. Державина является важной задачей в рамках формирования ценностно-мировоззренческих, педагогических и институциональных основ национальной модели конституционного развития суверенной российской государственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Астафичев П. А.* Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5.
2. *Державин Г. Р.* Избранная проза. — М. : Советская Россия, 1984.
3. *Державин Г. Р.* Стихотворения. — Л. : Советский писатель, 1957.
4. Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Кругъ, 2008.
5. *Ескина Л. Б.* Поправки к Конституции РФ: обновление содержания или возврат к советской модели // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 2.
6. *Минаков А. Ю.* Г. Р. Державин как представитель русского консерватизма // Вестник ТГУ. — 2010. — Вып. 7 (87).
7. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. — М. : ГИХЛ, 1962.
8. *Сазонникова Е. В.* Память о защитниках Отечества и защита исторической правды как конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 10.
9. *Синюков В. Н.* Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. — 2023. — № 5.
10. Сочинения Державина. Т. 1. — СПб., 1864.
11. *Ходасевич В. Ф.* Державин. — М. : Книга, 1988.

Материал поступил в редакцию 6 июля 2023 г.

[20] *Ходасевич В. Ф.* Державин. М. : Книга, 1988. С. 224–225.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Astafichev P. A. Istoricheskaya pravda kak kategoriya sovremennogo konstitutsionnogo prava: opyt konstitutsionnykh popravok 2020 g. // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2021. — № 5.
2. Derzhavin G. R. Izbrannaya proza. — M.: Sovetskaya Rossiya, 1984.
3. Derzhavin G. R. Stikhotvoreniya. — L.: Sovetskiy pisatel, 1957.
4. Dialogi so vremenem: pamyat o proshlom v kontekste istorii / pod red. L. P. Repinoy. — M.: Krug, 2008.
5. Eskina L. B. Popravki k Konstitutsii RF: obnovlenie soderzhaniya ili vozvrat k sovetskoy modeli // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 2.
6. Minakov A. Yu. G. R. Derzhavin kak predstavitel russkogo konservatizma // Vestnik TGU. — 2010. — Vyp. 7 (87).
7. Pushkin A. S. Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 6. — M.: GIKhL, 1962.
8. Sazonnikova E. V. Pamyat o zashchitnikakh Otechestva i zashchita istoricheskoy pravdy kak konstitutsionnye tsennosti // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 10.
9. Sinyukov V. N. Lichnost v rossiyskoy pravovoy sisteme: poisk novykh podkhodov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 5.
10. Sochineniya Derzhavina. T. 1. — SPb., 1864.
11. Khodasevich V. F. Derzhavin. — M.: Kniga, 1988.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036

А. А. Ситник*

Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов правового регулирования обращения российской национальной цифровой валюты — цифрового рубля. Отмечается, что общественные отношения, возникающие в процессе обращения цифрового рубля, включаются в предмет нескольких отраслей права — главным образом финансового и гражданского права. При этом для гражданского права важна обязательственная природа цифрового рубля, которая влияет на права и обязанности субъектов гражданского оборота, а для финансового права — его государственно-правовая природа. Именно государственно-властное веление (выраженное в финансово-правовых нормах) наделяет цифровой рубль статусом законного платежного средства.

В работе подчеркивается, что, хотя «форма денег» представляет собой в первую очередь экономическое понятие, оно важно для права, поскольку отражает сущностные различия между видами денег, проявляющиеся в том числе в особенностях правового регулирования обращения разных денежных средств. На основе проведенного сравнения российской национальной цифровой валюты с другими видами безналичных денежных средств сделан вывод о том, что цифровой рубль представляет собой третью форму денег. Также цифровой рубль сопоставляется с цифровыми валютами и электронными денежными средствами.

Установлено, что платформа цифрового рубля может рассматриваться в качестве продуктовой подсистемы национальной платежной системы, информационной системы, а также среды, в рамках которой происходит возникновение, изменение и прекращение правоотношений, связанных с обращением цифрового рубля. Акцентируется внимание на трансформации правового положения Банка России в связи с возложением на него функций оператора платформы цифрового рубля. Кроме того, в статье раскрываются особенности правового статуса иных субъектов правоотношений, возникающих в процессе обращения цифрового рубля, — участников и пользователей платформы цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль; платформа цифрового рубля; деньги; валюта; цифровая валюта; национальная цифровая валюта; безналичные денежные средства; государство; Банк России; национальная платежная система; платежные системы; функции денег.

Для цитирования: *Ситник А. А.* Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 20–36. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6 5.5.1.

© Ситник А. А., 2023

* *Ситник Александр Александрович*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aasitnik@msal.ru

A Digital Ruble as an Object of Financial Law Regulation

Alexander A. Sitnik, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Financial Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aasitnik@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the issues concerning legal regulation of the digital ruble circulation — a Russian national digital currency. It is noted that public relations arising in the process of the digital ruble circulation are included in the subject matter of several branches of law, mainly financial and civil law. At the same time, a binding nature of the digital ruble is important for civil law that affects the rights and obligations of participants of civil turnover, and for financial law because of a state law nature of the digital ruble. It is the state power command (expressed in forms of financial law rules) that gives the digital ruble the status of a legal means of payments.
The paper emphasizes that, although the «form of money» is primarily an economic concept, it is important for law, since it reflects the essential differences between types of money, manifested, inter alia, in the peculiarities of legal regulation of the circulation of different monetary funds. Based on the comparison of the Russian national digital currency with other types of non-cash funds, it is concluded that the digital ruble is a third form of money. In addition, the digital ruble is compared with digital currencies and electronic money.
It is established that the digital ruble platform can be considered as a product subsystem of the national payment system, an information system, as well as the space within which the emergence, change and termination of legal relations related to the circulation of the digital ruble occur.
Attention is focused on the transformation of the legal position of the Bank of Russia in connection with the assignment of the functions of the operator of the digital ruble platform. In addition, the paper reveals the features of the legal status of other participants of legal relations arising in the process of circulation of the digital ruble — participants and users of the digital ruble platform.
Keywords: digital ruble; digital ruble platform; money; currency; digital currency; national digital currency; non-cash funds; state; Bank of Russia; national payment system; payment systems; money functions.
Cite as: Sitnik AA. Tsifrovoy rubl kak obekt finansovo-pravovogo regulirovaniya [A Digital Ruble as an Object of Financial Law Regulation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):20-36. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number: 1022040700002-6 5.5.1.

Введение

Деньги — одно из величайших изобретений человечества, которое во многом предопределило современную цивилизацию. При этом деньги не являются застывшим во времени явлением: они эволюционируют вместе с обществом, его производительными силами и технологиями. Появление новых форм денежных знаков и расчетов — объективный процесс, на который влияет множество факторов. Неизменным остается стремление государства, с одной стороны, обеспечить стабильность денежной системы страны, а с другой — сделать процесс организации денежного обращения более дешевым, а расчеты удобнее для населения. Появление цифровой национальной валюты в полной мере вписывается в контекст указанного исторического процесса.

Необходимость разработки и внедрения цифровых валют центральных банков стала широко обсуждаться в связи с появлением криптовалют, которые составили серьезную конкуренцию деньгам. Если до этого суррогаты денег

могли существовать только в наличной форме, то теперь появились и частные безналичные средства платежа. При этом в силу ограниченности инструментов правового регулирования обращения криптовалют государствам пришлось предложить населению альтернативу — цифровые валюты центральных банков (Central bank digital currency (CBDC)), процесс выпуска и обращения которых контролируется со стороны публично-правовых образований.

Не стала исключением и Россия. В апреле 2021 г. Центральный банк Российской Федерации выпустил доклад «Концепция цифрового рубля»[1], ставший предметом широкого обсуждения как в средствах массовой информации, так и на страницах научных изданий. Позднее, 29 декабря 2022 г., на рассмотрение Государственной Думы были внесены проекты федеральных законов № 270838-8 и № 270852-8, предложившие общие подходы к регулированию обращения цифрового рубля (далее также — российской национальной цифровой валюты). После внесения существенных корректировок в первоначальные тексты данных законопроектов, 24 июля 2023 г. Государственная Дума приняла Федеральный закон № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[2] (далее — Закон № 339-ФЗ) и Федеральный закон № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] (далее — Закон № 340-ФЗ), на основании которых ГК РФ[4], Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[5] (далее — Закон о НПС), Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[6] (далее — Закон о Банке России), Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[7], Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»[8] и другие законы[9] были дополнены нормами, регулирующими общественные отношения, складывающиеся в процессе организации обращения российской национальной цифровой валюты.

Важность принятия указанных законов предопределяется целым рядом причин.

Во-первых, введение цифрового рубля затрагивает интересы абсолютно всех субъектов общественных отношений — публично-правовых образований, органов государственной власти, физических лиц, частных организаций и т.д.

Во-вторых, с момента издания доклада Банка России, посвященного концепции цифрового рубля, проект породил множество слухов и мифов (тотальная слежка государства через цифровую валюту центрального банка («цифровое рабство»); бесконтрольная эмиссия цифровых денег со стороны Банка России; обязательный

[1] Концепция цифрового рубля / Банк России. Апрель 2021 // URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

[2] Российская газета. 2023. № 167.

[3] Российская газета. 2023. № 167.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410 : Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[5] СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[6] СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

[7] СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

[8] СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

[9] В связи с этим необходимо отметить, что расхожий термин «закон о цифровом рубле» является некорректным, поскольку, во-первых, был принят не один, а два закона, во-вторых, данные законы лишь вносят изменения в другие нормативные правовое акты, которые и будут регулировать общественные отношения, складывающиеся в процессе обращения цифрового рубля.

переход на использование цифрового рубля; начисление пенсий только на счета цифрового рубля; ограничение срока действия российской национальной цифровой валюты и т.д.). Все эти слухи, несмотря на свою беспочвенность, вызвали тревогу в обществе.

В-третьих, на цифровой рубль начали возлагать большие надежды, рассматривая его в качестве инструмента преодоления международных санкций в платежной сфере. Нужно признать, что для подобной оценки есть определенные основания, так как для трансграничных переводов CBDC не требуется посредничество SWIFT. В то же время об использовании цифровых валют центральных банков во внешнеэкономических расчетах говорить пока рано, поскольку реализуемые в мире проекты по внедрению CBDC находятся или на стадии обсуждения концепции, или на этапе пилотного проекта.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что вступившие в силу с 1 августа 2023 г. законы приняты «на перспективу». По заявлению первого заместителя председателя Банка России О. Н. Скоробогатовой, тестирование реальных операций в цифровом рубле начнется только после появления законодательной базы[10]. Массовое же использование цифрового рубля запланировано на 2025–2027 гг.[11] Таким образом, на момент принятия соответствующих законов объекта правового регулирования как такового еще не существовало[12]. Как отмечается в теории права, «в нормах права закрепляются, как правило, уже сложившиеся, повторяющиеся общественные отношения. Но нормы права могут и программировать развитие общественных отношений, направлять их развитие в определенное русло»[13]. Более того, нормы, регулирующие обращение цифровой валюты, не просто «программируют» общественные отношения — они послужили основой для возникновения соответствующих отношений. Отсюда еще один вывод: общественные отношения, складывающиеся в процессе обращения российской национальной цифровой валюты, изначально — это правоотношения, лишь в последующем из них «прорастают» другие общественные отношения.

Цифровой рубль — третья форма национальной валюты?

В докладе «Концепция цифрового рубля» указывалось на то, что «цифровой рубль будет эмитироваться Банком России, он станет *третьей формой* (курсив мой. — *А. С.*) российской национальной валюты и будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями»[14]. Именно благодаря приведенной цитате цифровой рубль стало общепринято именовать третьей формой российской валюты. Здесь интересно отметить, что в ходе прошедшей в рамках X Московского юридического форума конференции «Правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов и цифровых

[10] ЦБ надеется в июле — августе начать реальные операции с цифровым рублем // URL: https://tass.ru/ekonomika/18035127 (дата обращения: 01.08.2023).

[11] В ЦБ сообщили, что массовое использование цифрового рубля в РФ возможно в 2025–2027 гг. // URL: https://tass.ru/ekonomika/18203187 (дата обращения: 01.08.2023).

[12] Аналогичная ситуация сложилась после принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее также — Закон о ЦФА и ЦВ): информация о первом операторе информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, была внесена в реестр Банка России лишь 14 декабря 2022 г. См.: Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // URL: http://www.cbr.ru/vfs/registers/infr/list_OIS.xlsx (дата обращения: 01.08.2023).

[13] Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 219.

[14] Концепция цифрового рубля.

валют в условиях противодействия международным санкциям»[15] представители юридического департамента Банка России указали на то, что по их настоянию к приведенной выше фразе была сделана сноска, на которую мало кто обращает внимание: «Здесь и далее термин “форма денег” используется в экономическом контексте». Таким образом, налицо противоречие между юридическим и экономическим подходом к данному вопросу.

Более того, действующее российское законодательство вообще не оперирует таким понятием, как «форма денег» — в Законе о НПС и Законе о Банке России упоминается только о «форме безналичных расчетов», а в ГК РФ — о «безналичных денежных средствах», но не о формах денег.

Согласно изменениям, внесенным Законом № 339-ФЗ в ст. 128 ГК РФ, цифровые рубли признаются безналичными денежными средствами[16]. Действительно, цифровой рубль *является безналичным в том смысле, что у него нет материальной формы выражения в реальном мире*, как, например, у наличных денег, существующих в виде банкнот и монет.

Признавая цифровые рубли безналичными денежными средствами, а счет цифрового рубля — особым видом банковского счета, законодатель избежал многих практических проблем. Выделение цифрового рубля в качестве отдельного объекта гражданских прав повлекло бы за собой необходимость внесения изменений в весь массив нормативных правовых актов, в которых тем или иным образом затрагиваются вопросы безналичных расчетов. Вместо этого цифровой рубль теперь по общему правилу входит в объем понятия «средства на банковских счетах и в банковских вкладах»[17], а расчеты в цифровых рублях признаются разновидностью безналичных расчетов[18]. Таким образом, чисто с утилитарной точки зрения законодатель пошел по наиболее простому пути.

Вместе с тем нельзя не отметить, что сам Банк России в известной степени противопоставляет цифровой рубль и безналичные деньги. Так, в размещенном в апреле 2023 г.[19] на сайте Банка России разъяснении указывается, что «цифровой рубль — это третья форма рубля. Сейчас у нас есть наличные (банкноты и монеты в наших кошельках) и безналичные (деньги на счетах в банках, на картах), а в дополнение к ним появится еще и третья форма — цифровая»[20]. Более того, в ходе проведенного 19 июля 2023 г. совещания с членами Правительства РФ Президент РФ также назвал цифровой рубль третьей формой национальной валюты[21]. В свою очередь, Председатель Банка России указала на то, что цифровой рубль — это «третья, *допол-*

[15] X Московский юридический форум «Устойчивое развитие России: правовое измерение» (6–8 апреля 2023 г.) // URL: https://moslegforum.ru/upload/iblock/8a0/8a09e3c75f7e92683020ad536dd9b5a6.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

[16] Согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

[17] Пп. «б» п. 1 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

[18] Между тем из текста Закона № 340-ФЗ была исключена формулировка «безналичные расчеты цифровыми рублями», употреблявшаяся в первоначальной редакции законопроекта № 270838-8. При этом в соответствии с внесенными Законом № 339-ФЗ изменениями в п. 3 ст. 861 и п. 1 ст. 862 ГК РФ говорится о «безналичных расчетах, за исключением цифрового рубля». Таким образом, расчеты цифровыми рублями также являются безналичными расчетами.

[19] То есть до принятия Закона № 339-ФЗ и Закона № 340-ФЗ.

[20] Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // URL: http://www.cbr.ru/faq/dr/ (дата обращения: 01.08.2023).

[21] Совещание с членами Правительства // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71699/videos (дата обращения: 01.08.2023).

нительная (курсив мой. — *А. С.*) форма национальной валюты, наравне с наличными и безналичными»[22]. Первый заместитель председателя Банка России О. Н. Скоробогатова, со своей стороны, отметила возможность «перевести цифровые рубли в безналичную форму»[23]. Наконец, директор Департамента национальной платежной системы Банка России А. С. Бакина подчеркнула, что «цифровой рубль — это третья форма денег, которую Банк России будет выпускать в дополнение (а не для замены) к существующим наличным и безналичным рублям»[24]. Из приведенных цитат можно сделать лишь один вывод: цифровая и безналичная форма — это разные формы денег. Однако подобный подход не в полной мере соответствует статье 128 ГК РФ, признающей цифровой рубль разновидностью безналичных денежных средств.

Как мы видим, уже сейчас наблюдается терминологическая путаница, которая в дальнейшем будет только усугубляться (особенно с учетом последующих научных работ, в которых будут предложены авторские позиции по рассматриваемому вопросу). В связи с этим, например, представители Ассоциации российских банков обратились в Центральный банк РФ с просьбой разъяснить, «что, собственно, такое цифровой рубль — третья форма денег или безналичная валюта»[25]. Полагаем, что ответ на поставленный вопрос: цифровой рубль является и тем и другим.

Представляется, что обозначенная проблема в первую очередь обусловлена: разной трактовкой понятия «безналичные денежные средства», произошедшим после 1 августа 2023 г. расширением содержания данного термина и погрешностями юридической техники.

Во-первых, термин «безналичные денежные средства» за все прошедшие годы его употребления в нормативных правовых актах получил четкое и до сегодняшнего дня однозначное значение — ими признавались исключительно денежные средства, учтенные на счетах и во вкладах, открытых в кредитных организациях.

Во-вторых, как уже отмечалось, согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся «безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли». Таким образом, законодатель особо выделяет цифровые рубли как разновидность безналичных денежных средств, но никак не обозначает иные безналичные денежные средства, отличные от цифрового рубля. Получается, что в законодательстве закреплена общая категория, включающая в себя все средства на банковских счетах и на банковских вкладах (включая цифровые рубли), — «безналичные денежные средства» и лишь одна специальная — «цифровые рубли». В связи с этим возникает вопрос: как обозначать «традиционные» безналичные денежные средства, которые не являются цифровыми рублями? Очевидно, что в условиях отсутствия какого-то специального термина их будут называть просто безналичными денежными средствами, без каких бы то ни было уточнений и дополнений.

Из сказанного можно сделать вывод, что «безналичные денежные средства» после 1 августа 2023 г. будут употребляться в двух значениях:

— *в широком (легальном)* — как все средства на банковских счетах и банковских вкладах, в том числе и цифровые рубли;

— *в узком* — для обозначения исключительно средств, учтенных на счетах (во вкладах) в кредитных организациях, т.е. безналичных денежных средств, отличных от цифрового рубля. Именно в таком понимании использован термин «безналичные деньги» в приведенных выше цитатах представителей Банка России.

---

[22] Совещание с членами Правительства.

[23] «Цифровой рубль — это новые возможности для человека и бизнеса»: плюсы, минусы и перспективы новой формы российской валюты // URL: https://www.cbr.ru/Content/SaveToPdf/Page?url=/press/event/?id=16976 (дата обращения: 01.08.2023).

[24] Все ответы о цифровом рубле // URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=14713 (дата обращения: 01.08.2023).

[25] Банкиры просят ЦБ разъяснить статус цифрового рубля // URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2023/08/07/21023030.shtml (дата обращения: 07.08.2023).

Подобное разграничение необходимо для того, чтобы различать *два разных объекта правового регулирования — цифровой рубль и иные безналичные денежные средства* (далее — «средства, учтенные на счетах (во вкладах) в кредитных организациях»). Цифровой рубль задумывался и, что не менее важно, в настоящее время воспринимается как *новая* форма российской валюты. Как будет показано далее, по особенностям «выпуска» и обращения цифровой рубль значительно отличается от «традиционных» безналичных денежных средств. В связи с этим согласимся с Т. Э. Рождественской, отмечающей, что «цифровой рубль не является аналогом безналичных денежных средств (в узком понимании. — *А. С.*), а является третьей формой денег»[26].

Понятие «форма денег» должно отражать разницу в формах внешнего выражения денег во внешнем мире, а также учитывать различия в правовом регулировании обращения денежных средств и в том, кто является обязанным лицом по таким денежным средствам. Исходя из этого, можно утверждать, что *цифровой рубль действительно является третьей формой денег*.

Платформа цифрового рубля как элемент национальной платежной системы

Тот факт, что цифровой рубль признан разновидностью безналичных денежных средств, логически предопределил, что наиболее важные положения, касающиеся порядка «выпуска» и обращения российской национальной цифровой валюты, включены в Закон о НПС. В этих целях было расширено определение национальной платежной системы, закреплен правовой статус участников правоотношений, складывающихся в процессе обращения цифрового рубля, определены особенности совершения операций с цифровым рублем и т.д. Следовательно, можно заключить, что цифровой рубль обращается в рамках национальной платежной системы, а субъекты, опосредующие операции с этой формой национальной валюты, и инфраструктура, обеспечивающая проведение таких операций, являются частью НПС.

В Законе о НПС собственно национальная платежная система определяется через перечисление субъектов, участвующих в процессе осуществления платежей. В то же время в науке неоднократно подчеркивалось, что такой подход отражает лишь одну из подсистем НПС — институциональную[27]. С точки зрения широкого подхода НПС представляет собой сложную совокупность различных элементов, включая нормативные правовые акты, субъектов, инфраструктуру, платежные продукты, платежные сервисы и иные элементы, опосредующие проведение платежей.

Кроме того, в самом упрощенном виде национальная платежная система может быть представлена в качестве совокупности всех функционирующих на территории Российской Федерации платежных систем. Ядром платежных систем выступают три группы субъектов — оператор платежной системы, операторы по переводу денежных средств и операторы услуг платежной инфраструктуры.

Вместе с тем введение цифрового рубля потребовало образования и введения в правовое поле абсолютно нового элемента национальной платежной системы — платформы цифрового рубля (ПЦР). Исходя из определения, приводимого в п. 38 ст. 3 Закона о НПС, платформа цифрового рубля:

1) представляет собой информационную систему;

2) функционирует в соответствии с правилами ПЦР;

3) опосредует взаимодействие субъектов правоотношений, складывающихся в процессе обращения цифрового рубля (оператора, участ-

[26] РБК-ТВ: Татьяна Рождественская рассказала о перспективах использования цифрового рубля // URL: https://msal.ru/news/rbk-tatyana-rozhdestvenskaya-rasskazala-o-perspektivakh-ispolzovaniya-tsifrovogo-rublya/ (дата обращения: 01.08.2023).

[27] *Гузнов А. Г.* Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 58–61.

ников и пользователей платформы цифрового рубля), а само взаимодействие происходит в целях совершения операций с цифровым рублем.

Напомним, что «традиционная» платежная система также функционирует на основании своих правил, а в ее рамках происходит взаимодействие ряда субъектов в целях осуществления перевода денежных средств. При этом закрепленное в п. 20 ст. 3 Закона о НПС определение платежной системы дано через перечисление субъектов, т.е. оно также отражает лишь институциональный аспект. В то же время платежную систему, помимо всего прочего, уместно рассматривать и в качестве информационной системы[28].

Со значительной степенью условности платформу цифрового рубля можно было бы именовать платежной системой для российской национальной цифровой валюты. В то же время ПЦР и платежная система отличаются друг от друга:

— как уже отмечалось, с точки зрения закона ПЦР — это информационная система, а платежная система — это в первую очередь совокупность субъектов;

— платформа цифрового рубля создана для осуществления операций с цифровым рублем, а переводы цифрового рубля осуществляются *исключительно* в рамках ПЦР. Платежные системы опосредуют перевод безналичных денежных средств, хранящихся на счетах и во вкладах кредитных организаций;

— на платформе цифрового рубля открываются счета цифрового рубля[29], применительно же к платежным системам счета и вклады по учету безналичных денежных средств открываются не в информационной системе платежной системы, а в каждой отдельно взятой кредитной организации;

— платформа цифрового рубля — единственная в своем роде информационная система, в то время как по состоянию на I квартал 2023 г., по информации Банка России, функционировало 25 платежных систем[30].

Перечисленное не исчерпывает всех различий ПЦР и платежных систем, но, полагаем, сказанного достаточно для того, чтобы проиллюстрировать разницу между ними.

Следует отметить, что любая информационная система создается на базе определенных технологий. При этом анализ законодательства о национальной платежной системе показывает, что для правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе обращения цифрового рубля, фактически неважно, на каких технологиях основывается ПЦР, — *указание на архитектуру данной информационной системы в законе отсутствует*. В то же время это важно для определения природы цифрового рубля, поскольку согласно общепринятым постулатам теории цифровой валюты центрального банка соответствующие денежные средства должны быть основаны на технологии блокчейн.

В «Концепции цифрового рубля» было предложено три основных подхода к организации будущей архитектуры ПЦР: централизованная, децентрализованная (на базе распределенных реестров) и гибридная[31]. Именно последнему подходу, исходя из текста доклада, и отдавалось предпочтение. Он и был реализован в конечном итоге: по заявлению Председателя Банка России, платформа цифрового рубля «построена на гибридной архитектуре, сочетает преимущества и централизованной системы, и технологии распределенных реестров (блокчейн)»[32]. Такой подход предполагает, что у информационной системы имеется центральный элемент, осуществ-

[28] См.: Блокчейн в платежных системах, цифровые финансовые активы и цифровые валюты : учеб. пособие для магистратуры / под ред. Т. Э. Рождественской, А. А. Ситника. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 60.

[29] Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться.

[30] Основные показатели развития национальной платежной системы // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/105953/T1.xlsx (дата обращения: 01.08.2023).

[31] Концепция цифрового рубля. С. 20.

[32] Совещание с членами Правительства // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71699/videos (дата обращения: 01.08.2023).

ляющий управление системой (оператор ПЦР), а информация, хранящаяся в системе (об остатках цифровых рублей на счетах, об операциях, персональные данные пользователей и т.д.), защищается с помощью технологии блокчейн. Основываясь на приведенной Председателем Банка России информации, можно заключить, что *цифровой рубль в полной мере относится к цифровым валютам центральных банков*.

Подчеркнем, что платформа цифрового рубля создана и правовое регулирование ее функционирования осуществляется в первую очередь в публичном интересе, направленном на обеспечение:

— защиты и устойчивости российского рубля;

— стабильности денежной системы Российской Федерации;

— устойчивости и развития национальной платежной системы;

— технологической независимости России и ее безопасности в платежной сфере;

— защиты прав и законных интересов Российской Федерации и иных участников правоотношений, складывающихся в процессе обращения национальной валюты;

— доступности и качества услуг, связанных с переводом денежных средств;

— повышения конкуренции на рынке платежных услуг и т.д.

Учитывая это и тот факт, что общественные отношения в процессе обращения цифрового рубля носят явно выраженный имущественный характер и регулируются главным образом методом власти и подчинения, такие отношения *следует включать в первую очередь в предмет финансового права*.

Подводя промежуточный итог, можно заключить, что платформа цифрового рубля может быть рассмотрена с нескольких точек зрения, в частности, как:

— подсистема (элемент) национальной платежной системы — в данной подсистеме происходит обращение особого объекта правового регулирования — цифрового рубля, действуют специальные правила совершения операций с денежными средствами, выраженными в российской национальной цифровой валюте, она включает в себя обособленную инфраструктуру и т.д.

— информационная система, обеспечивающая проведение операций с российской национальной цифровой валютой, учет и хранение информации о таких операциях и об остатках денежных средств на счетах цифрового рубля;

— среда, в рамках которой происходит возникновение, изменение и прекращение правоотношений, связанных с обращением цифрового рубля.

Субъекты правоотношений, возникающих в процессе обращения цифрового рубля

Как уже было отмечено, действующее законодательство выделяет три группы субъектов рассматриваемых правоотношений — оператор, участники и пользователи платформы цифрового рубля. При этом оператор и участники ПЦР на основании определения, закрепленного в п. 1 ст. 3 Закона о НПС, являются частью национальной платежной системы.

В самом общем виде *оператор платформы цифрового рубля* — это субъект, который организует и обеспечивает бесперебойность функционирования платформы цифрового рубля, принимает правила ПЦР и контролирует выполнение этих правил участниками и пользователями платформы. Функции, связанные с организацией и обеспечением функционирования платформы цифрового рубля, входят в исключительную компетенцию Банка России.

Оператор платформы цифрового рубля совмещает в своем правовом статусе роли, которые в «традиционных» платежных системах играют все наиболее важные ее субъекты, — оператор платежной системы, оператор по переводу денежных средств и операторы платежной инфраструктуры. Так, в рамках своих полномочий Банк России организует и обеспечивает бесперебойность функционирования платформы цифрового рубля, устанавливает ее правила — аналогичные обязанности в платежных системах возложены на оператора платежной системы. Кроме того, Центральный банк РФ открывает пользователям счета цифрового рубля (явля-

ющиеся видом банковского счета), учитывает цифровые рубли, выполняет процедуры приема к исполнению распоряжения пользователя (плательщика, получателя средств) и исполняет его распоряжение — действия, которые в платежных системах осуществляются оператором по переводу денежных средств. Кроме того, Банк России создал и обеспечивает функционирование инфраструктуры цифрового рубля (платформы цифрового рубля), т.е. выполняет функции оператора платежной инфраструктуры.

Возложение на Центральный банк РФ функций оператора платформы цифрового рубля *существенным образом меняет его правовое положение*. Так, Банк России до 1 августа 2023 г.[33] как банк взаимодействовал лишь с ограниченным кругом организаций и практически никогда — с физическими лицами[34] (исключение составляли случаи оказания услуг физическим лицам полевыми учреждениями Банка России в местах, где отсутствуют кредитные организации). Теперь же Центральный банк РФ по общему правилу открывает банковские счета (счета цифрового рубля) любым субъектам хозяйственной деятельности и физическим лицам, изъявившим такое желание[35], а также проводит операции с цифровым рублем. Таким образом, именно *Банк России выступает в качестве обязанного лица в отношении российской национальной цифровой валюты*. И именно он ответственен за сохранность цифровых рублей, учтенных на соответствующем счете. Следовательно, при необоснованном списании денежных средств со счета цифрового рубля и при возникновении иных спорных ситуаций (например, при незачислении или несвоевременном зачислении денежных средств, невыполнении распоряжения пользователя ПЦР и т.д.) претензии пользователей будут адресованы именно Банку России. Уже сейчас можно прогнозировать значительный рост числа обращений граждан и юридических лиц после начала массового проведения операций с цифровым рублем. Представляется, что это повлечет за собой расширение штата сотрудников Юридического департамента Центрального банка РФ, а возможно, и образование новых специализированных структурных подразделений.

Участник платформы цифрового рубля — это посредник между оператором и пользователями платформы цифрового рубля, предоставляющий последним доступ к ПЦР. В качестве участника ПЦР могут выступать:

1) оператор по переводу денежных средств (за исключением Банка России)[36], то есть:

а) кредитные организации, имеющие право на осуществление перевода денежных средств;

б) государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»;

2) иностранные банки.

Участник платформы цифрового рубля:

— предоставляет пользователям ПЦР доступ к платформе;

— осуществляет прием к исполнению распоряжения пользователя ПЦР (плательщика, получателя средств);

— направляет указанное распоряжение оператору платформы цифрового рубля;

— обрабатывает персональные данные пользователей ПЦР в целях предоставления им доступа к платформе цифрового рубля и (или) при совершении операций с цифровыми рублями.

Таким образом, участник платформы цифрового рубля — это кредитная организация, которая *обеспечивает пользователям ПЦР возможность совершения операций с цифровыми рублями, в частности посредством своей системы «клиент-банк» или мобильного приложения*.

[33] Де-факто Банк России открывает счета пользователям платформы цифрового рубля только после начала практической эксплуатации данной информационной системы.

[34] При этом как регулятор финансового рынка Банк России, например, рассматривает жалобы и обращения потребителей финансовых услуг.

[35] Банк России занимается также обработкой персональных данных пользователей.

[36] В сравнении с первоначальным текстом законопроекта № 270838-8 из числа участников ПЦР были исключены Банк России и Федеральное казначейство.

Еще раз подчеркнем, что кредитные организации осуществляют лишь прием распоряжения к исполнению и направляют его оператору ПЦР, *непосредственно же исполнение распоряжения, т.е. перевод денежных средств, осуществляет Банк России*. По сути, участник ПЦР — это промежуточное и, при наличии желания регулятора, необязательное звено. Центральный банк РФ вполне мог бы создать собственное единое приложение, обеспечивающее доступ пользователей к счету цифрового рубля. В то же время очевидно, что решение Банка России об исключении кредитных организаций из системы обращения российской национальной цифровой валюты привело бы к кризису банковской системы, в чем не заинтересован никто. Тем не менее (в теории) можно ожидать, что появление цифрового рубля приведет к усилению конкуренции на рынке банковских услуг и, как следствие, снижению цен на продукты, предлагаемые кредитными организациями.

Наконец, согласно п. 40 ст. 3 Закона о НПС *пользователь платформы цифрового рубля* — это физическое лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие доступ к платформе цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями[37]. Здесь необходимо указать на погрешность юридической техники, т.к. индивидуальный предприниматель также является физическим лицом, хотя представленная формулировка не соотносит их как часть и целое[38].

Законодательство о национальной платежной системе выделяет категорию *особых* пользователей платформы цифрового рубля, к которым можно отнести отдельных сотрудников органов Федеральной службы безопасности, органов государственной охраны; отдельных сотрудников и организаций органов внешней разведки Российской Федерации; лиц, в отношении которых реализуются меры государственной защиты; объектов государственной охраны и членов их семей[39]. Кроме того, Банк России наделен правом *дифференцировать счета цифрового рубля* в зависимости от правового статуса пользователей или осуществляемого ими вида деятельности[40].

Пользователи платформы цифрового рубля имеют право: на совершение операций с цифровым рублем; на защиту персональных данных, которые были переданы оператору или участникам ПЦР в связи с проведением операций с цифровым рублем; на направление запросов и претензий оператору ПЦР и т.д. В качестве корреспондирующей обязанности пользователи ПЦР должны соблюдать правила платформы цифрового рубля.

Помимо этого, законодательство о национальной платежной системе закрепляет ряд гарантий соблюдения прав и законных интересов пользователей ПЦР: по общему правилу участник платформы не вправе отказать пользователю в доступе к ПЦР[41], а оператор платформы не может использовать цифровые

[37] В первоначальной редакции законопроекта № 270838-8 указывалось, что в случаях, предусмотренных законом, пользователями ПЦР могут выступать федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления.

[38] Более правильным было бы указать на то, что пользователями платформы цифрового рубля являются физические лица, включая индивидуальных предпринимателей, а также юридические лица.

[39] Согласно ч. 19 ст. 30.7 Закона о НПС открытие и ведение счетов цифрового рубля указанным лицам и определение особенностей применения при таком открытии и ведении счетов цифрового рубля мер защиты и обеспечения безопасности указанных лиц и организаций осуществляются соответственно оператором платформы цифрового рубля и федеральными органами исполнительной власти, органами внешней разведки Российской Федерации, реализующими предусмотренные законодательством Российской Федерации полномочия, на основании соглашений, заключаемых между оператором платформы цифрового рубля и указанными федеральными органами исполнительной власти, органами внешней разведки Российской Федерации.

[40] П. 3 ч. 1 ст. 30.7 Закона о НПС.

[41] За исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. См.: ч. 12 ст. 30.7 Закона о НПС.

рубли, учитываемые на счете пользователя, определять и контролировать направление использования цифровых рублей пользователем, устанавливать ограничения на распоряжение цифровыми рублями, которые не предусмотрены законом или договором цифрового счета[42].

Цифровой рубль в денежной системе

Можно выделить ряд особенностей российской национальной цифровой валюты, которые позволяют отграничить ее от других видов денежных средств, находящихся в обращении. В частности, цифровой рубль:

1) выражен в единицах национальной валюты Российской Федерации;

2) является обязательством Центрального банка Российской Федерации;

3) обращается в рамках платформы цифрового рубля;

4) учитывается на счете цифрового рубля (отдельном виде банковского счета);

5) не привлекается во вклады (депозиты), а на остатки цифровых рублей не начисляются проценты;

6) не может быть использован для выдачи или получения кредитов (не допускается кредитование счетов цифрового рубля).

Таким образом, цифровой рубль *является официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации*[43] *и выступает законным средством платежа*. Это, в частности, отграничивает цифровой рубль от цифровой валюты (в том значении, в котором данный термин используется в Законе о ЦФА и ЦВ) — ею может быть только средство платежа, не являющееся денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей[44]. Нет у цифровой валюты и обязанного лица. Следовательно, *цифровой рубль и цифровая валюта — разные объекты правового регулирования*[45].

Цифровой рубль существенно отличается и от безналичных денежных средств, существующих в виде записей по счетам (вкладам) в кредитных организациях (см. таблицу).

Критерий сравнения	**Цифровой рубль**	**Безналичные денежные средства, учтенные на счетах (во вкладах) в кредитных организациях**
Обязанное лицо	Банк России	кредитная организация
Учет	счет цифрового рубля (вид банковского счета)	счета (вклады) в кредитных организациях
Начисление процентов на остатки	не начисляются	могут начисляться
Возможность выдачи кредитов	нельзя	можно
Возможность проводить платежи в офлайн-режиме	можно	нельзя

Главное, что *обязанным лицом в отношении цифровых рублей является Центральный банк РФ*. Долгие годы в науке ведутся споры относительно того, следует ли признавать безналичные денежные средства, учтенные на счетах (во вкладах) в кредитных организациях, деньгами. Оставляя за рамками настоящей статьи данную дискуссию, отметим, что в отношении российской национальной цифровой валюты такого спора быть не может — *цифровой рубль является деньгами в полном смысле этого слова*.

[42] Ч. 5 ст. 30.8 Закона о НПС.

[43] Ст. 27 Закона о Банке России.

[44] Ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА и ЦВ.

[45] С учетом того, что законодатель, со всей очевидностью, под «цифровой валютой» имел ввиду криптовалюту, данный термин следует признать неудачным. Логичнее было бы рассматривать цифровой рубль и цифровую валюту как часть и целое, а не как отличные друг от друга, самостоятельные объекты правового регулирования.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что действующее законодательство применительно к «созданию» единиц цифрового рубля не употребляет термин «эмиссия» — в ч. 2 ст. 7.1 Закона о НПС говорится *об увеличении остатка* цифровых рублей на счете цифрового рубля. Таким образом, Банк России не «выпускает» цифровые рубли в полном смысле этого слова — по сути, он переводит (конвертирует) денежные средства с банковского счета или электронные денежные средства (ЭДС) в единицы российской национальной цифровой валюты. Наличные деньги не могут быть конвертированы в цифровые рубли. Равным образом цифровые рубли не могут быть выданы в виде наличных денежных средств. Заметим, что в первоначальном тексте законопроекта № 270838-8 содержалось указание на то, что «перевод цифровых рублей посредством выдачи получателю средств наличных денежных средств с цифрового счета (кошелька) не осуществляется». В окончательном тексте Закона № 340-ФЗ нет нормы, напрямую содержащей такой запрет. В то же время из ч. 2 ст. 7.1 Закона о НПС, а также из п. 1 ч. 23 указанной статьи (согласно которой по распоряжению пользователя ПЦР цифровые рубли могут быть перечислены только на его банковский счет или направлены на увеличение остатка его электронных денежных средств), явно следует невозможность конвертации российской национальной цифровой валюты в наличные деньги, минуя стадию их трансформации в безналичные денежные средства, учтенные на счетах (во вкладах) в кредитных организациях, или в электронные денежные средства.

Невозможность привлечения цифровых рублей во вклады (депозиты), запрет на кредитование счетов цифрового рубля и начисление процентов на его остатки выводит национальную цифровую валюту из механизма финансового мультипликатора. «Выпуск» цифровых рублей не ведет к увеличению денежной массы. *Действующий механизм не предполагает, что будут созданы дополнительные единицы российской национальной цифровой валюты сверх того объема денег, который уже находится в обращении*. Следовательно, мы не можем утверждать, что цифровой рубль в полном смысле участвует в эмиссии — это процесс, который связан с увеличением объема обращающихся денежных средств. Таким образом, использование законодателем словосочетания «увеличение остатка» в отношении цифровых рублей является в полной мере обоснованным. В то же время очевидно, что термин «эмиссия цифрового рубля» всё же будет употребляться в научных исследованиях и иных публикациях для обозначения факта «появления» единиц российской национальной цифровой валюты в виде записей по счетам цифрового рубля на соответствующей платформе.

Все сказанное объясняет, почему Председатель Банка России обозначила цифровой рубль как *дополнительную* форму национальной валюты — *данная форма не является в полном смысле самостоятельной*. Выбранный механизм «выпуска» и обращения цифрового рубля привязан и в значительной степени зависит от безналичных денежных средств, учтенных на счетах (во вкладах) в кредитных организациях.

Механизм правового регулирования обращения цифрового рубля по своему содержанию близок к механизму, применяемому в отношении электронных денежных средств. Оператор электронных денежных средств тоже не может создавать единицы ЭДС «из воздуха» — он конвертирует денежные средства, предоставленные клиентом, в электронные денежные средства[46]. Иными словами, ЭДС являются предоплаченными.

Кроме того, согласно ч. 5 и 6 ст. 7 Закона о НПС оператор электронных денежных средств не вправе предоставлять клиенту денежные средства для увеличения остатка ЭДС клиента

[46] Например, согласно ч. 2 ст. 7 Закона о НПС клиент — физическое лицо может предоставлять денежные средства оператору электронных денежных средств с использованием банковского счета *или без использования банковского счета*, а в соответствии с ч. 3 данной статьи клиент — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель предоставляет денежные средства оператору электронных денежных средств только с использованием своего банковского счета, в том числе счета цифрового рубля.

на основании договора потребительского кредита (займа), а также не вправе осуществлять начисление процентов на остаток. Следовательно, «появление» единиц ЭДС, как и в случае с цифровым рублем, не ведет к увеличению денежной массы.

В то же время между цифровым рублем и ЭДС имеются значительные различия. Основное заключается в том, что обязанным по электронным денежным средствам является частное лицо — оператор ЭДС, которым всегда выступает кредитная организация[47]. Кроме того, для учета ЭДС *не открываются банковские счета* (законодательство говорит о том, что оператор ЭДС учитывает денежные средства клиента путем формирования записи, отражающей размер обязательств оператора ЭДС перед клиентом в сумме предоставленных денежных средств[48]) и их перевод осуществляется без открытия банковского счета.

В обыденной речи инструмент учета ЭДС принято называть электронным кошельком. И здесь нужно напомнить, что в первоначальном тексте законопроекта № 270838-8 предусматривалось, что учет цифровых рублей будет осуществляться по «цифровым счетам (кошелькам)». Такие цифровые счета (кошельки) не признавались видом банковского счета; предполагалось, что они будут выступать самостоятельным средством учета российской национальной цифровой валюты. Представляется, что законодатель вполне обоснованно отказался от употребления разговорного термина «кошелек», хотя можно ожидать, что в повседневной речи счета цифрового рубля именно так и будут именовать.

Положительно следует оценить и факт признания счета цифрового рубля особым видом банковского счета, это ведет к повышению гарантий защиты прав и законных интересов пользователей платформы цифрового рубля. В то же время сам факт того, что этого могло не произойти, указывает на специфику счета цифрового рубля, а также дает основание еще раз подчеркнуть сходство механизмов правового регулирования обращения российской национальной цифровой валюты и ЭДС.

Отличие электронных денежных средств от цифрового рубля состоит и в том, что ЭДС на основании ч. 21 ст. 7 Закона о НПС, помимо всего прочего, могут быть выданы клиентам — физическим лицам наличными денежными средствами (в отношении юридических лиц такая возможность не предусмотрена — они могут увеличивать остаток ЭДС только путем перечисления денежных средств с банковского счета и получать исключительно посредством зачисления или перевода на банковский счет).

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, — это функции, выполняемые цифровым рублем. Традиционно в науке выделяют четыре функции денег — средства обращения, меры стоимости, средства платежа и средства накопления (в дополнение к ним выделяют функции мировых денег, отсрочки платежа и т.д.). При этом, как было отмечено директором Департамента национальной платежной системы Банка России А. С. Бакиной, «цифровой рубль — это средство платежа», «это не средство сбережения, поэтому никакие проценты на остаток на цифровом кошельке начисляться не будут»[49]. Между тем нельзя говорить о том, что цифровой рубль не выполняет функцию средства накопления (сбережения): она проявляется не в том, что лицо, обладающее деньгами, зарабатывает на самом факте владения ими, а в том, что такое лицо может сберечь часть доходов с целью их использования в будущем. В противном случае следует признать, что и наличные деньги не являются средством накопления, ведь на находящиеся на руках у населения банкноты и монеты проценты не начисляются. Более того, как правило, не начисляются они и на денежные средства, учтенные на банковских счетах (только если это предусмотрено договором); в первую очередь кредитная организация начисляет проценты на средства в банковских вкладах. Таким

[47] Ч. 1 ст. 12 Закона о НПС.

[48] Ч. 4 ст. 7 Закона о НПС.

[49] Все ответы о цифровом рубле // URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=14713 (дата обращения: 01.08.2023).

образом, можно заключить, что цифровой рубль выполняет все основные функции денег.

Заключение

Подводя итог настоящего исследования, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что цифровой рубль является деньгами в полном смысле этого слова и выступает объектом правового регулирования со стороны государства. Общественные отношения, возникающие в процессе обращения цифрового рубля, включаются в предмет нескольких отраслей — главным образом финансового и гражданского права. При этом у названных отраслей права разный подход к пониманию денег. Как отмечал еще Л. А. Лунц, «гражданский оборот создает орудие обращения, а государство — законное платежное средство»[50]. *Для гражданского права цифровые рубли — это имущественные права, разновидность безналичных денежных средств. В то же время лишь государственно-властное веление наделяет цифровой рубль статусом законного платежного средства. Иными словами, именно нормы финансового права делают российскую национальную цифровую валюту деньгами. Таким образом, указанные отрасли права рассматривают цифровой рубль в разных плоскостях — для гражданского права важна обязательственная природа цифрового рубля, которая влияет на права и обязанности субъектов гражданского оборота, для финансового права — их государственно-правовая природа*.

Широко распространенная характеристика цифрового рубля как третьей формы национальной валюты в первую очередь отражает экономический подход к пониманию денег — в нормативных правовых актах термин «форма денег» не употребляется. Однако и для права «форма денег» имеет важное значение, поскольку данное понятие *отражает сущностные различия между видами денег, которые проявляются в том числе в особенностях правового регулирования обращения разных денежных средств*. Исходя из этого, *цифровой рубль представляет собой новую, третью, дополнительную форму денег*.

Сказанное предопределяется отличием цифрового рубля от иных форм денег. Очевидно, что от наличных денежных средств российскую национальную цифровую валюту отличает отсутствие материальной формы выражения.

Несмотря на то, что цифровой рубль и средства, существующие в виде записей по счетам (во вкладах) в кредитных организациях, объединены законодательством в одну категорию — безналичные денежные средства (средства на банковских счетах и в банковских вкладах), они имеют разную правовую природу, что отражается в особенностях правового регулирования их обращения. В отличие от «традиционных» безналичных денежных средств, обязанным лицом в отношении которых выступает кредитная организация, цифровой рубль — это обязательство Центрального банка РФ. Кроме того, на остатки цифровых рублей не могут начисляться проценты и ими не могут выдаваться кредиты. В отличие от средств, учтенных на счетах (во вкладах) кредитных организаций, цифровыми рублями можно будет рассчитываться в офлайн-режиме (это приближает их к наличным деньгам). Таким образом, цифровой рубль и безналичные денежные средств, существующие в виде записей по счетам (во вкладах) в кредитных организациях, — разные, существенно отличающиеся друг от друга объекты правового регулирования.

Дополнительной формой денег цифровой рубль является постольку, поскольку, во-первых, переход на использование цифрового рубля необязателен, во-вторых, механизм его обращения тесно связан с безналичными денежными средствами, учтенными на счетах (во вкладах) в кредитных организациях. Таким образом, цифровой рубль — это в определенном смысле надстройка к другим формам денег. Лицо, не желающее использовать цифровой рубль для проведения платежей, не имеющее технической возможности или достаточного уровня знаний для этого, будет свободно в использовании наличных и «традиционных» безналичных денежных средств.

[50] *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. М. : Статут, 2004. С. 31.

Важным признаком, характеризующим деньги как правовую категорию, является монопольное право государства на эмиссию денежных знаков. Между тем единицы национальной цифровой валюты «создаются» *посредством конвертации ранее эмитированных денежных средств. Применительно к цифровому рублю указанная особенность выражается в том, что единицы национальной цифровой валюты могут «выпускаться» и обращаться только в рамках информационной системы, созданной и управляемой уполномоченным государством органом (Банком России), — платформы цифрового рубля*.

Саму платформу цифрового рубля нужно рассматривать не только как информационную систему, опосредующую операции с российской национальной цифровой валютой, но и как отдельную продуктовую подсистему национальной платежной системы. Платформа цифрового рубля включает в себя обособленную (но связанную с другими продуктовыми подсистемами НПС) инфраструктуру, выступающую технологической основой механизма обращения цифрового рубля. Кроме того, в рассматриваемой подсистеме НПС происходит обращение особого объекта правового регулирования (цифрового рубля), действуют специальные правила проведения операций с российской национальной цифровой валютой, происходит взаимодействие между оператором, участниками и пользователями платформы цифрового рубля. В процессе такого взаимодействия возникают общественные отношения, которые, будучи урегулированы нормами права, становятся правоотношениями. Таким образом, платформа цифрового рубля — это еще и среда, в рамках которой происходит возникновение, изменение и прекращение правоотношений, связанных с обращением цифрового рубля.

Цифровой рубль, как и иные деньги, реализует свои экономические функции только с помощью юридических, в первую очередь финансово-правовых, норм. Проведенный анализ показал, что цифровой рубль выполняет все основные функции денег.

Вместе с тем на сегодня пока рано говорить об использовании цифрового рубля для проведения внешнеэкономических платежей. Во-первых, нужно дождаться окончания пилотного проекта применения цифрового рубля для проведения внутрироссийских операций — возможность трансграничных платежей в российской национальной цифровой валюте будет реализовываться на следующем этапе проекта. Во-вторых, сто́ит понимать, что придание официальной денежной единице того или иного государства новой (цифровой) формы автоматически не делает деньги этой страны конвертируемыми; это сложный процесс, который зависит от совокупности экономических и политических факторов. В то же время нельзя отрицать важность проекта по созданию цифрового рубля для обеспечения суверенитета Российской Федерации в платежной сфере.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Блокчейн в платежных системах, цифровые финансовые активы и цифровые валюты : учеб. пособие для магистратуры / под ред. Т. Э. Рождественской, А. А. Ситника. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 128 с.
2. *Гузнов А. Г.* Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2016. — 493 с.
3. *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — Изд. 2-е, испр. — М. : Статут, 2004. — 350 с.
4. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 464 с.

Материал поступил в редакцию 7 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Blokcheyn v platezhnykh sistemakh, tsifrovye finansovye aktivy i tsifrovye valyuty: ucheb. posobie dlya magistratury / pod red. T. E. Rozhdestvenskoy, A. A. Sitnika. — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 128 s.
2. Guznov A. G. Finansovo-pravovoe regulirovanie finansovogo rynka v Rossiyskoy Federatsii: dis. … d-ra yurid. nauk. — M., 2016. — 493 s.
3. Lunts L. A. Dengi i denezhnye obyazatelstva v grazhdanskom prave. — Izd. 2-e, ispr. — M.: Statut, 2004. — 350 s.
4. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / L. A. Morozova. — 6-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 464 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.037-044

В. А. Яговкина*

Ответственность публично-правовых образований по долгам государственных и муниципальных учреждений за счет средств бюджетов

Аннотация. В статье проанализированы причины и условия субсидиарной ответственности учредителей по долгам государственных и муниципальных учреждений за счет средств бюджетов. Сделан вывод о необходимости учета цели принятия бюджетом таких обязательств и инструментов, повлекших их возникновение, а также типа государственного или муниципального учреждения. Отмечается, что взыскание долгов бюджетных и автономных учреждений за счет бюджетов может происходить только в случае публичного характера договоров, из которых вытекают обязательства, что, в свою очередь, накладывает ограничения на кредитора и влияет на баланс прав и законных интересов сторон договора. Прежде чем обращаться с требованием о взыскании долга бюджетного или автономного учреждения непосредственно за счет бюджета, необходимо доказать, что отсутствует возможность взыскания долга с основного должника. Автором также проводится краткий анализ подходов законодателя и судов к взысканию с публично-правовых образований за счет бюджетных средств долгов унитарных предприятий. На основе этого анализа делается вывод, что подходы к ответственности по долгам унитарных предприятий и государственных и муниципальных учреждений различаются, но в целом прослеживается некоторое сходство, что вызвано, вероятнее всего, общим для их финансов децентрализованным характером.

Ключевые слова: государственные и муниципальные учреждения; государственные и муниципальные унитарные предприятия; государственная и муниципальная гарантия; публично-правовые образования; субсидиарная ответственность; бюджет; Гражданский кодекс Российской Федерации; Бюджетный кодекс Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации; судебная практика.

Для цитирования: *Яговкина В. А.* Ответственность публично-правовых образований по долгам государственных и муниципальных учреждений за счет средств бюджетов // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 37–44. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.037-044.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания РАНХиГС.

© Яговкина В. А., 2023

* *Яговкина Вита Александровна*, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра региональной политики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Россия, 119571
vaya@irof.ru

Responsibility of Public Legal Entities for Debts of State and Municipal Institutions at the expense of Budget Funds

Vita A. Yagovkina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research, RANEPA University under the President of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, d. 82, Moscow, Russia, 119571
vaya@irof.ru

Abstract. The paper analyzes the causes and conditions of subsidiary liability of founders for debts of state and municipal institutions paid out of budget funds. The author concludes that it is necessary to take into account the purpose of accepting such obligations by the budget and the instruments that led to their occurrence, as well as the type of state or municipal institution. It is noted that debt collection of budgetary and autonomous institutions out of budgets can occur only in the case of the public nature of contracts from which obligations arise, which, in turn, imposes restrictions on the creditor and affects the balance of rights and legitimate interests of the parties to the contract. Before applying for debt collection of a budgetary or autonomous institution directly out of the budget, it is necessary to prove that there is no possibility of debt collection from the principal debtor. The author also provides a brief analysis of the approaches of the legislator and the courts to collecting debts of unitary enterprises from public legal entities out of budgetary funds. Based on this analysis, it is concluded that approaches to liability for debts of unitary enterprises and state and municipal institutions differ, but in general, there is some similarity, which is most likely caused by the decentralized nature common to their finances.

Keywords: state and municipal institutions; state and municipal unitary enterprises; state and municipal guarantee; public legal entities; subsidiary responsibility; budget; Civil Code of the Russian Federation; Budget Code of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; judicial practice.
Cite as: Yagovkina VA. Otvetstvennost publichno-pravovykh obrazovaniy po dolgam gosudarstvennykh i munitsipalnykh uchrezhdeniy za schet sredstv byudzhetov [Responsibility of Public Legal Entities for Debts of State and Municipal Institutions at the expense of Budget Funds]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):37-44. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.037-044. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The article was prepared as part of the implementation of the RANEPA state task.

Причиной возникновения долгов государственных и муниципальных учреждений должен быть прежде всего публичный договор, который накладывает ограничения на кредитора и влияет на баланс прав и законных интересов сторон договора. Нести ответственность по долгам государственных и муниципальных учреждений могут только те публично-правовые образования, которые являются их учредителями, и обращаться надо к органам публичной власти, которые реализуют полномочия учредителя (но не обязательно обладают функциями главного распорядителя средств бюджета). Кроме того, прежде чем обращаться с требованием взыскания долга бюджетного или автономного учреждения непосредственно за счет бюджета, необходимо доказать, что отсутствует возможность взыскания долга с основного должника.

Помимо обязательств, возникающих в бюджетной сфере непосредственно у самих публично-правовых образований и погашаемых ими за счет бюджетов (трансферты, погашение государственного или муниципального долга), они в некоторых случаях могут нести ответственность по долгам государственных и муниципальных учреждений, которые были ими созданы. Бремя такой ответственности в итоге тоже ложится на бюджет. Эти учреждения не обладают правом собственности относительно своего имущества и финансов, все они, независимо от типа, владеют своим имуществом и финансовыми средствами на праве оперативного управления[1]. Следует отметить, что наличие среди юридических лиц

организационно-правовых форм, которые не предусматривают право собственности юридического лица на его имущество (государственные и муниципальные учреждения и унитарные предприятия), критикуется Е. А. Сухановым, а вещные права таких лиц характеризуются им как условные[2].

Денежные средства таких учреждений являются публичной собственностью, как и средства бюджетов, но в отличие от последних, являющихся централизованными фондами денежных средств, представляют собой децентрализованные фонды государственных (муниципальных) финансов.

В соответствии со ст. 123.22 ГК РФ, учредитель — публично-правовое образование полностью отвечает как собственник имущества лишь по долгам казенного учреждения при условии недостаточности у последнего денежных средств в его распоряжении (субсидиарная ответственность). Это подтверждается и судебной практикой[3], при этом, как отмечает Верховный Суд РФ, кредитор в случае необходимости может обратиться в суд и одновременно предъявить иск к основному должнику — казенному учреждению и субсидиарному должнику, несущему ответственность при недостаточности лимитов бюджетных обязательств, — главному распорядителю бюджетных средств, осуществляющему финансовое обеспечение деятельности находящегося в его ве́дении казенного учреждения за счет средств соответствующего бюджета[4]. Как показывает анализ судебных актов, если иск подан к самому казенному учреждению, то должником обычно признается именно оно (а не два субъекта или напрямую учредитель), но в решении оговаривается дальнейшее привлечение к ответственности учредителя (за счет средств бюджета) в случае недостаточности средств.

Относительно бюджетных и автономных учреждений субсидиарная ответственность публично-правового образования (то есть оплата долгов учреждения за счет бюджета) наступает лишь в определенных законодательством особых случаях. Так, в соответствии с указанной выше статьей ГК РФ, она возможна по обязательствам, связанным с причинением вреда гражданам, при недостаточности имущества учреждения, на которое может быть обращено взыскание. В связи с этим в основном за счет бюджета компенсируются такие расходы, как причинение вреда жизни и здоровью (в том числе морального) при оказании услуг учреждениями, например в медицинских организациях[5].

Других исключений в данной ситуации законодательно не предусмотрено, да и эти нормы

---

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023). Ст. 296, 298 // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2 См. подробнее: *Суханов Е. А.* Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 136–166.

3 См., например: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.04.2015 № Ф06-21570/2013 по делу № А57-7832/2014 ; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31.05.2016 № Ф10-1392/2016 по делу № А14-10465/2015 (истец требовал возврата основного долга и платы за пользование коммерческим кредитом, при этом договор был заключен с казенным учреждением, которое к моменту судебного заседания было реорганизовано в бюджетное) ; определение Верховного Суда РФ от 20.10.2020 № 309-ЭС20-15281 по делу № А34-9094/2019 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся в соответствии с СПС «КонсультантПлюс»).

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации». П. 20 // Российская газета. 07.06.2019. № 123.

5 См., например: апелляционное определение Ленинградского областного суда от 04.03.2020 № 33-1418/2020 ; апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 04.07.2017 по делу № 33-4792/2017 ; апелляционное определение Челябинского областного суда от 14.11.2016 по делу № 11-15817/2016.

были введены далеко не сразу после реформы государственных и муниципальных учреждений 2010 г. Однако на практике возникли проблемы погашения задолженности при ликвидации бюджетных учреждений, которые в итоге вынужден был решать Конституционный Суд РФ. При недостаточности средств бюджетных учреждений или при наличии задолженности по обязательствам таких юридических лиц законодательство, как видно из ст. 123.22 ГК РФ, не возлагало субсидиарную ответственность на соответствующее публично-правовое образование за счет средств его бюджета. В результате возникали ситуации, когда учреждение, например, не оплачивало услуги по заключенным договорам, затем было ликвидировано учредителем, но долг так и не был погашен ни за счет учреждения, ни за счет казны. Учреждение не могло расплатиться потому, что оно отвечает по своим долгам далеко не всем находящимся в его распоряжении имуществом и средствами, а лишь тем, которое не включено в перечень недвижимого и особо ценного движимого имущества; такового могло просто не быть у конкретного юридического лица. Во взыскании средств из бюджета же отказывали суды, ссылаясь на нормы гражданского законодательства.

Судебный спор, повлекший обращение в Конституционный Суд РФ, возник из отношений по поставке услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Поставщик — теплоснабжающая организация в силу требований закона не могла отказаться заключать такой договор, носящий публичный характер, и диктовать его условия получателю услуг. В результате кредитор обратился в Конституционный Суд РФ для решения вопроса о возможности привлечь к субсидиарной ответственности собственника имущества ликвидированного бюджетного учреждения по обязательствам, вытекающим из публичного договора (включая договор теплоснабжения), в связи с недостаточностью денежных средств этого юридического лица. При рассмотрении заявления была подчеркнута специфика правового режима имущества бюджетного учреждения и его ответственности по своим долгам и обязательствам и сделан вывод, что в результате такого подхода к правовому регулированию объем гарантий для кредиторов бюджетных учреждений сужен, что способно повлечь нарушение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав стороны, заключившей и исполнившей публичный договор и не получившей встречного предоставления. В результате положения п. 5 ст. 123.22 ГК РФ были признаны судом не соответствующими Конституции РФ, а на законодателя была возложена обязанность внести в правовое регулирование надлежащие изменения[6].

При этом не рассматривались аналогичные нормы ГК РФ, предусматривающие такое же регулирование ответственности учредителя автономного учреждения любого уровня, хотя ранее похожая жалоба была подана в Конституционный Суд РФ применительно к ответственности учредителя автономного учреждения по его долгам в ходе ликвидации. Однако тогда суд не признал эту норму неконституционной, указав на необходимость проявлять осмотрительность со стороны контрагентов автономных учреждений при вступлении в гражданско-правовые отношения с субъектами, особенности правового статуса которых не позволяют в полной мере прибегнуть к институту субсидиарной ответственности, предполагая возможность использования существующих гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств[7].

Таким образом, хотя регулирование особенностей ответственности учредителя — публично-правового образования относительно бюд-

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Лысьва-теплоэнерго”» // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3227.

[7] См. подробнее: определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2017 № 219-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества “Научно-производственная компания ‘Катрен’” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пунктов 19 и 31 статьи 1, а также частью 3 статьи 3 Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ “О внесении изменений в главу 4 части первой

жетных и автономных учреждений идентично, толкование этих норм одним и тем же органом было различно применительно к каждому типу учреждения. Возможно, это было связано с тем, что в первом случае конституционность норм оспаривал субъект, который был ограничен в своей свободе заключения договора в связи с его публичным характером и предметом договора. Однако на практике такое толкование поставило кредиторов бюджетных и автономных учреждений в неравное положение, например при ликвидации юридического лица, даже при полном совпадении обстоятельств дела (субъектный состав отношений, публичный характер и предмет договора и т.п.).

В результате суды, рассматривая конкретные судебные споры, стали применять толкование Конституционного Суда РФ и относительно автономных учреждений в аналогичных ситуациях (заключение публичного договора, в котором одна из сторон — гарантирующий поставщик, а вторая — государственное или муниципальное учреждение, которое затем ликвидируется), причем ссылка на позицию конституционного правосудия содержится в судебном акте напрямую[8]. Если же договор не носит публичного характера, то кредитору отказывают в удовлетворении его требований в субсидиарном порядке[9].

Представляется необходимым скорректировать и унифицировать подход к субсидиарной ответственности публично-правовых образований по таким долгам подведомственных им бюджетных и автономных учреждений, закрепив ее законодательно. При этом необходимо отметить, что соответствующие поправки, вытекающие из цитированного выше постановления Конституционного Суда РФ, до сих пор не внесены в ГК Ф, что, однако, не препятствует судам на практике применять нормы этого постановления напрямую[10].

При этом иногда суды считают, что применение положений данного акта касается лишь ситуаций, когда бюджетное учреждение ликвидируется и возможность взыскания задолженности с него напрямую фактически отсутствует, а не всех случаев возникновения задолженности. Однако Верховный Суд РФ не поддерживает эту позицию применительно к отношениям, возникающим из публичных договоров с учетом их специфических черт, и расширяет возможность использования такого способа защиты прав кредитора-поставщика и на отношения с продолжающим работать должником. Суд подчеркивает, что по смыслу правовой позиции Конституционного Суда РФ нарушение баланса прав и законных интересов возникает не из-за ликвидации юридического лица, а по причине наложения определенных ограничений на сторону договора — поставщика, а именно: его обязанности вступить в правоотношения поставки, которая при этом недостаточно защищается возможностью взыскать денежные средства[11].

Следует также отметить, что выводы, закрепленные в цитируемом акте Конституционного Суда РФ, влияют и на определение сроков исковой давности, применяемых по отношению к требованиям кредитора, поскольку право субсидиарного требования к публично-правовому образованию возникает тогда, когда кредитор

Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации"».

[8] См. подробнее: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.06.2022 № 307-ЭС21-23552 по делу № А56-3762/2020 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2023 № 09АП-7313/2023 по делу № А40-158647/2022.

[9] См., например: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.10.2022 № Ф02-5143/2022 по делу № А74-1077/2022 ; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.03.2019 № Ф08-893/2019 по делу № А61-501/2018.

[10] См., например: определение Верховного Суда РФ от 09.06.2022 № 301-ЭС22-8843 по делу № А11-9900/2020.

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.02.2023 № 309-ЭС22-18499 по делу № А07-25982/2020.

узнаёт о недостаточности средств должника[12]. При этом не имеет значения, является ли орган, выполняющий функции учредителя, главным распорядителем бюджетных средств, или же не обладает данным статусом, — важно именно его полномочие быть учредителем юридического лица[13].

Для более глубокого понимания вопроса представляется интересным сравнить позицию законодателя и практику относительно ответственности учредителей унитарных предприятий, чье финансы и имущество также не являются их собственностью, а принадлежат публично-правовым образованиям[14]. Средства таких предприятий — это также децентрализованные фонды публично-правовых образований, как и средства государственных и муниципальных учреждений. Собственник имущества здесь по общему правилу не несет ответственности по долгам юридического лица[15], кроме случая банкротства, вызванного им самим[16] (тогда может наступать субсидиарная ответственность по долгам предприятия[17]). Если же предприятие казенное, то ответственность публично-правового образования носит субсидиарный характер по всем его обязательствам (даже если казенное предприятие затем было преобразовано в бюджетное учреждение[18]).

Таким образом, отдельные аспекты взыскания с публично-правовых образований за счет бюджетных средств долгов юридических лиц, учрежденных этими публично-правовыми образованиями, при их банкротстве отличаются, но в целом прослеживается некоторое сходство в подходах к ответственности по долгам унитарных предприятий и государственных и муниципальных учреждений, невзирая на различный характер деятельности этих юридических лиц (коммерческий для предприятий и некоммерческий для учреждений) и разные объемы правомочий относительно имущества. Это вызвано, вероятнее всего, именно общей для их финансов природой, а именно децентрализованным характером этих средств, остающихся в собственности учредителя — публично-правового образования.

При этом попытки закрепить за публично-правовым образованием солидарную ответ-

[12] См., например: постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.03.2023 № Ф01-5908/2022 по делу № А11-2216/2021 ; от 03.03.2023 № Ф01-6513/2022 по делу № А11-13239/2021.

[13] См.: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 01.03.2023 № Ф01-8293/2022 по делу № А11-8741/2020.

[14] Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях». Ст. 2 // СЗ РФ. 2002. № 48. С. 4746.

[15] Ст. 7 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».

[16] Данное положение закона было признано соответствующим Конституции РФ (см. определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества “Омскгазстройэксплуатация” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 7 Федерального закона “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях”, статьями 8 и 20 Федерального закона “О газоснабжении в Российской Федерации”, а также пунктом 1 постановления Правительства РФ “Об обеспечении устойчивого газо- и энергоснабжения финансируемых за счет средств федерального бюджета организаций, обеспечивающих безопасность государства”»).

[17] Споры по отдельным аспектам данного вопроса доходили даже до Европейского Суда по правам человека (см.: постановление ЕСПЧ от 09.10.2014 «Дело “Лисейцева и Маслов (Liseytseva and Maslov) против Российской Федерации” (жалобы № 39483/05 и 40527/10)») // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3.

[18] См.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.02.2016 № Ф10-4910/2015 по делу № А14-3404/2015 (с публично-правового образования была взыскана задолженность по договору по обязательствам учреждения, которое на момент возникновения долга являлось казенным предприятием и затем было реорганизовано в учреждение).

ственность по долгам его юридических лиц с помощью некоторых иных инструментов, влекущих возникновение долга за счет бюджета, не признаются надзорными органами и судами в качестве законных. Например, когда администрация муниципального образования заключила договор с поставщиком газа на поставку природного газа непосредственно уполномоченным организациям, указанным в договоре (в данном случае это муниципальное унитарное предприятие), она обязалась ежемесячно в полном объеме организовывать поступление денежных средств от уполномоченных организаций поставщику за поставленный газ, при этом предусматривалась гражданско-правовая солидарная ответственность этих организаций и заказчика (то есть самой администрации) по такой оплате, но не предусматривалось предоставление муниципальной гарантии. Суды расценили это условие как перевод обязательств муниципального унитарного предприятия на публично-правовое образование в силу закрепленного солидарного характера обязательства. Суд подчеркнул также, что, несмотря на право органов власти и местного самоуправления самостоятельно определять формы и направления расходования средств бюджета, такая форма расходования средств бюджета, как выделение ассигнований на перевод коммерческого долга в обязательства публично-правового образования, нормами бюджетного законодательства не предусмотрена. Из этого последовал вывод, что публично-правовое образование может быть обязано нести ответственность за исполнение обязательств иным лицом только путем предоставления государственной (муниципальной) гарантии, обязательства по которой включаются в состав государственного (муниципального) долга[19].

Предоставление же гарантии публично-правового образования унитарному предприятию признается законным инструментом возникновения публичного долга, причем иногда даже при невыполнении формальных требований к предоставлению такой гарантии, в случае, если это соответствует публичным интересам (то есть необходимо анализировать конкретную ситуацию, цели предоставления гарантии, субъекта — получателя гарантии и характер обязательств, обеспеченных этой гарантией). Например, суд отказал в признании недействительным (ничтожным) договора о предоставлении муниципальной гарантии, хотя на момент заключения этого договора принципал — унитарное предприятие имел задолженность по обязательным платежам в бюджетную систему и при запросе предоставления гарантии прямо указал на ее необходимость для погашения уже образовавшегося долга по договору поставки угля. Суды установили, что сделка действительно нарушает требования Бюджетного кодекса РФ, но она совершена в публичных интересах жителей муниципального образования, поскольку обеспечивает защиту населения от срыва отопительного сезона. Кроме того, она отвечает и интересам бюджета, так как предоставление гарантии снижает риски кредиторов предприятия, в том числе бенефициара. Задачей предоставления гарантии в данном случае являлись первоочередные расходы, без которых жизнедеятельность публично-правового образования невозможна, что может привести к возникновению угрозы жизни и здоровью населения, экологической безопасности, а также к чрезвычайной обстановке; при этом срочно найти другого поставщика возможности не было. К тому же нормативные акты позволяют предоставлять в таких случаях гарантию без регрессного требования, а значит, финансовое положение принципала не является обязательным условием ее получения. Как подчеркнули суды, в противном случае задолженность предприятия лишь увеличилась бы, это могло привести к его банкротству (и нарушению прав граждан) и впоследствии к необходимости создания нового юридического лица — со всеми вытекающими организационными и правовыми последствиями, что отразится и на конечных потребителях. Таким образом, суды расценили предоставление гарантии муниципальному предприятию

[19] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.02.2020 № Ф06-42821/2018 по делу № А72-5152/2018.

как законное несмотря на то, что расходы бюджета в данном случае были очевидны и произошли даже с нарушением некоторых формальных требований[20].

При этом нельзя отрицать, что предоставление гарантии публично-правового образования — это также перевод долга юридического лица на бюджет, к тому же без права регрессного требования к принципалу, однако здесь использован инструмент, закрепленный бюджетным законодательством, и суд расценил это как законные и правомерные действия, вызванные в том числе необходимостью обеспечивать интересы населения.

Таким образом, при возложении долгов юридических лиц на бюджет необходимо оценивать как цель, которая повлекла принятие на себя бюджетом таких обязательств (например, обязательства возникли из договоров поставки услуг ЖКХ), так и инструменты, в результате использования которых они возникли и которые должны быть прямо предусмотрены законодательством. Причиной возникновения таких долгов должен быть прежде всего публичный договор, который накладывает ограничения на кредитора и влияет на баланс прав и законных интересов сторон договора. Нести ответственность по долгам государственных и муниципальных учреждений могут только те публично-правовые образования, которые являются их учредителями, и обращаться надо к органам публичной власти, которые реализуют полномочия учредителя (но не обязательно обладают функциями главного распорядителя средств бюджета). Кроме того, прежде чем обращаться с требованием взыскания долга бюджетного или автономного учреждения непосредственно за счет бюджета, необходимо доказать, что отсутствует возможность взыскания долга с основного должника.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Суханов Е. А.* Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. — 2022. — № 1. — С. 136–166. — DOI: 10.24031/1992-2043-2022-22-1-136-166.

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Sukhanov E. A. Kommentarii k statyam 48, 50 Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2022. — № 1. — S. 136–166. — DOI: 10.24031/1992-2043-2022-22-1-136-166.

[20] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2022 № Ф09-10889/21 по делу № А60-28165/2021.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.045-052

Г. А. Хаитов*

Договоры и соглашения как основания возникновения расходных обязательств: правовой аспект

Аннотация. В статье проанализированы положения Бюджетного кодекса РФ, закрепляющие, что расходные обязательства в РФ возникают в том числе в результате заключения договоров и соглашений. Исследование выявило, что положения БК РФ содержат достаточно широкие формулировки, которые допускают возникновение расходных обязательств из договоров, не обладающих нормативными свойствами, в частности из договоров, заключенных от имени публично-правового образования казенным учреждением. Установлено, что такое регулирование не учитывает правовые позиции Конституционного Суда РФ, из которых следует, что расходное обязательство должно быть установлено в нормативной форме. Выявлено, что бюджетное законодательство в части регулирования расходных обязательств не синхронизировано с законодательством, регулирующим вопросы организации публичной власти. В статье приводятся аргументы, доказывающие необходимость конкретизации того, что в качестве оснований возникновения расходных обязательств должны выступать только публично-правовые договоры. По результатам исследования предложено скорректировать БК РФ в части указания конкретного перечня видов договоров и соглашений, в результате заключения которых возникают расходные обязательства.

Ключевые слова: бюджетное право; бюджетное законодательство; бюджетные отношения; расходы бюджета; расходные обязательства; публично-правовые договоры; публично-правовые соглашения; возникновение расходных обязательств; финансовое право; финансовые обязательства; публичные обязательства.
Для цитирования: *Хаитов Г. А.* Договоры и соглашения как основания возникновения расходных обязательств: правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 45–52. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.045-052.

Contracts and Agreements as Grounds for Expenditure Obligations: A Legal Aspect

Gregoriy A. Khaitov, Postgraduate Student, Department of Business and Financial Law,
Baikal State University
ul. Lenina, d. 11, Irkutsk, Russia, 664003
g.khaitov@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the provisions of the Budget Code of the Russian Federation, stipulating that expenditure obligations in the Russian Federation arise, among other things, as a result of the conclusion of contracts and agreements. The study revealed that the provisions of the Budget Code of the Russian Federation contain broad definitions that allow for the emergence of expenditure obligations from contracts that do not

© Хаитов Г. А., 2023

* *Хаитов Григорий Александрович*, аспирант кафедры предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета
ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, Россия, 664003
g.khaitov@mail.ru

have regulatory properties, in particular from contracts concluded on behalf of a public legal entity by a state institution. The paper substantiates that such regulation does not take into account the legal standing of the Constitutional Court of the Russian Federation according to which the expenditure obligation must be established in a normative form. It is revealed that the budget legislation regarding the regulation of expenditure obligations is not synchronized with the legislation regulating the organization of public power. The paper provides arguments proving the need to specify that only public law contracts should act as the grounds for the occurrence of expenditure obligations. According to the results of the study, it is proposed to adjust the Budget Code of the Russian Federation in terms of specifying a specific list of types of contracts and agreements, because of which expenditure obligations arise.

Keywords: budget law; budget legislation; budget relations; budget expenditures; expenditure obligations; public law contracts; public law agreements; occurrence of expenditure obligations; financial law; financial obligations; public obligations.

Cite as: Khaitov GA. Dogovory i soglasheniya kak osnovaniya vozniknoveniya raskhodnykh obyazatelstv: pravovoy aspekt [Contracts and Agreements as Grounds for Expenditure Obligations: A Legal Aspect]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):45-52. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.045-052. (In Russ., abstract in Eng.).

Развитие понимания расходов бюджета как денежных средств, имеющих своей целью удовлетворение публичных потребностей (потребностей государства или муниципального образования[1]) или обеспечение жизнедеятельности общества[2] в современном российском бюджетном законодательстве привело к возникновению правовой категории «расходное обязательство». В частности, статья 65 БК РФ[3] обуславливает формирование расходов бюджета соответствующими расходными обязательствами.

Расходное обязательство как элемент расходов бюджета, определяющий их обусловленность публичными функциями государства, обоснованность, эффективность, рассматривает Н. А. Поветкина[4]. А. В. Голубев рассматривает расходные обязательства как диалектическое основание, причину финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления и, следовательно, основание и причину формирования и реализации расходов бюджетов[5].

В статье 6 БК РФ расходные обязательства определяются как обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанности публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета.

Как следует из законодательного определения понятия «расходные обязательства», к числу оснований их возникновения отнесены договоры и соглашения. Таким образом, бюджетное законодательство РФ не осталось в стороне от тенденции применения договорной формы регулирования общественных отношений, которая

---

1 *Пятковская Ю. В.* Правовое регулирование расходов бюджета субъекта Российской Федерации : монография. М. : Норма, 2017. С. 8.

2 Финансовое право : учебник для средних специальных учебных заведений / под ред. Е. Ю. Грачевой, Э. Д. Соколовой. М., 2013. С. 267.

3 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

4 *Поветкина Н. А.* Расходы бюджета: понятие, признаки, особенности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 66.

5 *Голубев А. В.* Расходное обязательство как правовое основание формирования и реализации расходов бюджета, ориентированных на результат // Финансовое право. 2013. № 4. С. 12.

в системе внутригосударственного права ранее была более характерна для частного права, однако в последнее время получила свое распространение в публично-правовой сфере[6].

Правовое закрепление возможности возникновения расходных обязательств в связи с заключением договоров (соглашений) ставит задачу выяснения бюджетно-правовой природы таких договоров (соглашений). При этом следует оговориться, что настоящее исследование не ставит своей задачей выяснение разницы между понятиями «договор» и «соглашение». Их сходство, проявляющееся в юридическом оформлении конкретных вопросов в результате не одностороннего волеизъявления компетентного органа (должностного лица), а участия в принятии решений нескольких равноправных субъектов, позволяет рассматривать эти понятия в контексте данного исследования как синонимы.

Конституционный Суд РФ указывал, что предназначение бюджета для финансового обеспечения функций и задач государства и местного самоуправления предопределяет публично-правовую природу отношений, связанных с формированием и исполнением бюджетов[7]. Сбалансированное согласование интересов всего общества в публично-правовых отношениях устанавливается в нормативной форме[8].

Применительно к правовым актам как основаниям возникновения расходных обязательств данные правовые позиции нашли свое отражение в БК РФ, который не допускает возникновение расходных обязательств в результате издания (принятия) ненормативных (индивидуальных) правовых актов. Однако применительно к договорам (соглашениям) БК РФ не содержит четкого регулирования, несмотря на то, что конституционно значимо, чтобы расходное обязательство было обусловлено договором, содержащим нормативные предписания, направленные на удовлетворение публичных потребностей.

В юридической науке выделяются публично-правовые договоры как источники публичного права, которые являются основанием для возникновения, изменения или прекращения публичных общественных отношений. Отдельными авторами такие договоры подразделяются на нормативные (устанавливающие обязательные правила поведения общего характера по поводу организации и осуществления публичной власти) и ненормативные (возникающие в ходе реализации правовых норм по поводу организации и осуществления публичной власти (между публичными субъектами), по поводу реализации каких-либо публично-правовых прав или обязанностей)[9]. Однако представляется, что с учетом приведенной выше правовой позиции Конституционного Суда РФ о нормативном характере регулирования публично-правовых отношений, поскольку их предметом является возникновение, изменение или прекращение публичных правоотношений и так или иначе они касаются всего общества в целом, истинно публично-правовые договоры (договоры, в которых всеми сторонами являются публично-правовые образования) всегда носят нормативный характер.

В отличие от них, частноправовые договоры осуществляют индивидуальное правовое регу-

---

6 См.: *Кривошеев Е. В.* Договоры как источники публичного права // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 1. С. 74–78.

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2803.

8 Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2014 № 14-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” в связи с жалобой гражданина А. Н. Якимова» // СЗ РФ. 2014. № 21. Ст. 2764.

9 *Мадьярова А. В.* Договоры в муниципальном праве // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.11.2022).

лирование в ходе правоприменения, то есть они служат механизмом реализации нормативных предписаний. Такое регулирование не может существовать самостоятельно и в отрыве от нормативных актов[10]. Соответственно, договор, не обладающий признаками нормативности (как акт индивидуального правового регулирования), может предусматривать обязанность выплаты денежных средств из бюджета конкретному субъекту только как констатирующее решение, принятое в результате правоприменения после выполнения нормативных условий.

В этом контексте заслуживает внимания позиция Е. Ю. Грачевой, которая, анализируя понятие обязательства в финансовом праве, указывает, что обязательство в финансовой сфере носит абсолютный характер, что означает четкую определенность только одной стороны — должника, в качестве которого выступает государство или муниципальное образование. При этом гражданские обязательства — это относительные правоотношения, стороны которого определены[11]. Поддерживая эту позицию, представляется необходимым оговориться, что при сопоставлении обязательств в финансовой сфере и гражданских обязательств последние следует рассматривать не в общем, во всем их многообразии, а исключительно как обязательства имущественного характера, содержание которых сводится к активной обязанности должника передать имущество. Соответственно, расходные обязательства как обязательства в финансовой сфере в отношениях, сторонами которого выступают публичный субъект и частное лицо (как организация, так и гражданин), получающее средства из бюджета, не должны иметь заранее определенный субъектный состав со стороны частного получателя бюджетных средств. Д. Л. Комягин указывал, что кредитор в публичном обязательстве как виде расходных обязательств — это неопределенный круг лиц[12]. Соответственно, «конечный» кредитор должен определяться только в результате выполнения условий, определенных нормативными предписаниями. Договоры, предусматривающие обязанность предоставления средств бюджета конкретному лицу, в этом случае являются результатом правоприменительной деятельности.

Из изложенного можно сделать вывод, что допустимым основанием возникновения расходных обязательств могут быть только публично-правовые договоры.

Публично-правовые договоры классифицируются на международные и внутригосударственные. В соответствии с Конституцией Российской Федерации[13] международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 14). Среди внутригосударственных договоров Конституция РФ выделяет договоры о разграничении предметов ве́дения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 11); договоры, регулирующие отношения автономного округа с краем или областью, в состав которых входит автономный округ (ч. 4 ст. 66), а также предусматривает возможность заключения соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления друг другу части полномочий (ст. 78). Конкретизация данных конституционных положений содержится в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации

[10] См.: *Решетов Ю. С.* Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2 (20). С. 17–22.

[11] *Грачева Е. Ю.* К вопросу о финансовых обязательствах государства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 6 (22). С. 12.

[12] *Комягин Д. Л.* Расходные обязательства: контрольная и прогностическая функции // Финансовое право. 2011. № 7. С. 18.

[13] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. 06.10.2022.

публичной власти в субъектах Российской Федерации»[14], что, исходя из предмета данного закона, является еще одним доказательством публично-правовой природы этих договоров.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[15] позволяет органам местного самоуправления заключать договоры и соглашения, предусматривающие создание межмуниципальных объединений, учреждение хозяйственных обществ и других межмуниципальных организаций (ч. 4 ст. 8). Закрепляется также возможность заключения соглашений между органами местного самоуправления поселений и органами местного самоуправления муниципального района о передаче осуществления части полномочий (ч. 4 ст. 15).

Указанные договоры (соглашения) касаются реализации публичных полномочий, то есть деятельности в публичных интересах, и предполагают возникновение отношений, связанных с предоставлением средств бюджета субъектам международного права либо с предоставлением межбюджетных трансфертов. Нет сомнений, что в результате их заключения возникают расходные обязательства.

Однако статьи 84–86 БК РФ не содержат конкретных отсылок к приведенным конституционным положениям и федеральным законам, регулирующим отношения, связанные с организацией публичной власти в Российской Федерации, и предусматривают в качестве основания возникновения расходных обязательств следующие договоры (соглашения):

— договоры (соглашения) при осуществлении федеральными органами государственной власти полномочий по предметам ве́дения Российской Федерации и (или) полномочий по предметам совместного ве́дения, не отнесенным в соответствии с Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[16] к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

— договоры (соглашения) при осуществлении органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий по предметам совместного ве́дения, указанных в п. 2 и 5 ст. 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ;

— договоры (соглашения) по вопросам местного значения и иным вопросам, которые в соответствии с федеральными законами вправе решать органы местного самоуправления.

Представляется, что существующие в бюджетном законодательстве формулировки требуется скорректировать. Во-первых, важно обратить внимание законодателя на то, что Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ с 1 января 2023 г. утрачивает силу. Однако до настоящего времени соответствующие изменения в БК РФ не внесены, и бюджетное законодательство не учитывает положения Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Во-вторых, статьи 84–86 БК РФ не в полной мере учитывают положения законодательства, регулирующего отношения, связанные с организацией публичной власти в Российской Федерации, в частности касающиеся видов договоров (соглашений), которые могут заключаться органами публичной власти.

Некоторые авторы допускают возможность возникновения расходных обязательств на ос-

[14] Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 13.03.2022) // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

[15] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[16] Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

новании государственных (муниципальных) контрактов[17], трудовых договоров[18]. Однако данный подход не учитывает, что сама по себе публичная потребность, вызвавшая необходимость заключения государственного (муниципального) контракта, на момент заключения контракта уже сформулирована в нормативном правовом акте, который в данном случае и обуславливает соответствующее расходное обязательство. Аналогичным образом расходы, возникающие из трудовых отношений с государственными органами, органами местного самоуправления, казенными учреждениями, обусловлены положениями законодательства, определяющими правовой статус работодателя, устанавливающими его штатную численность, а также регулирующими систему оплаты труда.

В 2015–2016 гг. в ряде субъектов Российской Федерации в реестры расходных обязательств включались в качестве правового основания возникновения расходных обязательств государственные контракты, а также служебные контракты и трудовые договоры[19]. Однако анализ реестра расходных обязательств Российской Федерации на 2022 г. и плановый период 2023–2024 гг. и сводного реестра расходных обязательств субъектов Российской Федерации[20] показал, что в настоящее время такая проблема отсутствует и каждое расходное обязательство в реестре обусловлено законом или иным нормативным правовым актом либо публично-правовым договором.

Представляется, что устранение указанных проблем на практике явилось результатом работы контрольно-счетных органов, которые многократно указывали на необходимость нормативного установления расходных обязательств[21]. Вместе с тем действующая редакция БК РФ позволяет трактовать его расширительно, относя к числу оснований возникновения расходных обязательств договоры (соглашения), которые не носят нормативного характера. Более того, на сегодняшний момент БК РФ напрямую предусматривает возможность возникновения расходных обязательств в результате заключения договоров (соглашений) от имени публично-правового образования казенным учреждением.

Казенное учреждение является типом государственного или муниципального учреждения, правовое положение которого определено в ГК РФ[22] (ст. 123.21, 123.22). Статья 161 БК РФ определяет лишь особенности правового положения казенных учреждений, регламентируя главным образом вопросы финансового обеспечения их деятельности за счет средств бюджета. Однако вопросы заключения договоров (соглашений) казенными учреждениями не нашли закрепления в бюджетном законодательстве, несмотря на то, что регулирование этих вопросов хоть как-то обосновывало бы соответствующее основание возникновения расходных обязательств (в отличие от этого, например, БК РФ регулирует заключение соглашений с бюджетными и автономными учреждениями, предметом которых является предоставление субсидий, однако такие соглашения в качестве

[17] См.: *Голубев А. В.* Указ. соч. С. 13–14.

[18] См.: *Клишина М. А.* Составление проекта бюджета: проблемы и перспективы // Финансовое право. 2006. № 3. С. 2–7.

[19] См.: *Пятковская Ю. В.* Указ. соч. С. 100–104.

[20] Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет». URL: https://budget.gov.ru/Бюджет/Расходы/Конституционные-гарантии (дата обращения: 30.11.2022).

[21] См.: Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации) // URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/bb9/bb955e16ddbb60ce8a85a7be0d45f604.pdf (дата обращения: 01.12.2022) ; Информация по результатам проведенной экспертизы проекта закона Иркутской области «Об областном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» (ПЗ-620) // URL: http://irksp.ru/?page_id=10063 (дата обращения: 01.12.2022).

[22] Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

оснований возникновения расходных обязательств в ст. 84–86 БК РФ не поименованы).

В связи с изложенным для определения правовой природы договоров (соглашений), которые заключаются казенными учреждениями, требуется обращение именно к гражданскому законодательству. Это также можно подтвердить тем, что в большинстве случаев контрагентом по договорам (соглашениям), заключенным казенным учреждением, выступают лица, не являющиеся участниками бюджетного процесса (перечень участников бюджетного процесса закреплен в ст. 152 БК РФ) и в силу ст. 1 БК РФ такие отношения не могут рассматриваться в качестве бюджетных.

Гражданско-правовой статус казенных учреждений обуславливает применение в отношении заключаемых ими договоров статьи 420 ГК РФ, которая определяет договор как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или о прекращении гражданских прав и обязанностей. Соответственно, такие договоры носят частный характер и являются результатом правоприменительной деятельности, что свидетельствует о том, что в этом случае в БК РФ игнорируется важнейшее условие существования расходных обязательств — их направленность на удовлетворение публичных потребностей.

Чтобы говорить об удовлетворении публичных потребностей в результате заключения гражданского-правового договора, важно определить, в рамках решения каких публичных задач заключен такой договор, заключен ли он компетентным органом (должностным лицом), чем обосновывается необходимость финансового обеспечения такого договора за счет средств бюджета. Ответы на эти вопросы содержатся в нормативных правовых актах и публично-правовых договорах, которые обеспечивают нормативное регулирование общественных отношений.

В связи с этим осуществление расходов бюджета на основании гражданско-правового договора (в частности, договора, заключенного казенным учреждением) в любом случае должно быть обосновано с точки зрения нормативно установленного расходного обязательства.

Действующий БК РФ фактически закрепляет возможность придания публичного характера (как заключаемым для удовлетворения публичных потребностей) любым гражданско-правовым договорам казенного учреждения, не давая компетентным органам, главным образом законодательным (представительным) органам при утверждении бюджета, определять направления расходования бюджета в рамках социально-экономической и финансовой политики соответствующего публично-правового образования. Соответственно, решение об осуществлении расходов только на основании договора казенного учреждения (в отсутствие нормативных правовых актов, определяющих публичные потребности, для удовлетворения которых заключаются такие договоры, и уполномочивающих казенные учреждения на заключение таких договоров) противоречит сути расходов бюджета и обозначенным выше правовым позициям Конституционного Суда РФ.

На основании изложенного представляется, что БК РФ нуждается в корректировке в части закрепления того, что расходные обязательства возникают исключительно в результате принятия законов и иных нормативных правовых актов, а также договоров публично-правового характера: международных договоров Российской Федерации; договоров о разграничении предметов ве́дения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; договоров, регулирующих отношения автономного округа с краем или областью, в состав которого входит автономный округ; соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления друг другу части полномочий; соглашений органов местного самоуправления о создании межмуниципальных образований; соглашений между органами местного самоуправления поселений и органами местного самоуправления муниципального района о передаче осуществления части полномочий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Голубев А. В.* Расходное обязательство как правовое основание формирования и реализации расходов бюджета, ориентированных на результат // Финансовое право. — 2013. — № 4. — С. 12–17.
2. *Грачева Е. Ю.* К вопросу о финансовых обязательствах государства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 6 (22). — С. 10–20.
3. *Клишина М. А.* Составление проекта бюджета: проблемы и перспективы // Финансовое право. — 2006. — № 3. — С. 2–7.
4. *Комягин Д. Л.* Расходные обязательства: контрольная и прогностическая функции // Финансовое право. — 2011. — № 7. — С. 16–19.
5. *Кривошеев Е. В.* Договоры как источники публичного права // Правовая парадигма. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 74–78.
6. *Мадьярова А. В.* Договоры в муниципальном праве // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. *Поветкина Н. А.* Расходы бюджета: понятие, признаки, особенности // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 8. — С. 65–70.
8. *Пятковская Ю. В.* Правовое регулирование расходов бюджета субъекта Российской Федерации : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. — М. : Норма, 2017. — 288 с.
9. *Решетов Ю. С.* Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 2 (20). — С. 17–22.
10. Финансовое право : учебник для средних специальных учебных заведений / под ред. Е. Ю. Грачевой, Э. Д. Соколовой. — М., 2013. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Golubev A. V. Raskhodnoe obyazatelstvo kak pravovoe osnovanie formirovaniya i realizatsii raskhodov byudzheta, orientirovannykh na rezultat // Finansovoe pravo. — 2013. — № 4. — S. 12–17.
2. Gracheva E. Yu. K voprosu o finansovykh obyazatelstvakh gosudarstva // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2016. — № 6 (22). — S. 10–20.
3. Klishina M. A. Sostavlenie proekta byudzheta: problemy i perspektivy // Finansovoe pravo. — 2006. — № 3. — S. 2–7.
4. Komyagin D. L. Raskhodnye obyazatelstva: kontrolnaya i prognosticheskaya funktsii // Finansovoe pravo. — 2011. — № 7. — S. 16–19.
5. Krivosheev E. V. Dogovory kak istochniki publichnogo prava // Pravovaya paradigma. — 2018. — T. 17. — № 1. — S. 74–78.
6. Madyarova A. V. Dogovory v munitsipalnom prave // Dostup iz SPS «KonsultantPlyus».
7. Povetkina N. A. Raskhody byudzheta: ponyatie, priznaki, osobennosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2015. — № 8. — S. 65–70.
8. Pyatkovskaya Yu. V. Pravovoe regulirovanie raskhodov byudzheta subekta Rossiyskoy Federatsii: monografiya / pod red. E. Yu. Grachevoy. — M.: Norma, 2017. — 288 s.
9. Reshetov Yu. S. Normativnoe i individualnoe pravovoe regulirovanie // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2013. — № 2 (20). — S. 17–22.
10. Finansovoe pravo: uchebnik dlya srednikh spetsialnykh uchebnykh zavedeniy / pod red. E. Yu. Grachevoy, E. D. Sokolovoy. — M., 2013. — 352 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.053-063

Л. Н. Павлова*

Условия отнесения исковых заявлений к делам упрощенного производства, не ограниченным ценой иска

Аннотация. В статье исследуются процессуальные нормы, которые устанавливают условия отнесения исков к делам упрощенного производства, не ограниченным суммой требований, а также практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции по их применению, которая свидетельствует об отсутствии единообразия в толковании этих условий. Делается вывод о том, что такие иски должны по представленным истцом документам отвечать характеристике бесспорности, однако выявленная после назначения дела к рассмотрению в порядке упрощенного производства небесспорность требований сама по себе не препятствует их рассмотрению в названной процедуре. Автор указывает на необходимость разграничения условия о подтверждении ответчиком задолженности и условия признания ответчиком денежных обязательств, обосновывает ориентиры в понимании и оценке последнего. В статье также отмечается, что в правовой регламентации соотношения дел приказного и упрощенного производства в гражданском процессе имеется несогласованность. Если в арбитражном процессе все дела приказного производства, по которым не был выдан судебный приказ, подпадают под дела упрощенного производства, не требующие отсутствия спора о праве, то в гражданском процессе этого в полной мере не происходит и соответствующие требования рассматриваются в общем исковом порядке, поскольку не могут быть отнесены к рассматриваемой категории дел упрощенного производства из-за отсутствия у них характеристики бесспорности. В заключение формулируются предложения по даче судам дополнительных разъяснений относительно формальных признаков данной категории дел упрощенного производства и указывается на необходимость в гражданском процессе для дел упрощенного производства установить ограничение не в 100 000 руб., а в 500 000 руб.

Ключевые слова: арбитражный процесс; гражданский процесс; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; дела упрощенного производства; практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции; формальные признаки дел упрощенного производства; бесспорность; признание денежных обязательств; подтверждение задолженности.

Для цитирования: *Павлова Л. Н.* Условия отнесения исковых заявлений к делам упрощенного производства, не ограниченным ценой иска // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 53–63. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.053-063.

© Павлова Л. Н., 2023

* *Павлова Лариса Николаевна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
lornikpavlova@mail.ru

Conditions for Referring Claims to Summarily Triable Cases not Limited to the Amount of the Claim

Larisa N. Pavlova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Proceedings, Russian State University of Justice
ul. Novocheremushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418
lornikpavlova@mail.ru

Abstract. The paper examines the procedural rules establishing conditions for assigning claims to summarily triable cases that are not limited by the amount of claims, as well as the practice of arbitrazh courts and courts of general jurisdiction on their application, which indicates the lack of uniformity in the interpretation of these conditions. The author concludes that such claims should, according to the documents submitted by the plaintiff, meet the criteria of indisputability. However, indisputability of the claims identified after referring the case for consideration in a summary procedure does not in itself prevent their consideration in the procedure mentioned above. The author points out the need to distinguish between the conditions for the confirmation of debt by the defendant and the conditions for the recognition of monetary obligations by the defendant; the author justifies the guidelines in understanding and evaluating the latter. The paper also highlights inconsistency in the legal regulation of the balance between writ cases and cases of summary proceedings in civil proceedings. If in the arbitrazh procedure all cases of writ proceedings for which a writ has not been issued fall under the category of summary proceedings that do not require the absence of a dispute concerning the issue of law. In civil proceedings this does not occur and the relevant claims are considered in the general claim procedure, since they cannot be attributed to the category of summary proceedings due to the lack of the criterion of indisputability. In conclusion, the author suggests additional explanations be provided to the courts regarding the formal features of this category of summary proceedings and indicate the need in civil proceedings for summary proceedings to set a limit not of 100,000 rubles, but 500,000 rubles.

Keywords: arbitrazh procedure, civil procedure; civil proceedings; arbitrazh proceedings; summary proceedings; practice of arbitrazh courts and courts of general jurisdiction; formal signs of summary proceedings; indisputability; recognition of monetary obligations; confirmation of debt.

Cite as: Pavlova LN. Usloviya otneseniya iskovykh zayavleniy k delam uproshchennogo proizvodstva, ne ogranichennym tsenoy iska [Conditions for Referring Claims to Summarily Triable Cases not Limited to the Amount of the Claim]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):53-63. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.053-063. (In Russ., abstract in Eng.).

Согласно арбитражному процессуальному и гражданскому процессуальному законодательству иски, основанные на документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору, и не подпадающие под дела приказного производства, должны рассматриваться в порядке упрощенного производства независимо от усмотрения и волеизъявления суда и сторон (п. 1 ч. 2 ст. 227 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ). Для данной категории дел не устанавливается ограничение по сумме заявленных требований (далее — дела с неограниченной ценой иска).

Относительно применения названных норм Верховным Судом РФ даны разъяснения[1] (далее — Постановление № 10), которые, как свидетельствует нижеприведенный анализ материалов судебной практики, не смогли в полной

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6. С. 2–12.

мере обеспечить единообразное применение норм, поскольку судами дается различное толкование формальных признаков данной категории дел, что ведет к неправильному определению процедуры рассмотрения заявленных исковых требований.

Причины этого, на наш взгляд, кроются в неудачной законодательной формулировке данных признаков, затрудняющей их однозначное понимание, и в отсутствии у судов более развернутых ориентиров по оценке документов, представленных истцом в подтверждение заявленных исковых требований, на предмет соблюдения условий о признании ответчиком обязательств и подтверждения им задолженности.

В целях объективного толкования дел с неограниченной ценой иска прежде всего необходимо определиться с их общей характеристикой, то есть с тем, должны ли они отвечать критерию бесспорности?

Полагаем, что законодательное указание на признание ответчиком обязательств и подтверждение им задолженности позволяет однозначно дать утвердительный ответ. Заявленные исковые требования можно отнести к делам рассматриваемой категории только в случае их бесспорности. Такого же мнения придерживаются и суды[2].

В качестве дополнительного аргумента можно сослаться на пояснительную записку к проекту федерального закона, которым были сформулированы критерии дел упрощенного производства. В ней данная категория дел определялась в качестве требований, носящих бесспорный характер[3].

Может возникнуть вопрос, а не вступает ли такая характеристика в противоречие с указанием о том, что рассмотрение дел в порядке упрощенного производства не исключает наличие спора о праве (п. 1 Постановления № 10)?

Полагаем, нет. На наш взгляд, данной характеристике исковые требования должны отвечать на этапе принятия судом определения о рассмотрении их в порядке упрощенного производства, т.е. бесспорность как формальный признак рассматриваемой категории дел должна устанавливаться судом по представленным истцом документам. В дальнейшем сам факт поступления от ответчика возражений относительно заявленных требований, хотя и не позволяет считать их признаваемыми (подтверждаемыми) ответчиком, тем не менее не всегда будет свидетельствовать о невозможности рассмотрения дела в упрощенном порядке. В этом, как видится, и должно состоять отличие приказного производства от упрощенного.

Другими словами, бесспорность как условие, позволяющее назначить рассмотрение требований в упрощенном порядке, устанавливается судом лишь на момент разрешения вопроса о принятии исковых требований к производству суда и определения процедуры их рассмотрения, а переход к общим правилам искового производства не должен осуществляться лишь потому, что дело перестало отвечать формальному признаку.

---

[2] Например: постановления АС Западно-Сибирского округа от 30.09.2021 по делу № А45-33424/2020, от 15.02.2019 по делу № А75-4552/2018; АС Северо-Западного округа от 29.03.2022 по делу № А56-65018/2021; АС Уральского округа от 17.02.2021 по делу № А60-17355/2020; Первого ААС от 04.03.2019 по делу № А43-34692/2018; Седьмого ААС от 23.04.2019 по делу № А03-17989/2018; Восьмого ААС от 22.09.2020 по делу № А75-6498/2020; Девятого ААС от 12.05.2022 по делу № А40-289259/2021; Тринадцатого ААС от 28.12.2020 по делу № А56-55448/2020; Пятнадцатого ААС от 07.06.2021 по делу № А53-280/2021; Двадцатого ААС от 22.08.2019 по делу № А84-855/2019; определения Первого КСОЮ от 22.01.2021 № 88-1203/2021; Второго КСОЮ от 26.11.2019 по делу № 88-646/2019; Третьего КСОЮ от 22.10.2020 № 88-14980/2020; Четвертого КСОЮ от 24.04.2020 по делу № 88-9716/2020.

[3] П. 2.1 пояснительной записки к проекту федерального закона № 725381-6 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (в части унификации процедур и правил, применяемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами)» // СПС «КонсультантПлюс».

Представляется обоснованной практика арбитражных судов и некоторых судов общей юрисдикции, придерживающихся правовой позиции о том, что выявленная после назначения дела к рассмотрению в упрощенном производстве небесспорность требований не является основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства[4].

Не являются таким основанием и возражения ответчика относительно рассмотрения заявленных требований по упрощенной процедуре с указанием на их непризнание.

Для того чтобы наступили указанные правовые последствия, такие возражения:

— во-первых, должны быть мотивированы, высказаны по существу предъявленного иска, подтверждены представленными доказательствами[5];

— во-вторых, они должны свидетельствовать о наличии обстоятельств, которые в силу ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ и ч. 5 ст. 227 АПК РФ не позволяют рассмотреть дело в упрощенной процедуре и требуют перехода к общим правилам искового производства[6]. Как правило, выявленная спорность заявленных требований ведет к необходимости выяснить дополнительные обстоятельства, исследовать дополнительные доказательства, назначить по делу экспертизу, заслушать свидетельские показания.

Именно с этих позиций следует рассматривать возражения ответчика относительно разрешения дела в упрощенном производстве[7].

Ведь само рассмотрение заявленных требований в упрощенном производстве, в отличие от приказного, не обусловлено их бесспорностью, поскольку указанная процедура не препятствует реализации ответчиком процессуальных прав по подаче возражений и доказательств, опровергающих требования истца, и оценке их судом, т.е. не лишает ответчика участия в рассмотрении спора. Названная процедура не ограничивает стороны в каких-либо правах, в том числе по представлению своих доказательств, пояснений, возражений, ходатайств и заявлений. И только когда данный порядок в силу сокращенного срока рассмотрения дела и (или) процедурных особенностей не позволяет участникам процесса реализовать свои процессуальные права (например, на представление доказательств, заслушивание свидетельских показаний, проведение судебной экспертизы и т.д.), объективно возникает необходимость отказаться от упрощенной процедуры, поскольку в таком случае она не будет отвечать целям эффективного правосудия.

Употребление союзов «и (или)» в тексте процессуальных норм позволяет заключить, что для отнесения исковых требований к делам упрощенного производства законодатель установил два альтернативных условия, которые могут иметь место и одновременно. Первым является признание ответчиком денежных обязательств, вторым — наличие письменного подтверждения ответчиком задолженности.

Такая альтернативность небезупречна и уже сама по себе вызывает затруднение в четком разграничении указанных условий, так как если признание обязательств еще не означает признание по ним задолженности, то подтверждение последней не может быть без признания обязательств, а представление документа, подтверждающего задолженность, не исключает

[4] Например: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 10.03.2020 по делу № А78-8058/2019; Второго ААС от 31.10.2018 по делу № А17-3320/2018; Третьего ААС от 23.04.2021 по делу № А33-31916/2020; Четвертого ААС от 16.12.2019 по делу № А78-8058/2019, от 12.03.2019 по делу № А58-7247/2018; Пятого ААС от 11.10.2019 по делу № А59-1886/2019; Седьмого ААС от 25.11.2020 по делу № А03-8062/2020; Девятого ААС от 09.06.2021 по делу № А40-254552/2020, от 30.04.2021 по делу № А40-201716/2020; Одиннадцатого ААС от 02.02.2021 по делу № А65-21608/2020; Пятнадцатого ААС от 24.12.2019 по делу № А32-28815/2019, от 13.08.2019 по делу № А32-13288/2019; апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.10.2020 по делу № 33-13526/2020.

[5] Например: постановления АС Московского округа от 22.09.2021 по делу № А40-45536/2021; АС Восточно-Сибирского округа от 10.03.2020 по делу № А78-8058/2019; АС Центрального округа от 08.04.2020 по делу № А54-6852/2019; Четвертого ААС от 16.12.2019 по делу № А78-8058/2019.

необходимости представить и документ, устанавливающий само денежное обязательство.

Союз «или» в контексте анализируемых норм предполагает, что признание денежных обязательств ответчиком может не сопровождаться подтверждением им задолженности, а значит, имеет определенное самостоятельное содержание, поскольку является достаточным условием для отнесения иска к данной категории дел, отличающимся от подтверждения ответчиком задолженности по договору.

Продемонстрировать неравнозначность признания денежных обязательств и подтверждения задолженности по договору (денежному обязательству) можно на ситуации, когда ответчик само наличие обязательств перед истцом не оспаривает (признает), однако не соглашается с наличием задолженности или размером долга. Другими словами, он утверждает, к примеру, что деньги взаймы брал, но возвратил их в сумме большей, чем требует истец, либо отсутствуют основания для взыскания процентов.

Следует отметить, что в юридической литературе уже обращалось внимание на необходимость при применении п. 3 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ разграничивать понятия «признание денежного обязательства» и «признание долга»[8]. Однако, как показал анализ судебной практики, зачастую суды не усматривают никакого различия между признанием ответчиком денежного обязательства и подтверждением (признанием) задолженности по договору, полностью отождествляя их.

К примеру, это подтверждается выводами некоторых кассационных судов общей юрисдикции, согласно которым из положений п. 3 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ и п. 9 Постановления № 10 следует, что для рассмотрения основанных на кредитном договоре требований в упрощенном производстве необходимо наличие письменного документа, подтверждающего признание ответчиком задолженности (основного долга и размера процентов)[9].

Аналогичные выводы можно встретить и в практике арбитражных судов: непредставление истцом в дело документального подтверждения ответчиком задолженности указывает на отсутствие оснований, предусмотренных частью 2 ст. 227 АПК РФ, и исключает возможность рассмотрения дела в порядке упрощенного производства[10].

Какие же документы, отличные от документов, в которых содержится подтверждение ответчиком задолженности, позволяют суду заключить, что ответчик признает денежные обязательства? Достаточно ли документа, подписанного ответчиком и устанавливающего само денежное обязательство, которым согласно п. 9 Постановления № 10 является, в частности, договор, либо помимо него требуется какой-то дополнительный документ, подписанный ответчиком? Можно ли руководствоваться разъяснением, данным для дел приказного производства, о том, что заявленные требования следует считать признаваемыми, если несогласие должника с ними и обосновывающими их доказательства-

---

6 См., например: постановления АС Московского округа от 29.09.2021 по делу № А40-14611/2021; АС Северо-Кавказского округа от 28.04.2020 по делу № А32-28815/2019; Второго ААС от 11.09.2020 по делу № А28-4466/2020, от 30.01.2019 по делу № А28-12091/2018; Третьего ААС от 19.07.2022 по делу № А74-1063/2022; Восемнадцатого ААС от 24.07.2018 по делу № А07-1636/2018; Пятнадцатого ААС от 13.08.2019 по делу № А32-13288/2019.

7 См., например: постановления АС Северо-Западного округа от 16.12.2020 по делу № А56-19746/2020; АС Московского округа от 25.12.2019 по делу № А40-111364/2019, от 04.04.2019 по делу № А40-162308/2018.

8 *Бортникова Н. А.* Обжалование судебных решений, принятых в упрощенном производстве // Российский судья. 2019. № 7. С. 3–8.

9 Например: определения Шестого КСОЮ от 17.10.2020 № 88-21680/2020, Первого КСОЮ от 19.12.2019 № 88-3522/2019.

10 Например: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 17.06.2021 по делу № А33-28582/2020, АС Западно-Сибирского округа от 28.01.2021 по делу № А45-9343/2020.

ми не усматривается из представленных в суд документов?[11]

Постановление № 10 ответов на указанные вопросы не содержит, что и предопределяет различные мнения судов на поставленные вопросы. Единообразия не наблюдается даже среди судей одного суда.

Так, одни суды полагают, что сам по себе подписанный договор не является документом, дающим основание полагать, что денежные обязательства ответчиком признаются, и, как следствие, достаточным для формального отнесения заявленных требований к рассматриваемой категории дел (первый подход)[12], другие придерживаются противоположной точки зрения (второй подход)[13].

Первым подходом в основном руководствуются суды общей юрисдикции, а также некоторые арбитражные суды, полагающие, что помимо договора должен быть представлен некий документ, подписанный ответчиком и содержащий соответствующее признание[14].

Этому подходу свойственны мнения о том, что ненаправление ответчиком возражений на претензию и исковое заявление не свидетельствует о признании им денежных требований[15], а банковские выписки по счету о производимых по договору платежах и иные доказательства частичного исполнения денежных обязательств (договора) не являются документами, подтверждающими признание ответчиком денежных обязательств[16]. Хотя в отношении последнего имеется и противоположная позиция, которая признает указанные документы в качестве таковых[17].

Можно предположить, что первый подход в некоторой степени опирается на определение Верховного Суда РФ, в котором было отмечено, что «из представленных истцом доказательств по делу, которое может быть рассмотрено в упрощенном производстве, должно следовать признание (подтверждение) ответчиком задолженности перед истцом» и отсутствие ответа на претензию не свидетельствует о признании ответчиком задолженности[18].

---

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве». П. 4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. С. 3–10.

[12] См., например: постановление АС Поволжского округа от 15.04.2021 по делу № А06-7945/2020; определения Первого КСОЮ от 26.03.2021 № 88-5184/2021, Второго КСОЮ от 27.04.2020 по делу № 88-7269/2020, Пятого КСОЮ от 21.05.2020 по делу № 88-3723/2020.

[13] См., например: постановления Четвертого ААС от 13.04.2021 по делу № А19-20562/2020; определения Второго КСОЮ от 01.09.2020 по делу № 88-17770/2020, от 01.09.2020 № 88-17767/2020; Седьмого КСОЮ от 20.08.2021 по делу № 88-11678/2021, от 20.05.2021 по делу № 88-8085/2021, от 12.03.2021 по делу № 88-3663/2021; Восьмого КСОЮ от 30.04.2021 по делу № 88-6780/2021.

[14] Определения Первого КСОЮ от 26.03.2021 № 88-5184/2021, от 01.02.2021 № 88-2681/2021, от 22.01.2021 № 88-1203/2021, от 17.06.2020 № 88-9618/2020, от 27.12.2019 по делу № 88-3504/2019; Второго КСОЮ от 27.04.2020 по делу № 88-7269/2020; Третьего КСОЮ от 23.12.2020 № 88-20412/2020, от 22.10.2020 № 88-14980/2020, от 05.10.2020 № 88-14483/2020, от 25.12.2019 № 88-2887/2019; Пятого КСОЮ от 21.05.2020 по делу № 88-3723/2020; Шестого КСОЮ от 20.07.2021 по делу № 88-14368/2021, от 17.10.2020 по делу № 88-21680/2020; Восьмого КСОЮ от 13.04.2021 № 88-6028/2021; постановление АС Восточно-Сибирского округа от 17.06.2021 по делу № А33-28582/2020.

[15] Постановление АС Поволжского округа от 15.04.2021 по делу № А06-7945/2020.

[16] См., например: определение Третьего КСОЮ от 22.10.2020 № 88-14980/2020.

[17] Например: определения Второго КСОЮ от 01.09.2020 по делу № 88-17767/2020; Седьмого КСОЮ от 20.08.2021 № 88-11678/2021, от 20.07.2021 № 88-10812/2021; Восьмого КСОЮ от 19.07.2021 № 88-12626/2021.

[18] Определение Верховного Суда РФ от 17.10.2019 № 305-ЭС19-6611.

Однако некорректно руководствоваться данными выводами, не учитывая конкретные обстоятельства дела, по которому они были сделаны, а именно: в рассмотренном деле из искового заявления и приложенного к нему протокола разногласий очевидно усматривалось мотивированное несогласие ответчика с размером предъявленной ко взысканию задолженности. Соответственно, на стадии принятия заявленные требования не отвечали характеристике бесспорности и дело не должно было назначаться к рассмотрению в упрощенном порядке. Кроме того, из приведенных выводов не следует, что признание ответчиком денежных обязательств должно подтверждаться исключительно документом, в котором письменно выражается согласие ответчика с предъявленной задолженностью.

На наш взгляд, принимая во внимание, что признание ответчиком денежных обязательств и подтверждение (признание) задолженности по договору — разные условия для отнесения требований к делам, подлежащим рассмотрению в упрощенном производстве, согласиться с вышеизложенным подходом нельзя, так как он не проводит различие в данных основаниях. Кроме того, этот подход значительно уменьшает число дел рассматриваемой категории за счет исков по денежным обязательствам, которые не оспариваются ответчиком, поскольку возразить нечем, а «молчаливо» не исполняются, при этом должник, как известно, в подавляющем большинстве случаев дополнительно не оформляет письменное признание своей задолженности.

Второго подхода придерживается большинство арбитражных судов. Он характеризуется тем, что суды разграничивают признание ответчиком денежного обязательства и подтверждение (признание) задолженности и в оценке денежных обязательств как признаваемых ответчиком фактически применяют вышеуказанное разъяснение Верховного Суда РФ для дел приказного производства.

Другими словами, если из представленных истцом в суд документов не вытекает несогласие ответчика с заявленными требованиями, отсутствуют возражения ответчика относительно действительности как самого денежного обязательства, так и взыскиваемой задолженности, в том числе по ее размеру, исковые требования расцениваются как признаваемые ответчиком, и наоборот: возражения ответчика относительно заявленных исковых требований, в том числе по их размеру, свидетельствуют о непризнании денежных обязательств и, как следствие, о неправомерности разрешения дела в упрощенном производстве[19].

Для краткости этот подход можно назвать подходом презумпции признания.

По нашему мнению, именно подход презумпции признания ответчиком денежных обязательств заслуживает поддержки как отвечающий действующему правовому регулированию. Кроме того, такой подход не позволяет злоупотреблять своими правами пассивному ответчику, который ни на досудебной стадии, ни в суде первой инстанции никак не реагирует на предъявленные требования, а свои возражения представляет лишь в вышестоящий суд, ссылаясь на отсутствие в деле его письменного признания взысканной задолженности и, как следствие, на неправомерность рассмотрения дела в упрощенном производстве.

Как свидетельствует судебная практика, нередко суды делают вывод о непризнании ответчиком денежных обязательств лишь на основании возражений по иску, заявленных только в апелляционной или кассационной жалобах, в том числе без оценки их мотивированности[20].

[19] Постановления АС Дальневосточного округа от 04.06.2021 по делу № А24-6449/2019; АС Московского округа от 26.03.2020 по делу № А40-178399/2019; АС Северо-Западного округа от 22.07.2021 по делу № А56-109693/2020, от 28.01.2021 по делу № А56-32376/2020, от 16.01.2020 по делу № А21-3158/2019; АС Северо-Кавказского округа от 10.10.2018 по делу № А15-6417/2017; АС Центрального округа от 14.05.2021 по делу № А62-7212/2020; Первого ААС от 07.06.2018 по делу № А39-10396/2017; Второго ААС от 11.09.2020 по делу № А28-4466/2020.

[20] Например: определения Третьего КСОЮ от 23.12.2020 № 88-20412/2020; апелляционные определения Московского городского суда от 08.04.2019 по делу № 33-14872/2019, от 18.01.2018 по делу № 33-1647/2018.

Сказанное особенно актуально для судов общей юрисдикции, поскольку в силу ч. 3 ст. 335.1 ГПК РФ неправомерное рассмотрение дела в порядке упрощенного производства является основанием для отмены решения и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по общим правилам искового производства.

Подхода презумпции признания придерживаются и некоторые суды общей юрисдикции[21]. Именно на нем основывается сложившаяся в судах общей юрисдикции правовая позиция, согласно которой предшествующая отмена мировым судьей судебного приказа в связи с поступлением от должника возражений относительно его исполнения свидетельствует об отсутствии бесспорности соответствующих исковых требований и о непризнании ответчиком денежных обязательств[22].

Руководствуясь подходом презумпции признания, эту позицию судов общей юрисдикции следует оценивать как принципиально верную. Вместе с тем она вступает в некоторое противоречие с разъяснением Верховного Суда РФ о том, что в рассматриваемую категорию дел входят требования, по которым судебный приказ был отменен либо отказано в принятии заявления о его вынесении (абз. 3 п. 10 Постановления № 10), что, как известно, имеет место при поступлении возражений должника и наличии спора о праве.

В арбитражных судах подобная позиция не могла сформироваться и обозначенное противоречие не проявляется, так как в случае отмены судебного приказа либо отказа в принятии заявления о его выдаче соответствующие требования, не превышающие 500 000 руб., подпадают под категорию дел упрощенного производства, имеющих ограничение по цене иска и не требующих признания ответчиком денежных обязательств, поскольку ограничение по сумме составляет 800 000 руб. для юридических лиц и 400 000 руб. для индивидуальных предпринимателей.

Полагаем, что в правовой регламентации соотношения дел приказного и упрощенного производства в гражданском процессе присутствует несогласованность: если в арбитражном процессе требования по задолженностям, которые не превышают 500 000 руб. и по которым не выдан судебный приказ, относятся к делам упрощенного производства, не требующим признания ответчиком денежных обязательств (п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ), то в гражданском процессе этого не происходит, так как для последних установлено ограничение в 100 000 руб.

В результате такое положение приводит к снижению количества дел упрощенного производства в гражданском процессе за счет требований по денежным обязательствам с ценой иска в диапазоне от 100 000 до 500 000 руб., по которым не выдан судебный приказ, но не представляющих сложности в их разрешении хотя бы потому, что первоначально они относились к делам приказного производства, а возражения относительно исполнения судебного приказа могут не мотивироваться.

Представляется, что поскольку к делам приказного производства отнесены так называемые малые иски (до 500 000 руб.), характеризующиеся бесспорностью, то при наличии в них спора о праве они должны рассматриваться в упрощенном производстве, не исключающем спорность требований.

Обозначенная несогласованность требует устранения путем увеличения цены иска для требований, предусмотренных пунктом 1 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ, как минимум до 500 000 руб.

[21] См., например: определения Первого КСОЮ от 16.11.2020 № 88-25722/2020, Второго КСОЮ от 01.09.2020 по делу № 88-17770/2020, Восьмого КСОЮ от 30.04.2021 № 88-6780/2021; апелляционное определение Санкт-Петербургского суда от 14.08.2018 № 33-15249/2018 по делу № 2-4144/2017.

[22] Определения Первого КСОЮ от 18.02.2022 по делу № 884420/2022, от 05.02.2021 № 88-1729/2021, от 22.01.2021 № 88-1203/2021, от 17.06.2020 № 88-9618/2020; Второго КСОЮ от 27.04.2020 по делу № 88-7269/2020; Шестого КСОЮ от 20.07.2021 по делу № 88-14368/2021, от 17.11.2020 по делу № 88-1680/2020, от 06.04.2020 по делу № 88-7827/2020; Восьмого КСОЮ от 13.04.2021 № 88-6028/2021; Девятого КСОЮ от 24.02.2021 по делу № 88-2164/2021.

Следует отметить, что первоначально законопроект, вводящий упрощенное производство в гражданский процесс, предусматривал именно такой размер[23], и все дела приказного производства, не разрешенные в данной процедуре, как правило, должны были попадать в указанную категорию дел, которая не требует отсутствия спора о праве.

При применении подхода презумпции признания с позиции разграничения понятий «признание денежного обязательства» и «признание задолженности» может возникнуть вопрос, можно ли считать денежные обязательства признаваемыми ответчиком и назначить дело к рассмотрению в упрощенном порядке в ситуации, когда из представленных истцом документов следует, что ответчик само денежное обязательство не оспаривает, но не согласен с размером задолженности?

В литературе было высказано мнение о том, что под признаваемыми ответчиком денежными обязательствами следует понимать такие обязательства, само существование которых ответчик не оспаривает, т.е. не заявляет о безденежности, мнимости (притворности), подложности документа, устанавливающего обязательство, не оспаривает свою подпись, не утверждает, что обязательство исполнено в полном объеме. При этом несогласие ответчика с размером взыскиваемой по документам суммы не должно расцениваться как непризнание денежных обязательств[24].

Однако, по нашему мнению, на поставленный вопрос следует дать отрицательный ответ, поскольку при указанной ситуации заявленные требования не будут отвечать критерию бесспорности, соблюдение которого требуется для их отнесения к делам упрощенного производства. В контексте анализируемых процессуальных норм любое несогласие ответчика с заявленными исковыми требованиями следует расценивать как непризнание им денежных обязательств. Именно на такое понимание ориентирует нас Верховный Суд РФ, разъясняя, какие требования следует рассматривать в качестве бесспорных: о несогласии свидетельствуют не только возражения в отношении действительности сделки, но и возражения относительно размера требований[25].

Сказанное подчеркивает важность такой общей характеристики дел с неограниченной ценой иска, как бесспорность заявленных исковых требований.

Более однородной, но не исключающей прямо противоположные суждения судов выглядит судебная практика относительно документов, которые расцениваются как подтверждающие со стороны ответчика задолженность по договору.

Следуя разъяснениям, содержащимся в абз. 3 п. 9 Постановления № 10, суды относят к таким документам ответы на претензию, расписки и акты сверок расчетов, подписанные ответчиком, а также гарантийные письма и иную официальную переписку, из которых прямо следует признание задолженности.

В оценке иных, не поименованных в Постановлении № 10, документов как подтверждающих задолженность по договору судебная практика довольна противоречива. Так, одни суды к ним относят подписанные ответчиком товарные накладные и другие документы о передаче товара[26], акты сдачи-приемки выполненных ра-

[23] Проект федерального закона № 725381-6 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.02.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

[24] Упрощенное производство в гражданском процессе : науч.-практ. пособие / А. В. Малышкин, С. В. Рогожин, А. Е. Бочкарев [и др.]. М. : Проспект, 2017.

[25] П. 3 и 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62.

[26] Например: постановления АС Северо-Кавказского округа от 28.04.2020 по делу № А32-28815/2019; Девятого ААС от 03.03.2022 по делу № А40-203287/2021, от 09.06.2021 по делу № А40-254552/2020; Четырнадцатого ААС от 24.06.2022 по делу № А44-547/2022; Пятнадцатого ААС от 17.07.2020 по делу № А32-8407/2020.

бот (оказанных услуг) по договору[27], заявления и анкеты о предоставлении кредита[28] и т.п.[29] Другие не расценивают такие документы в качестве подтверждающих, если имеются мотивированные возражения ответчика относительно размера задолженности[30]. Третьи считают, что подписание ответчиком подобных документов не свидетельствует о подтверждении им предъявленной ко взысканию задолженности[31]. К примеру, относительно актов об оказанных услугах (о выполненных работах) мотивы этого основываются на том, что подписание со стороны ответчика данного документа без замечаний и возражений в дальнейшем не препятствует ему оспорить его, в том числе по качеству, количеству и стоимости оказанных услуг (выполненных работ)[32].

С нашей точки зрения, при отсутствии мотивированных возражений ответчика суд не должен ставить под сомнение документ, в котором ответчик подтверждает задолженность по договору, принимая во внимание лишь возможность (вероятность) его оспаривания.

В то же время в оценке документов как содержащих подтверждение ответчиком задолженности судам следует руководствоваться правовой позицией Верховного Суда РФ, согласно которой сомнения относительно наличия в представленных истцом документах подтверждения ответчиком задолженности, а тем более при представлении последним обоснованных возражений, должно толковаться в пользу рассмотрения дела по общим правилам искового производства[33].

Подводя итог вышеизложенному, в целях объективного понимания формальных признаков рассматриваемой категории дел необходимо, по нашему мнению, пункт 9 Постановления № 10 дополнить следующими разъяснениями:

— по смыслу п. 1 ч. 2 ст. 227 АПК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ для отнесения исковых требований к делам упрощенного производства такие требования должны быть бесспорными; бесспорными следует признавать требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также признаваемые и (или) подтвержденные ответчиком;

— в отсутствие обстоятельств, предусмотренных частью 4 ст. 232.2 ГПК РФ и частью 5 ст. 227 АПК РФ, выявленная после принятия определения суда о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства небесспорность требований не является основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства;

— процессуальные кодексы предусматривают два отдельных и самодостаточных условия для рассмотрения исковых заявлений в упрощенной процедуре: признание ответчиком денежных обязательств и подтверждение ответчиком задолженности;

— судам при оценке такого условия, как признание ответчиком денежных обязательств, следует рассматривать денежные обязательства как признаваемые ответчиком, если несогласие с исковыми требованиями, в том числе относительно их размера, и обосновывающими их доказательствами не усматривается из представленных истцом документов.

Кроме того, с точки зрения соблюдения логики распределения дел для их рассмотрения в упрощенных процедурах целесообразно, чтобы все требования, отнесенные к делам приказно-

[27] Например: определение ВС РФ от 01.11.2019 № 305-ЭС19-19260; постановления АС Московского округа от 29.09.2021 по делу № А40-8184/2021; Девятого ААС от 18.01.2018 по делу № А40-131456/17; Седьмого ААС от 25.11.2020 по делу № А03-8062/2020, от 01.08.2019 по делу № А27-3309/2019.

[28] Определения Первого КСОЮ от 27.01.2022 № 88-32406/2021, Седьмого КСОЮ от 02.06.2022 № 88-8477/2022.

[29] Постановление Третьего ААС от 29.05.2019 по делу № А74-163/2019.

[30] Например: постановление АС Дальневосточного округа от 04.06.2021 по делу № А24-6449/2019.

[31] См., например: постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.01.2021 по делу № А45-9343/2020.

[32] См., например: постановление Первого ААС от 04.03.2019 по делу № А43-34692/2018.

[33] Определение Верховного Суда РФ от 17.10.2019 № 305-ЭС19-6722 по делу № А40-212163/2018.

го производства и не разрешенные в данном производстве как по причине наличия спора о праве, так и в связи с поступившими возражениями должника, подпадали под упрощенное производство. Для этого в гражданском процессе для исковых заявлений, отнесенных к делам упрощенного производства и имеющих предел по сумме требований, необходимо установить размер ограничения, равный размеру требований, по которым может быть выдан судебный приказ, т.е. 500 000 руб.

Представляется, что реализация высказанных предложений будет препятствовать как неоправданному исключению исковых заявлений из числа дел упрощенного производства, так и неправомерному их рассмотрению в упрощенном порядке, а также способствовать единообразному правоприменению.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бортникова Н. А.* Обжалование судебных решений, принятых в упрощенном производстве // Российский судья. — 2019. — № 7. — С. 3–8.
2. Упрощенное производство в гражданском процессе : науч.-практ. пособие / А. В. Малышкин, С. В. Рогожин, А. Е. Бочкарев [и др.]. — М. : Проспект, 2017. — 48 с.

Материал поступил в редакцию 20 февраля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bortnikova N. A. Obzhalovanie sudebnykh resheniy, prinyatykh v uproshchennom proizvodstve // Rossiyskiy sudya. — 2019. — № 7. — S. 3–8.
2. Uproshchennoe proizvodstvo v grazhdanskom protsesse: nauch.-prakt. posobie / A. V. Malyshkin, S. V. Rogozhin, A. E. Bochkarev [i dr.]. — M.: Prospekt, 2017. — 48 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076

А. В. Аверина*

Особенности регулирования судопроизводства по делам о банкротстве

Аннотация. В последние годы правоприменительная практика по делам о банкротстве имеет тенденцию к повышению значимости активной роли суда при разрешении судебных споров. В статье рассматриваются причины и следствия усиления активной роли суда применительно к особенностям судопроизводства по делу о банкротстве. Выделяются системные уровни регулирования данного вида судопроизводства и его место в системе гражданского судопроизводства. Отмечается системообразующая роль судебной практики, в которой аккумулирована бóльшая часть как материально-правовых, так и процессуальных особенностей рассмотрения данной категории дел. Автор обобщает и систематизирует имеющиеся в доктрине точки зрения на категоризацию судопроизводства по делу о банкротстве и приводит собственное мнение по данному вопросу. В статье делается вывод о том, что усиление активной роли суда при производстве по делу о банкротстве необходимо для сохранения баланса интересов и пресечения злоупотреблений со стороны участников процедуры. Закрепление активных полномочий суда на законодательном уровне может положительно сказаться на сокращении сроков рассмотрения дел данной категории и увеличении процента удовлетворения требований кредиторов. В то же время такое закрепление усилит специфику производства по делу о банкротстве, еще больше сблизив его с административным судопроизводством.

Ключевые слова: активный суд; активная роль суда; банкротство; дискреция суда в делах о банкротстве; усмотрение суда в делах о банкротстве; судопроизводство по делам о банкротстве; гражданское судопроизводство; регулирование судопроизводства по делу о банкротстве; злоупотребление правом в делах о банкротстве; баланс интересов в делах о банкротстве.

Для цитирования: *Аверина А. В.* Особенности регулирования судопроизводства по делам о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 64–76. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076.

Peculiarities of the Bankruptcy Proceedings Regulation

Alisa V. Averina, Postgraduate Student, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
alisa_kem@mail.ru

Abstract. In recent years, the law enforcement practice in bankruptcy cases has tended to increase the importance of the active role of the court in resolving court disputes. The paper discusses the causes and consequences of

© Аверина А. В., 2023

* *Аверина Алиса Викторовна*, аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
alisa_kem@mail.ru

strengthening an active role of the court in relation to the specifics of bankruptcy proceedings. The author identifies the system levels of regulation of this type of legal proceedings and its place in the system of civil proceedings. The paper highlights the system-forming role of judicial practice that cumulates the biggest part of both the substantive and procedural features of such cases. The author summarizes and systematizes the points of view available in the doctrine concerning categorization of bankruptcy proceedings and gives her own opinion on this issue. The author concludes that strengthening the active role of the court in the bankruptcy proceedings is necessary to maintain a balance of interests and prevent abuse by the participants of the procedure. Consolidation of the active powers of the court at the legislative level can have a positive effect on reducing the time for consideration of such cases and increasing the percentage of satisfaction of creditors' claims. At the same time, such consolidation will strengthen the specifics of bankruptcy proceedings, bringing them even closer to administrative proceedings.

Keywords: active court; active role of the court; bankruptcy; discretion of the court in bankruptcy cases; bankruptcy proceedings; civil proceedings; regulation of bankruptcy proceedings; abuse of law in bankruptcy cases; balance of interests in bankruptcy cases.

Cite as: Averina AV. Osobennosti regulirovaniya sudoproizvodstva po delam o bankrotstve [Peculiarities of the Bankruptcy Proceedings Regulation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):64-76. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076. (In Russ., abstract in Eng.).

Банкротное законодательство является одним из самых интенсивно меняющихся. За 20 лет существования Закон о банкротстве[1] подвергался изменениям более 130 раз, претерпел ряд масштабных реформ, в том числе связанных с введением целых глав: об оспаривании сделок должника, о банкротстве граждан, об ответственности лиц, контролирующих должника.

Бóльшая часть изменений, как материально-правовых, так и процессуальных, имеет целью минимизировать количество злоупотреблений со стороны участников делового оборота с использованием банкротных процедур. Один из действенных способов такой минимизации — усиление активной роли суда при производстве по делу о банкротстве. В последние годы в правоприменительной практике заметна тенденция к усилению активной роли суда. Это приводит к поступательному усложнению материально-правового наполнения института банкротства и его обособлению в процессуальной части.

Судопроизводство по делам о банкротстве — это составная часть гражданского судопроизводства, подвид арбитражного процесса, регулируемого Гражданским процессуальным и Арбитражным процессуальным кодексами РФ[2]. Однако процессуальные особенности рассмотрения дел о банкротстве судом, помимо АПК РФ, регулируются законом о банкротстве. «В АПК РФ содержится важный принцип рассмотрения дел о банкротстве — дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными федеральными законами, регулирующими вопросы банкротства. Данный принцип также закреплен в п. 1 ст. 32 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)"»[3].

Дела о банкротстве включены в разд. IV АПК РФ, которым урегулированы особенности судопроизводства по отдельным категориям дел. Сюда входят дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение; дела, вытекающие из корпоративных споров; дела о защите прав и законных интересов группы лиц; приказное производство и др. Объединение столь различных с точки зрения процесса дел в

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.12.2022).

[2] *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex russica. 2014. № 2. С. 211–227 ; № 6. С. 683–703 ; № 8. С. 975–985.

[3] *Пулова Л. В.* Порядок судопроизводства дел о банкротстве. Подведомственность и подсудность дел о банкротстве // Право и экономика. 2004. № 2.

одном разделе АПК РФ обусловлено среди прочего тем, что, по мнению законодателя, эти дела должны рассматриваться по общим правилам АПК РФ, с учетом особенностей, предусмотренных для каждого из них.

Так, законодательно установлено, что дела о банкротстве «входят в компетенцию» АПК РФ, при этом на уровне закона они имеют двухуровневое специальное процессуальное регулирование: отдельной главой самого АПК РФ и специальным законом.

«Судопроизводство по делам о банкротстве, с одной стороны, как составная часть арбитражного процесса, будучи охваченным ключевыми правовыми идеями — принципами процесса и его общей организации, подчинено общим правилам процесса и процессуальным институтам. По процессуальному кодексу этим определяется единство процессуального регулирования. С другой стороны, рассматриваемое судебное производство характеризуется наличием известных только делам о банкротстве и включенных главным образом в законы о несостоятельности (банкротстве) специальных процессуальных правил (специальных процессуальных норм). Проявляемым соотношением общих правил со специальными правилами процесса задается отличие производства по делам о банкротстве от иных судебных производств в его организации, в особом проявлении действия отдельных принципов процесса, реализации процессуальных институтов»[4].

Применительно к Закону о банкротстве мы видим, что он регулирует как материально-правовую составляющую данного института, так и процессуальную. При этом несудебная процессуальная составляющая процедуры банкротства невозможна без судебного регулирования и контроля. Бóльшая часть процессуальных особенностей, связанных с рассмотрением дела о банкротстве, содержится не в АПК РФ, а в Законе о банкротстве, который «как комплексный нормативный акт из года в год с завидным постоянством расширяет пределы своего регулирующего воздействия, продолжая включать как материальные, так и процессуальные нормы, регулируя в том числе судопроизводство по делам о банкротстве»[5].

Е. В. Слепченко отмечает, что «процессуальный блок Закона о банкротстве, несмотря на некоторые изменения, остается стабильным и соответствует необходимым требованиям, обеспечивающим права и законные интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве»[6].

Данное утверждение является спорным, так как формальная стабильность процессуальных норм, регулирующих вопросы банкротства, не свидетельствует об их исчерпывающем характере и возможности обеспечить соблюдение прав и законных интересов участников процедуры. Процессуальные особенности рассмотрения дел данной категории выходят далеко за рамки разд. IV АПК РФ и Закона о банкротстве, находя свое закрепление в судебной практике по данной категории споров.

«Поскольку процедуры несостоятельности (банкротства) по своей правовой природе являются судебными процедурами, постольку осуществление прав и способы защиты прав кредиторов предопределены этим обстоятельством»[7]. Возможно, именно этот, изначально судебный характер института несостоятельности предопределил тот фактор, что процессуальные особенности рассмотрения дел о банкротстве уже более 20 лет в большей степени регулируются судебной практикой, нежели законодательством. Как верно отмечает Е. Е. Уксусова, «очевидна исключительная роль суда и значимость процессуальной формы, в рамках которой осуществляется судебная власть в отправлении правосудия по гражданским делам. Применительно к делам о несостоятельности (банкротстве) это

[4] *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве…

[5] *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве… С. 10.

[6] *Слепченко Е. В.* Судопроизводство по делам о банкротстве: некоторые новеллы законодательства // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.12.2022).

[7] *Шишмарева Т. П.* Защита прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 2.

носит исключительный характер, поскольку, как отмечалось, признание должника банкротом возможно только в судебном порядке. Более того, при подобном научном подходе разграничить сферы материального и процессуального регулирования действительно не представляется возможным»[8].

И действительно, обратившись к АПК РФ, мы увидим, что глава 28 состоит из трех коротких статей, две из которых не устанавливают каких-либо процессуальных особенностей рассмотрения дел о банкротстве, а только лишь отсылают нас к специальному закону (ст. 224 и ст. 225 АПК РФ), а две особенности, описанные в ст. 223, к настоящему времени морально устарели и относятся скорее к процессуальным рудиментам, нежели особенностям рассмотрения дел данной категории.

Например, пункт 2 ст. 223 указывает на невозможность рассмотрения дела о банкротстве с участием арбитражных заседателей, а пункт 3 той же статьи устанавливает сокращенный, 10-дневный срок оспаривания определений, вынесенных по делу.

Рассматривая первую особенность, обратимся к статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ[9], согласно которой последнее дело с участием арбитражных заседателей было рассмотрено в РФ в 2017 г., при этом в период с 2017 по 2021 г. арбитражные суды рассматривали в среднем по 1,75 млн дел в год (см. таблицу).

Год	Общее количество рассмотренных дел	Количество дел с участием арбитражных заседателей
2014	1 425 500	14
2015	1 531 473	15
2016	1 571 316	2
2017	1 747 979	2
2018	1 907 737	0
2019	1 878 546	0
2020	1 508 226	0
2021	1 663 498	0
6 мес. 2022	814 751	0

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что институт арбитражных заседателей не прижился в отечественном арбитражном процессе, следовательно, ссылка на невозможность рассмотрения дела о банкротстве в таком составе не может считаться актуальной особенностью судопроизводства по делу о банкротстве.

Вторая особенность — специальный 10-дневный срок обжалования определений по делу о банкротстве, вынесенных судом первой инстанции. Очевидно, что данная особенность является существенной и направленной на ускорение рассмотрения дел о банкротстве в судах. Однако Закон о банкротстве в п. 3 ст. 61 также устанавливает специальный срок обжалования таких определений, равный 14 дням. Вопрос о том, в какой срок подлежат обжалованию различные определения, принятые судом первой инстанции, рассматривающим дело о банкротстве, разрешается пунктом 35 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». В этом пункте максимально подробно описываются определения, которые могут быть приняты судом первой инстанции по делу о банкротстве, и разграничивается порядок их обжалования: по АПК РФ либо по Закону о банкротстве. С одной стороны, столь сложный порядок предопреде-

[8] *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве… С. 6.

[9] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 13.12.2022).

лен компликативностью и многогранностью производства по делу о банкротстве. С другой стороны, если обратиться к исчислению сроков, предусмотренному АПК РФ и Законом о банкротстве, то мы увидим, что согласно п. 3 ст. 113 АПК РФ нерабочие дни исключаются из сроков, исчисляемых днями. Закон о банкротстве не содержит специальной нормы, регулирующей исчисление сроков, при этом в каких-то статьях содержится разъяснение того, в каких днях (календарных или рабочих) нужно его исчислять, а в каких-то (в том числе в ст. 61, п. 3) такое уточнение отсутствует. Есть мнение ВАС РФ, согласно которому материальные сроки, предусмотренные Законом о банкротстве, надо исчислять в календарных днях, как это установлено ГК РФ (ст. 193), а процессуальные в рабочих — согласно АПК РФ[10]. Однако на практике, чтобы не столкнуться с проблемой пропуска процессуального срока, стороны предпочитают предъявлять апелляционные жалобы на определения суда первой инстанции по делу о банкротстве в течение 14 календарных дней. При любом исчислении 10 рабочих дней равны 14 календарным дням, следовательно, разное регулирование этого вопроса со стороны АПК РФ и Закона о банкротстве, а также разъяснения Пленума ВАС РФ в итоге сводятся к тому, что любые определения суда первой инстанции, принятые в рамках дела о банкротстве, оспариваются в течение 10 рабочих или 14 календарных дней, что, по сути, одно и то же. Очевидно, что различное регулирование одного вопроса разными нормативными актами требует унификации. Однако такая унификация приведет к исключению АПК РФ из состава нормативных актов, регулирующих процессуальные особенности рассмотрения дел о банкротстве.

Закон о банкротстве, напротив, включает в себя массу процессуальных особенностей рассмотрения дел о банкротстве, которые рассредоточены по всему закону и тесно переплетены с материально-правовой спецификой данного института.

Однако, как было указано выше, наибольшее количество процессуальных особенностей рассмотрения дел о банкротстве сосредоточено в судебной практике. В настоящее время действуют более 20 специальных постановлений Пленумов ВАС и ВС РФ, посвященных вопросам судопроизводства по данной категории дел. Одно из них — постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 — посвящено исключительно процессуальным вопросам. Кроме того, есть шесть профильных банкротных обзоров судебной практики, утвержденных Президиумами ВАС и ВС РФ. Раздел «Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)» присутствует в каждом ежеквартальном обзоре судебной практики, выпускаемом Верховным Судом. Все указанные документы регулируют процессуальные особенности рассмотрения дел о банкротстве и, несмотря на наличие в доктрине разных мнений по вопросу отнесения судебной практики к источникам российского права[11], являются обязательными для применения судами при рассмотрении данной категории дел.

Сто́ит согласиться с мнением Е. Е. Уксусовой о том, что подобным вниманием практики к институту банкротства «задается широкое влияние высшего суда на развитие и становление судебной практики по делам о банкротстве. Судебные акты высшего суда с учетом их содержания способны оказывать регулирующее воздействие на сферу гражданского судопроизводства по делам о банкротстве. <…> Их действие носит общий характер, они обязательны не только для судов, но и для неопределенного круга адресатов, включая прежде всего лиц, участвующих в процессе. В равной мере это касается сферы несостоятельности (банкротства)»[12].

Таким образом, отличительной чертой производства по делам о банкротстве является то, что

[10] Постановление Президиума ВАС РФ от 29.06.2010 № 12130/09 по делу № А65-12426/2009 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 10.

[11] См., например: *Чайкина А. В.* Источники гражданского процессуального права : дис. … канд. юрид. наук. М., 2021.

[12] *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве…

порядок и особенности данного судопроизводства имеют *несколько уровней регулирования*:

1) общие положения АПК РФ;
2) специальные положения АПК РФ;
3) положения Закона о банкротстве;
4) положения, выработанные судебной практикой и обязательные для применения судами.

Еще одной отличительной особенностью судопроизводства по данной категории дел является его *комплексный характер*.

Современная доктрина не имеет общей позиции по вопросу квалификации специфики производства по делу о банкротстве.

Согласно одному подходу, производство по делу о банкротстве относится к *особому производству*, так как для него, по мнению А. В. Попова[13], характерен спор не о праве, а об установлении юридического факта несостоятельности должника. Данной позиции также придерживается В. В. Блажеев, который отмечает сходство дел о банкротстве с делами о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным. Аналогичным образом в деле о банкротстве заинтересованное лицо оспаривает правовой статус юридического лица[14]. Сходного мнения придерживается В. Ф. Попондопуло, но он относит производство по делам о банкротстве к особому виду *исполнительного производства*[15].

По нашему мнению, столь узкая категоризация дел о несостоятельности не учитывает того, что дело о банкротстве — это не только спор об установлении статуса юридического лица в качестве неплатежеспособного (это лишь часть процедуры по данной категории дел). По большей части дело о банкротстве — это вопрос о последствиях неплатежеспособности, таких как порядок распределения имущества должника между кредиторами, необходимость возврата в конкурсную массу незаконно выведенных активов, а также ответственность за несостоятельность должника. Это всё вопросы спора о праве, а не установления юридического факта. Они занимают значительную, а в большинстве случаев — подавляющую часть процедуры и должны учитываться при категоризации данного вида дел.

Эта особенность учитывается группой ученых, которые относят дела о банкротстве к *смешанному производству*. Мнения о том, что помимо вопроса об установлении юридического факта в производстве по делу о несостоятельности имеет место спор о праве и, как следствие, присутствуют черты не только особого, но и ординарного искового производства, придерживаются С. Н. Федоров[16], И. П. Бакланова[17], а также И. В. Зуева. При этом И. В. Зуева отмечает, что наличие в рамках дела о банкротстве включенных в него гражданско-правовых споров не приводит к изменению его природы и цели, коими является установление факта несостоятельности. Обособленные споры подчинены «логике дела о банкротстве», а их наличие «обусловлено лишь практическими удобствами»[18].

---

[13] *Попов А. В.* Особенности судебного процесса по делам о банкротстве // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2004. № 3. С. 56.

[14] *Блажеев В. В.* О существовании особых производств в арбитражном процессе // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Вып. 1 / под ред. Д. Х. Валеева, М. Ю. Челышева. М., 2006.

[15] *Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В.* Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 47–48, 52, 61.

[16] *Федоров С. Н.* Некоторые особенности рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

[17] См., например: *Бакланова И. П.* Особое производство в арбитражном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 13 ; *Бакланова И. П.* Сущность особого производства в арбитражном процессе // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции : межвуз. сборник науч. трудов / отв. ред. В. В. Ярков. Екатеринбург, 1998. С. 290–291.

[18] *Зуева И. В.* Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) // Вестник ФАС Западно-Сибирского округа. 2005. № 2. С. 45.

Приведенная позиция, по нашему мнению, также является спорной, поскольку не учитывает еще две важные процессуальные особенности рассмотрения банкротных дел: во-первых, наличие отдельного регулирования вопросов судопроизводства со стороны специального по отношению к АПК РФ Закона о банкротстве, а также существенное сходство судопроизводства по делам о несостоятельности с делами, вытекающими из административных и иных публичных правоотношений, обусловленное необходимостью защиты публичного интереса. Последнюю особенность отмечают большинство ученых, относя производство по делам о банкротстве к *отдельному виду производства*. Указанной точки зрения придерживаются Е. Е. Уксусова[19], М. Л. Скуратовский[20], В. В. Ярков[21], А. М. Синякина[22], Н. А. Чудиновская[23], А. В. Юдин[24].

Особая точка зрения у Ю. Д. Подольского, который обращает внимание на то, что «производство по делам о несостоятельности (банкротстве) — это *комплексный вид производства* в рамках гражданского судопроизводства, представляющий собой единство искового производства и производства из публичных правоотношений, подчиненных общей цели финансовой реабилитации должника или исключения его обязательств из экономического оборота с пропорциональным распределением имущества среди кредиторов. Данное производство характеризуется защитой публичного интереса, проявляющейся в ряде особенностей, касающихся процессуальной формы рассмотрения дела, в частности повышенной процессуальной активности суда, расширенным кругом субъектов, квалифицированным стандартом доказывания по обособленным спорам»[25].

Представляется, что позиция Ю. Д. Подольского наиболее комплексно отражает суть банкротного судопроизводства, с поправкой на то, что это синтез не только ординарного искового производства и производства из административных и иных публичных правоотношений, но и производства по делам, имеющим особенности применительно к разд. IV АПК РФ. По нашему мнению и мнению ряда авторов[26], отсутствуют основания для его выделения из состава гражданского судопроизводства в отдельное,

---

[19] *Уксусова Е. Е.* Специальный характер правового регулирования судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 110.

[20] Арбитражный процесс : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. В. Яркова. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 420–421 (автор параграфа — М. Л. Скуратовский).

[21] Конкурсное производство : учеб.-практ. курс / М. Л. Скуратовский, С. С. Трушников, В. В. Ярков, А. М. Абдрашитов ; под ред. В. В. Яркова. СПб. : Изд. дом С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 14 (автор параграфа — В. В. Ярков).

[22] *Синякина А. М.* Процессуальные особенности дел о несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6.

[23] *Чудиновская Н. А.* Установление юридических фактов в особом производстве гражданского и арбитражного процесса: общее и особенное (некоторые аспекты) // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 9.

[24] *Юдин А. В.* Особое производство в арбитражном процессе. Самара : Самарский университет, 2003. С. 40.

[25] *Подольский Ю. Д.* Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 39–40.

[26] См., например: *Боннер А. Т.* Соотношение инициативы и активности сторон и суда в гражданском судопроизводстве // Избранные труды : в 7 т. М. : Проспект, 2017. Т. 3 : Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. С. 77 ; *Громошина Н. А.* О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 102 ; *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве… ; *Чистякова О. П.* Проблема активности суда в гражданском процессе РФ : дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. С. 36–39 ; *Телюкина М. В.* Основы конкурсного права. М., 2004. С. 61.

даже в случае создания в России специализированных банкротных судов, как это предлагает сделать О. М. Свириденко[27].

Столь компликативная природа регулирования производства по делам о несостоятельности, а также повышенное внимание правоприменителя к данной категории дел связаны с их повышенной социальной значимостью, обусловленной множественностью разносторонних интересов, которые сталкиваются в процедуре. Помимо должника и ординарных кредиторов третьей очереди, в деле о банкротстве могут иметь место требования уполномоченного органа по налогам и сборам, которые обуславливают наличие кредиторского государственного интереса, требования физических лиц — работников должника и лиц, жизни и здоровью которых причинен вред. Интересы таких лиц нуждаются в особом внимании со стороны суда в силу своей повышенной значимости либо заведомо неравноценного процессуального положения и частого отсутствия компетенций, необходимых для полноценной защиты интересов кредитора. Кроме того, независимо от статуса кредиторов и местоположения их требований в реестре, суд обязан обеспечить баланс интересов должника, его собственников, арбитражного управляющего по отношению к требованиям любых кредиторов. Данная особенность института банкротства признается большинством ученых[28].

В. А. Вайпан называет эту особенность «принципом социальной справедливости»[29].

По мнению С. А. Карелиной, она объясняется следующим: «во-первых, разнообразием правовых форм участия государства в процессе несостоятельности, включая интересы государства как кредитора; во-вторых, необходимостью обеспечения баланса интересов различных групп участников в условиях несостоятельности; в-третьих, наличием у государства социальных функций, что предопределяет необходимость включения в законодательство норм, предусматривающих социальную реабилитацию работников должника, особенности несостоятельности (банкротства) отдельных категорий должников (к примеру, градообразующих, стратегических, сельскохозяйственных

---

[27] См., например: *Свириденко О. М.* История и современная концепция института несостоятельности (банкротства) в России // Банковское право. 2010. № 6. С. 29–38.

[28] Указанная точка зрения отражена, например, в работах: *Федоров С. И.* Некоторые особенности рассмотрения арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 124–125 ; *Борисенкова Т. В.* Три российских закона о банкротстве: баланс частных и публичных интересов // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 9 ; *Зуева И. В.* Указ. соч. С. 45 ; Арбитражный процесс : учебник. С. 420 (автор главы — М. Л. Скуратовский) ; *Карелина С. А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства). М., 2008. С. 11 ; *Карелина С. А., Фролов И. В.* Повышенные требования к судье в деле о банкротстве и их влияние на исключение прямой или косвенной заинтересованности судьи в результатах рассмотрения дела // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 42–49 ; *Свириденко О. М.* Концепция несостоятельности (банкротства) в России. М. : Юстицинформ, 2009. С. 208 ; *Уксусова Е. Е.* Специальный характер правового регулирования судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) ; *Дорохина Е. Г.* Правовое регулирование управления в системе банкротства. М., 2009 ; *Извеков С. С.* Критерии ограничения банкротства организации, используемого для оптимизации налогообложения или в целях уклонения от уплаты налогов // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 116–125 ; *Подольский Ю. Д.* Указ. соч. С. 82 ; *Новиков Н. А.* Баланс интересов кредитора и должника // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 3. С. 32–41 ; *Зарочинцева Е. В.* Некоторые особенности рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц // Арбитражные споры. 2021. № 1. С. 5–38.

[29] *Вайпан В. А.* Реализация принципа социальной справедливости в институте несостоятельности (банкротства) // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика применения : монография / отв. ред.: С. А. Карелина, И. В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2020.

предприятий и т.д.) и др.»[30]. По верному замечанию Ю. В. Подольского, «основной аргумент заключается в наличии публичного интереса в обеспечении законного, обоснованного и справедливого разрешения споров в делах о банкротстве. Наличие публичного интереса здесь очевидно, поскольку цель законодательного регулирования — уравнять шансы кредиторов, не допустить несправедливого распределения активов должника, исключить злоупотребления должника и отдельных кредиторов, защитить права работников должника, граждан-потребителей при банкротстве застройщиков и т.п.»[31].

Противоположной точки зрения придерживается В. Ф. Попондопуло. Он считает, что «отношения банкротства — это частные отношения должника и его кредиторов (обязательства с активной множественностью лиц), реализуемые в процессуальной форме. Из этого следует, что должник и его кредиторы должны сами определять свои взаимоотношения. Государственное регулирование отношений банкротства является субсидиарным средством регулирования, призванным обеспечить защиту участников отношений банкротства. Оно должно быть минимально необходимым и не превращаться из средства защиты в средство регулирования и вмешательства в частные дела и ущемления кого-либо из участников таких отношений»[32].

Приведенная точка зрения, по нашему мнению, может считаться оправданной только в идеальной процедуре банкротства, но никак не в российской реальности, где подобный подход был заложен на начальном этапе развития современного института банкротства и оказался наиболее благоприятной почвой для мнимого и фиктивного банкротства, инициируемого недобросовестными собственниками с целью уклонения от уплаты кредиторской задолженности, включая долги по налогам и сборам, а также физическими лицами. С этого момента и законодатель, и правоприменитель осуществляют поступательное движение в сторону увеличении роли государства в данном вопросе для пресечения злоупотреблений и повышения эффективности института.

Данную особенность отмечает и Конституционный Суд РФ: «Процедуры банкротства носят публично-правовой характер»[33].

Отсюда возникает усиливающаяся в последние годы тенденция процессуального сближения дел о несостоятельности с административным судопроизводством и, как следствие, усиление регулирующей роли суда при рассмотрении данной категории дел, что, в свою очередь, приводит к существенному влиянию судебной практики на развитие института банкротства как такового.

По мнению Е. Е. Уксусовой, данная тенденция свойственна не только производству по делам о банкротстве и, более того, не ограничивается российским правовым полем. «Тенденция усиления регулирующей роли судебной практики высших судов, на наш взгляд, является отражением уровня развития современной отечественной правовой системы и общей проблемы влияния правосудия на развитие права, что имеет место и в других странах. Так, представитель

---

[30] *Карелина С. А.* К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 3–9.

[31] *Подольский Ю. Д.* Указ. соч. С. 82.

[32] *Попондопуло В. Ф.* Российская система законодательного регулирования отношений банкротства: состояние и тенденции развития // Юрист. 2021. № 5. С. 10–16.

[33] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона “О реструктуризации кредитных организаций”, пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации “Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков” и жалобой ОАО “Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств”» // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3161 ; постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

немецкой правовой школы профессор Ян Шапп, ссылаясь на ст. 20 Основного Закона Германии (в соответствии с которой правосудие связано не только законом как таковым, но и правом вообще), отмечает допустимость выхода суда за рамки дословного смысла закона. Он признает, что в этом случае судья должен обосновать свое решение, исходя из правовых идей и сути правовой системы в целом. В противоположность правоприменению закона, осуществляемому в рамках дословного смысла закона, поиск судьей "соответствующего праву решения" рассматривается как «дальнейшее развитие права»[34].

При производстве по делам о банкротстве эта тенденция особенно ярко выражена. Одной из самых значимых процессуальных особенностей дел о банкротстве является активная роль суда, который берет на себя функцию доказывания и ряд других обязанностей, свойственных исключительно сторонам искового производства. Такие расширенные, по сравнению с ординарным исковым производством, активные полномочия более характерны для административного судопроизводства. Однако при производстве по административным делам такие полномочия суда закреплены на законодательном уровне, прямо прописаны в процессуальных кодексах, их цели и задачи четко сформулированы. Дела о банкротстве, как указывалось ранее, формально рассматриваются по общим правилам, установленным АПК РФ, с особенностями, предусмотренными Законом о банкротстве, однако судебная практика по данной категории дел выработала массу процессуальных отличий по сравнению с ординарным исковым производством, подавляющая часть которых относится к усиленной процессуальной активности суда. Эти процессуальные особенности не закреплены на законодательном уровне, но обязательность их применения судами не может быть поставлена под сомнение.

Такое положение во многом обосновано тем, что данный вид производства является сравнительно новым для отечественного законодательства и одним из наиболее активно меняющихся. Формирование его правил, в том числе в части функции суда, идет от судебной практики к последующему закреплению на законодательном уровне, а не наоборот — путем реализации правоприменителем норм, прямо закрепленных в законе, как это свойственно для искового, административного и иных, более традиционных судопроизводств.

Повышенная процессуальная активность суда обусловлена в первую очередь необходимостью защиты общественного интереса по данной категории дел, в том числе прав должника и конкурсных кредиторов, от злоупотребления правом со стороны лиц, аффилированных с должником, контролирующих его деятельность либо просто дружественных. Нередко такие лица участвуют в процедуре банкротства с целью распределения прибыли и имущества должника в отсутствие к тому законных оснований — путем создания искусственной задолженности, назначения лояльных арбитражных управляющих и контроля процедуры банкротства. Для исключения подобных случаев злоупотребления правом суд выполняет в процессе усиленную активную функцию, в том числе является субъектом доказывания по делу.

«Следует согласиться, что цель защиты общественного интереса (как в широком смысле этого слова, так и в узком) оправдывает такое соотношение состязательности и следственного процесса, в котором суду предоставляется самостоятельность не только в формальном руководстве процессом, но и в материальном»[35]. С данным тезисом Ю. В. Подольского нельзя не согласиться. По нашему мнению, усиление активной составляющей в деятельности суда при рассмотрении дел о несостоятельности — это эффективный способ пресечения злоупотреблений со стороны участников процедуры, который с большой долей вероятности приведет к сокращению сроков процедур и повышению процента удовлетворения требований кредиторов в случае закрепления активных полномочий суда по данной категории дел на законодательном уровне.

[34] Цит. по: *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве…

[35] *Подольский Ю. Д.* Указ. соч. С. 153.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арбитражный процесс : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. В. Яркова. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 875 с.
2. *Бакланова И. П.* Особое производство в арбитражном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — 17 с.
3. *Бакланова И. П.* Сущность особого производства в арбитражном процессе // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции : межвуз. сборник науч. трудов / отв. ред. В. В. Ярков. — Екатеринбург, 1998. — 332 с.
4. *Боннер А. Т.* Соотношение инициативы и активности сторон и суда в гражданском судопроизводстве // Избранные труды : в 7 т. Т. 3 : Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. — М. : Проспект, 2017. — 398 с.
5. *Борисенкова Т. В.* Три российских закона о банкротстве: баланс частных и публичных интересов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2005. — № 9.
6. *Вайпан В. А.* Реализация принципа социальной справедливости в институте несостоятельности (банкротства) // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика применения : монография / отв. ред.: С. А. Карелина, И. В. Фролов. — М. : Юстицинформ, 2020.
7. *Громошина Н. А.* О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 4. — С. 96–112.
8. *Дорохина Е. Г.* Правовое регулирование управления в системе банкротства. — М., 2009. — 375 с.
9. *Зарочинцева Е. В.* Некоторые особенности рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) физических лиц // Арбитражные споры. — 2021. — № 1. — С. 5–38.
10. *Зуева И. В.* Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. — 2005. — № 2.
11. *Извеков С. С.* Критерии ограничения банкротства организации, используемого для оптимизации налогообложения или в целях уклонения от уплаты налогов // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 9. — С. 116–125.
12. *Карелина С. А.* К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) // Вестник арбитражной практики. — 2018. — № 2. — С. 3–9.
13. *Карелина С. А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) : дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2008. — 638 с.
14. *Карелина С. А.*, *Фролов И. В.* Повышенные требования к судье в деле о банкротстве и их влияние на исключение прямой или косвенной заинтересованности судьи в результатах рассмотрения дела // Предпринимательское право. — 2022. — № 2. — С. 42–49.
15. Конкурсное производство : учебно-практ. курс / М. Л. Скуратовский, С. С. Трушников, В. В. Ярков, А. М. Абдрашитов ; под ред. В. В. Яркова. — СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2006. — 565 с.
16. *Новиков Н. А.* Баланс интересов кредитора и должника // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2019. — № 3. — С. 32–41.
17. *Подольский Ю. Д.* Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве) : дис. … канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2018. — 213 с.
18. *Попондопуло В. Ф.* Российская система законодательного регулирования отношений банкротства: состояние и тенденции развития // Юрист. — 2021. — № 5. — С. 10–16.
19. *Пулова Л. В.* Порядок судопроизводства дел о банкротстве. Подведомственность и подсудность дел о банкротстве // Право и экономика. — 2004. — № 2.
20. *Свириденко О. М.* История и современная концепция института несостоятельности (банкротства) в России // Банковское право. — 2010. — № 6. — С. 29–38.

21. *Свириденко О. М.* Концепция несостоятельности (банкротства) в России. — М. : Юстицинформ, 2009. — 205 с.
22. *Синякина А. М.* Процессуальные особенности дел о несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2004. — 25 с.
23. *Слепченко Е. В.* Судопроизводство по делам о банкротстве: некоторые новеллы законодательства // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 297–300.
24. *Телюкина М. В.* Основы конкурсного права. — М., 2004. — 506 с.
25. *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex russica. — 2014. — № 2. — С. 211–227 ; № 6. — С. 683–703 ; № 8. — С. 975–985.
26. *Уксусова Е. Е.* Специальный характер правового регулирования судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Журнал российского права. — 2009. — № 12. — С. 106–119.
27. *Федоров С. Н.* Некоторые особенности рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2001.
28. *Чайкина А. В.* Источники гражданского процессуального права : дис. … канд. юрид. наук. — М., 2021. — 221 с.
29. *Чистякова О. П.* Проблема активности суда в гражданском процессе РФ : дис. … канд. юрид. наук. — М., 1997.
30. *Чудиновская Н. А.* Установление юридических фактов в особом производстве гражданского и арбитражного процесса: общее и особенное (некоторые аспекты) // Арбитражный и гражданский процесс. — 2005. — № 9.
31. *Шишмарева Т. П.* Защита прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 9. — С. 46–50.
32. *Юдин А. В.* Особое производство в арбитражном процессе. — Самара : Самарский университет, 2003. — 211 с.

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arbitrazhnyy protsess: uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. / pod red. V. V. Yarkova. — M.: Volters Kluver, 2006. — 875 s.
2. Baklanova I. P. Osoboe proizvodstvo v arbitrazhnom protsesse: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 1999. — 17 s.
3. Baklanova I. P. Sushchnost osobogo proizvodstva v arbitrazhnom protsesse // Teoreticheskie i prikladnye problemy reformy grazhdanskoy yurisdiktsii: mezhvuz. sbornik nauch. trudov / otv. red. V. V. Yarkov. — Ekaterinburg, 1998. — 332 s.
4. Bonner A. T. Sootnoshenie initsiativy i aktivnosti storon i suda v grazhdanskom sudoproizvodstve // Izbrannye trudy: v 7 t. T. 3: Printsipy grazhdanskogo protsessualnogo prava. Primenenie normativnykh aktov v grazhdanskom protsesse. — M.: Prospekt, 2017. — 398 s.
5. Borisenkova T. V. Tri rossiyskikh zakona o bankrotstve: balans chastnykh i publichnykh interesov // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2005. — № 9.
6. Vaypan V. A. Realizatsiya printsipa sotsialnoy spravedlivosti v institute nesostoyatelnosti (bankrotstva) // Institut nesostoyatelnosti (bankrotstva) v pravovoy sisteme Rossii i zarubezhnykh stran: teoriya i praktika primeneniya: monografiya / otv. red.: S. A. Karelina, I. V. Frolov. — M.: Yustitsinform, 2020.
7. Gromoshina N. A. O printsipe aktivnosti suda v administrativnom sudoproizvodstve // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2019. — № 4. — S. 96–112.

8. Dorokhina E. G. Pravovoe regulirovanie upravleniya v sisteme bankrotstva. — M., 2009. — 375 s.
9. Zarochintseva E. V. Nekotorye osobennosti rassmotreniya del o nesostoyatelnosti (bankrotstve) fizicheskikh lits // Arbitrazhnye spory. — 2021. — № 1. — S. 5–38.
10. Zueva I. V. Sudoproizvodstvo po delam o nesostoyatelnosti (bankrotstve) // Vestnik Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga. — 2005. — № 2.
11. Izvekov S. S. Kriterii ogranicheniya bankrotstva organizatsii, ispolzuemogo dlya optimizatsii nalogooblozheniya ili v tselyakh ukloneniya ot uplaty nalogov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2017. — № 9. — S. 116–125.
12. Karelina S. A. K voprosu o predelakh vmeshatelstva gosudarstva v protsess nesostoyatelnosti (bankrotstva) (na primere bankovskogo sektora) // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2018. — № 2. — S. 3–9.
13. Karelina S. A. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnosheniy nesostoyatelnosti (bankrotstva): dis. … d-ra yurid. nauk. — M., 2008. — 638 s.
14. Karelina S. A., Frolov I. V. Povyshennye trebovaniya k sude v dele o bankrotstve i ikh vliyanie na isklyuchenie pryamoy ili kosvennoy zainteresovannosti sudi v rezultatakh rassmotreniya dela // Predprinimatelskoe pravo. — 2022. — № 2. — S. 42–49.
15. Konkursnoe proizvodstvo: uchebno-prakt. kurs / M. L. Skuratovskiy, S. S. Trushnikov, V. V. Yarkov, A. M. Abdrashitov; pod red. V. V. Yarkova. — SPb.: Izdatelskiy dom Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. — 565 s.
16. Novikov N. A. Balans interesov kreditora i dolzhnika // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. — 2019. — № 3. — S. 32–41.
17. Podolskiy Yu. D. Obosoblennye spory v delakh o nesostoyatelnosti (bankrotstve): dis. … kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2018. — 213 s.
18. Popondopulo V. F. Rossiyskaya sistema zakonodatelnogo regulirovaniya otnosheniy bankrotstva: sostoyanie i tendentsii razvitiya // Yurist. — 2021. — № 5. — S. 10–16.
19. Pulova L. V. Poryadok sudoproizvodstva del o bankrotstve. Podvedomstvennost i podsudnost del o bankrotstve // Pravo i ekonomika. — 2004. — № 2.
20. Sviridenko O. M. Istoriya i sovremennaya kontseptsiya instituta nesostoyatelnosti (bankrotstva) v Rossii // Bankovskoe pravo. — 2010. — № 6. — S. 29–38.
21. Sviridenko O. M. Kontseptsiya nesostoyatelnosti (bankrotstva) v Rossii. — M.: Yustitsinform, 2009. — 205 s.
22. Sinyakina A. M. Protsessualnye osobennosti del o nesostoyatelnosti (bankrotstve): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2004. — 25 s.
23. Slepchenko E. V. Sudoproizvodstvo po delam o bankrotstve: nekotorye novelly zakonodatelstva // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2015. — № 4. — S. 297–300.
24. Telyukina M. V. Osnovy konkursnogo prava. — M., 2004. — 506 s.
25. Uksusova E. E. Grazhdanskoe sudoproizvodstvo po delam o bankrotstve: problemy zakonodatelnogo regulirovaniya i pravoprimeneniya // Lex russica. — 2014. — № 2. — S. 211–227; № 6. — S. 683–703; № 8. — S. 975–985.
26. Uksusova E. E. Spetsialnyy kharakter pravovogo regulirovaniya sudoproizvodstva po delam o nesostoyatelnosti (bankrotstve) // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2009. — № 12. — S. 106–119.
27. Fedorov S. N. Nekotorye osobennosti rassmotreniya arbitrazhnymi sudami del o nesostoyatelnosti (bankrotstve): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2001.
28. Chaykina A. V. Istochniki grazhdanskogo protsessualnogo prava: dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2021. — 221 s.
29. Chistyakova O. P. Problema aktivnosti suda v grazhdanskom protsesse RF: dis. … kand. yurid. nauk. — M., 1997.
30. Chudinovskaya N. A. Ustanovlenie yuridicheskikh faktov v osobom proizvodstve grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa: obshchee i osobennoe (nekotorye aspekty) // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2005. — № 9.
31. Shishmareva T. P. Zashchita prav kreditorov v protsedurakh nesostoyatelnosti (bankrotstva) // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2019. — № 9. — S. 46–50.
32. Yudin A. V. Osoboe proizvodstvo v arbitrazhnom protsesse. — Samara: Samarskiy universitet, 2003. — 211 s.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.077-089

В. А. Лаптев*

Извещение участников о проведении общего собрания: юридическое значение и последствия

Аннотация. В российском законодательстве содержатся положения о порядке проведения общего собрания участников корпоративной организации, в которых особое внимание уделяется процедуре извещения о предстоящем собрании. В статье исследуется вопрос извещения участников гражданско-правового сообщества о собрании как юридически значимого действия, влияющего на правовую квалификацию и последствия принятых корпорацией решений. Анализируется баланс интересов миноритарных и мажоритарных участников при их извещении с учетом повестки дня. Разделяются случаи признания решений недействительными по оспоримым и ничтожным основаниям при нарушении порядка извещения участников собрания. Предлагаются пути проверки верификации воли корпоративной организации при принятии соответствующего решения, определяются случаи принятия необходимых обществу корпоративных решений, а также конвалидация решений, принятых с отступлением от установленного порядка извещения. В работе формулируются правовые подходы и конструкции надлежащего извещения с учетом вызовов современности, среди которых процесс цифровой трансформации экономики и санкционное экономическое давление на отечественный бизнес. Рассматриваются сложившиеся за последнее десятилетие подходы судебной практики и выявляются тенденции трансформации данных подходов с учетом баланса интересов участников корпоративных отношений.

Ключевые слова: корпорация; общее собрание; корпоративные процедуры; извещение о собрании; порок воли; недействительность решений; ничтожные решения; конвалидация решения; корпоративный комплаенс; корпоративный спор.

Для цитирования: *Лаптев В. А.* Извещение участников о проведении общего собрания: юридическое значение и последствия // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 77–89. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.077-089.

© Лаптев В. А., 2023

* *Лаптев Василий Андреевич*, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), судья Арбитражного суда г. Москвы
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
laptev.va@gmail.com

Notification of Participants of the General Meeting: Legal Significance and Consequences

Vasiliy A. Laptev, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Chief Researcher, Civil and Business Law Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; Judge, Moscow Arbitration Court
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
laptev.va@gmail.com

Abstract. The Russian legislation contains provisions concerning the procedure for holding a general meeting of participants of a corporate organization that pay special attention to the procedure for notifying about the upcoming meeting. The paper examines the issue of notifying the participants of the civil law community about the meeting as a legally significant action affecting the legal qualification and consequences of the decisions taken by the corporation. The balance of interests of minority and majority participants is analyzed when they are notified, taking into account the agenda. The paper differentiates the cases of invalidation of decisions on disputed and void grounds when the procedure for notifying participants of the meeting is violated. The author proposes the ways of verifying the will of a corporate organization when making an appropriate decision, identifies cases of making corporate decisions necessary for the company, as well as the convalidation of decisions taken with a deviation from the established notification procedure. The paper defines legal approaches and constructions of proper notification taking into account the challenges of modernity, including the process of digital transformation of the economy and sanctions economic pressure on domestic business. Also, the paper examines approaches applied in jurisprudence that have developed over the past decade and identifies trends in the transformation of these approaches with due regard to the balance of interests of participants in corporate relations.

Keywords: corporation; general meeting; corporate procedures; notice of the meeting; defect of will; invalidity of decisions; void decisions; convalidation of decisions; corporate compliance; corporate dispute.
Cite as: Laptev VA. Izveshchenie uchastnikov o provedenii obshchego sobraniya: yuridicheskoe znachenie i posledstviya [Notification of Participants of the General Meeting: Legal Significance and Consequences]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):77-89. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.077-089. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Включение 10 лет тому назад в Гражданский кодекс РФ главы 9.1, посвященной решениям собраний[1], стало существенным шагом в развитии корпоративного законодательства. Многочисленные научные дискуссии о природе решений собраний и об их отграничении от сделок отчасти завершились благодаря формулировкам соответствующих норм права. Так, с 2013 г. разграничены положения ГК РФ о сделках (гл. 9) и о решениях собрания (гл. 9.1); решения собраний, наряду со сделками, стали самостоятельным основанием возникновения гражданских прав, обладающим уникальными сущностными характеристиками (ст. 8)[2]; применение норм об обязательствах (о сделках) к корпоративным отношениям стало возможным лишь к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, но при условия того, что такое применение не будет противоречить существу корпоративных отношений (ст. 307.1 ГК РФ).

[1] Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

[2] См.: *Труханов К. И.* Решения собраний — новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. С. 125–134 ; *Харитонова Ю. С.* Недействительность решений собраний и сделок: точки пересечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 24–26.

В науку корпоративного права вновь вернулся подход, традиционный для советского правоведения, к правовой природе локальных нормативных актов (устава, положений об органах управления, внутренних регламентов и иных внутренних актов юридического лица), выступающих источником регулирования общественных отношений локального уровня[3]. В судебной практике наблюдается постепенный отказ от рассмотрения устава корпорации в качестве сделки (товарищеского соглашения участников)[4] ввиду особой нормативной природы локальных актов корпоративной организации, порядка их принятия (утверждения), сферы применения по времени и по круг лиц, а также порядка их оспаривания. К примеру, согласно Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом ВС РФ 25 декабря 2019 г.[5] (далее — Обзор ВС РФ от 25.12.2019), в случае обжалования изменений в уставе общества суду необходимо оценить нарушения корпоративных прав с точки зрения соблюдения процедуры одобрения спорных поправок к уставу, а решение общего собрания акционеров квалифицировать как ничтожное в силу ст. 32 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[6] (далее — Закон об АО), не рассматривая его в качестве сделки (п. 21).

Существенным аргументом нормативной (не договорной) природы устава корпорации служит возможность применения типовых уставов обществом (п. 2 ст. 52 ГК РФ)[7], а также и тот факт, что положения устава, не соответствующие законодательству, не подлежат применению независимо от воли на их применение участников (например, п. 2 ст. 59 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[8] (далее — Закон об ООО), п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”»[9]).

Законодательство содержит специальные нормы права, посвященные, в частности, порядку обжалования решений собрания кредиторов и комитета кредиторов в деле о банкротстве[10], указывающие на неприменимость общих положений гл. 9.1 ГК РФ, даже несмотря на формулировку п. 1 ст. 181.1 ГК РФ и разъяснения Верховного Суда РФ о том, что собрание кредиторов также представляет собой гражданско-правовое сообщество (п. 103 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[11] (далее — постановление Пленума ВС РФ № 25)). Видится, что подобные подходы побуждают переосмыслить значение *общего* и *специального* правового регулирования, при котором специальное (в данном случае банкротные нормы) становится единственным источником правовой регламентации в отрыве от соответствующих общих норм и начал регулирования общественных отношений.

---

3 См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» : в 2 т. / под ред. И. С. Шиткиной. М. : Статут, 2021. Т. 1. С. 219–242.

4 Например, см.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // URL: https://kad.arbitr.ru/.

5 Бюллетень ВС РФ. 2020. № 5.

6 Российская газета. 29.12.1995. № 248.

7 Приказ Минэкономразвития России от 01.08.2018 № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».

8 СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

9 Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

10 См.: преамбула и п. 4 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утв. Президиумом ВС РФ 26 декабря 2018 г. // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 8.

11 Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

При проведении общего собрания необходимо учитывать *три аспекта*: нормативную основу (корпоративное законодательство, локальные нормативные акты и корпоративные договоры), порядок оформления волеизъявления участников собрания (протокола общего собрания, решения единственного участника) и основания обжалования принятых решений.

Ряд экономико-социальных и геополитических факторов изменили шаблоны корпоративной практики. Цифровая трансформация российской экономики позволила проводить общие собрания в дистанционном режиме с использованием технических средств (абз. 2 п. 1 ст. 181.1 ГК РФ; п. 1 ст. 49 Закона об АО) с условием достоверного установления организатором собрания лица, фактически принимающего участие в собрании, включая обсуждение вопросов и голосование по вопросам повестки дня[12]. Период пандемии COVID-19 позволил проводить годовые общие собрания в 2020 г. в заочном формате вне зависимости от повестки дня, включая вопросы об утверждении годовых отчетов и годовых бухгалтерских балансов, а также о выборе членов совета директоров акционерного общества[13]. Введение ограничительных мер в отношении отечественного бизнеса позволило иностранной компании при регистрации международной компании в порядке редомициляции не предоставлять ряд документов[14].

1. Извещение о проведении общего собрания: общие положения

Извещение участников о предстоящем собрании может быть рассмотрено с разных точек зрения.

Во-первых, извещение является *юридически значимым сообщением*, с которым корпоративное законодательство связывает соответствующие юридические последствия (ст. 165.1 ГК РФ, п. 63 постановления Пленума ВС РФ № 25). Такими последствиями выступают: возможность проведения собрания в отсутствие извещенного участника общества; необходимость проведения повторного собрания (при отсутствии кворума) ввиду неявки участника; исключение участника за систематическое уклонение от участия в общем собрании, на котором принимаются необходимые для дальнейшей производственно-хозяйственной деятельности общества решения, и т.д.

Во-вторых, извещение представляет собой *документ*, оформленный соответствующим образом и содержащий в себе обязательные сведения: наименование и адрес эмитента, формы собрания, дату и место проведения собрания, повестку дня и т.д. (ст. 52 Закона об АО; п. 2 ст. 36 Закона об ООО)[15]. При отсутствии в извещении установленных законом сведений этот документ теряет статус *извещения о собрании*

[12] Подробнее см., например: *Корсик К. А.* Законодательные новеллы о корпоративных процедурах и исполнительной надписи // Нотариальный вестник. 2021. № 9. С. 2–5 ; *Поваров Ю. С.* Протокол и иные способы подтверждения проведения заседания и (или) результатов голосования участников гражданско-правового сообщества // Нотариус. 2021. № 7. С. 7–11.

[13] Федеральный закон от 07.04.2020 № 115-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части унификации содержания годовых отчетов государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, а также в части установления особенностей регулирования корпоративных отношений в 2020 году и о приостановлении действия положений отдельных законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. I). Ст. 2238 ; Федеральный закон от 24.02.2021 № 17-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О международных компаниях и международных фондах” и о приостановлении действия отдельных положений Федерального закона “Об акционерных обществах” и Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» // СЗ РФ. 2021. № 9. Ст. 1464.

[14] Ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

[15] Например, см.: постановление ФАС Уральского округа от 23.08.2010 № Ф09-5884/10-С4 // URL: https://kad.arbitr.ru/.

и может рассматриваться как обычная деловая переписка.

В-третьих, в зависимости от организационно-правовой формы корпоративной организации законодательством определены соответствующие формы его направления членам гражданско-правового сообщества. В частности, в ООО — почтовым отправлением (заказным письмом), иным способом, предусмотренным уставом; в АО — электронным сообщением, текстовым СМС-сообщением или электронным сообщением, публикацией в печатном издании и посредством размещения на сайте общества в Интернете либо просто размещением на сайте общества в Интернете.

Используя цивилистические догмы, можно даже предположить, что извещение об общем собрании является некоей офертой (предложением участия в собрании), игнорирование (отказ в акцепте) которой может повлечь за собой неблагоприятные правовые последствия (например, в виде исключения участника). Вместе с тем ни корпоративное законодательство, ни судебная практика не допускают такой подход, поскольку извещение о собрании представляет собой юридическое сообщение, сопровождающее конкретную корпоративную процедуру, в ходе которой посредством голосования высказывается волеизъявление участников корпоративной организации, и не существует в отрыве от проводимого общего собрания.

Кроме того, корпоративная ответственность наступает только при нарушении прав и законных интересов остальных участников либо самого общества. Следовательно, ответственность наступает не за факт уклонения от получения извещения о собрании либо от участия в нем, а ввиду наступления неблагоприятных последствий для самого общества либо остальных участников от таких действий (бездействия).

В отдельных случаях иные процедуры извещения (уведомления) участников общества рассматриваются исключительно как *процессуальный механизм*, соблюдения которого требуют нормы законодательства, в частности уведомление о намерении обратиться в суд с требованием об оспаривании решения, к которому (к требованию) впоследствии могут присоединиться другие участники общества (п. 6 ст. 181.4 ГК РФ; п. 114 постановления Пленума ВС РФ № 25), то есть фактически по аналогии с голосованием — посредством формулирования общей воли (позиции в суде) по исковому требованию.

2. Действительность решений собрания по вопросам, не включенным в повестку дня

В целях защиты корпоративных прав и во избежание применения различных подходов в судебной практике на базе соответствующих норм права была сформулирована позиция, согласно которой решения собраний не имеют юридической силы, если они были приняты по вопросам, не включенным в повестку дня (п. 26 постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19). Данные разъяснения основаны на прямом законодательном запрете на принятие решений по вопросам, не включенным в повестку дня, либо изменения повестки дня (п. 6 и 10 ст. 49 Закона об АО; п. 7 ст. 37 Закона об ООО).

Статья 181.5 ГК РФ также содержит последствие принятия решений собрания по вопросам, не включенным в повестку дня, — признание их ничтожными. В результате такового данные решения не порождают никаких юридических последствий, независимо от их оспаривания в судебном порядке.

Приведенные положения корпоративного законодательства, с одной стороны, стали аксиомой для добросовестной корпоративной практики, что также отражено в п. 6, 162, 163 и 165 Кодекса корпоративного управления (2014 г.)[16]. С другой стороны, законодатель и судебные органы сформулировали ряд исключений, по сути — конвалидации[17] таких решений.

В силу общего подхода независимо от формы проведения собрания (очной, заочной или

[16] Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

[17] Придание юридической силы ничтожному решению.

смешанной), если в голосовании приняли участие все участники (акционеры) хозяйственного общества, не допускается обжалование таких решений по основаниям п. 1 ст. 181.5 ГК РФ.

Надо отметить, что положения ст. 181.5 ГК РФ неоднократно были предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ[18]. Вместе с тем основания для их признания неконституционными не усматривались.

В сопоставлении положений ГК РФ со специальными законами отмечается следующее. В силу п. 6 ст. 49 Закона об АО присутствие всех акционеров на общем собрании позволяет не только изменять повестку дня, но и принимать решения по изначально не включенным в нее вопросам. Похожее правило содержит пункт 7 ст. 37 Закона об ООО, в силу которого отклонение от заранее определенной повестки дня также возможно, но в присутствии всех участников общества.

Таким образом, корпоративная сущность хозяйственного общества сохраняется в тех случаях, когда все участники гражданско-правового сообщества (акционеры) участвуют в общем собрании вне зависимости от того, были ли заранее известны вопросы повестки дня или нет. Получается, что для квалификации решения как ничтожного требуется такой состав нарушения корпоративных прав, который вовсе исключает возможность участия члена корпорации в общем собрании (очевидную объективную неосведомленность о проведении собрания) и выражение волеизъявления посредством голосования, в том числе с использованием информационных и телекоммуникационных технологий (например, по п. 11 ст. 49 Закона об АО).

1-й промежуточный вывод: участие всех участников общего собрания хозяйственного общества препятствует признанию решения собрания ничтожным и порождает соответствующие правовые последствия.

Возникает вопрос об оценке утраченного права участника общества вносить предложения о включении дополнительного вопроса в повестку дня (абз. 2 ст. 36 Закона об ООО). К примеру, в случае, когда участник всё же принял участие в собрании, но невключение в него дополнительного вопроса повестки дня существенно ограничило его корпоративные права, в том числе в ходе обсуждения вопросов. Видится, что степень данных нарушений следует оценить суду с точки зрения оспоримых оснований обжалования решений.

Такое положение дел обусловлено правом суда отказать в требовании об оспаривании решения при наличии трех оснований: голосование члена корпорации не могло повлиять на результаты голосования, допущенные нарушения не являются существенными и решение не причиняет убытки корпоративной организации (п. 4 ст. 181.4 ГК РФ; п. 7 ст. 49 Закона об АО; п. 2 ст. 43 Закона об ООО). Пожалуй, ключевым для истца является доказывание *существенности неблагоприятных последствий*, которые могут быть даже вероятностными или предположительными. В силу п. 109 постановления Пленума ВС РФ № 25 к таким нарушениям отнесены нарушения законных интересов как самого участника, так и гражданско-правового сообщества, влекущие за собой, в частности, возникновение убытков, лишение права на получение выгоды от использования имущества гражданско-правового сообщества, ограничение или лишение участника возможности в будущем принимать управленческие решения или осуществлять контроль за деятельностью гражданско-правового сообщества.

Значение существенности при оценке нарушенного корпоративного права позволило Верховному Суду РФ включить в п. 5 Обзора от 25.12.2019 положения о том, что даже миноритарный участник общества, голос которого никогда не сможет предопределить исход голосования, вправе обжаловать решение собрания, если докажет, что существенные нарушения процедуры созыва общего собрания воспрепятствовали его участию, а в качестве примера указал случай *неизвещения участника*. В случаях же заочного голосования, помимо извещения о повестке собрания, участнику

[18] Определения КС РФ от 26.04.2021 № 744-О, от 25.11.2020 № 2753-О, от 29.03.2016 № 530-О // СПС «КонсультантПлюс».

также должен быть направлен бюллетень для голосования.

2-й промежуточный вывод: отсутствие извещения о проведении собрания является существенным нарушением корпоративных прав участника.

3. Действительность решений собрания по вопросам, принятым в отсутствие кворума

На первый взгляд положения корпоративного законодательства однозначно свидетельствуют о том, что нарушение требования закона и локальных нормативных актов (устав) о кворуме при проведении собрания неминуемо влечет за собой ничтожность таких решений (п. 2 ст. 181.5 ГК РФ; п. 10 ст. 49 Закона об АО; п. 26 постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19; п. 24 постановления Пленума ВС РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью"»[19]). При этом до 2013 г. такие решения рассматривались как *не имеющие юридической силы*, и лишь после введения гл. 9.1 ГК РФ их стали квалифицировать как *ничтожные*.

По нашему мнению, прежняя формулировка о том, что при нарушении кворума такие решения не обладают юридической силой, а арбитражному суду необходимо рассматривать спор, руководствуясь нормами закона, является более удачной. Презюмировалось, что данные решения не могли рассматриваться в качестве юридических фактов[20] (в том числе в силу ст. 8 ГК РФ[21]), однако суд должен оценить наличие нарушения корпоративных норм.

В отрыве от ныне действующего положения ст. 181.5 ГК РФ, которое было принято 10 лет назад, следовало бы определить, о каких «*нормах закона*» исторически шла речь, положения которых позволяли рассмотреть дело по существу спора. Например, принадлежащие акционеру голосующие акции, в отношении которых судом установлен запрет голосовать этими акциями на общем собрании по какому-либо из вопросов повестки дня, все равно должны учитываться при определении кворума для принятия решения по соответствующему вопросу (п. 4 информационного письма ВАС РФ № 72[22]). В данном случае речь идет о том, что каждый голос должен учитываться при определении кворума, даже если владельцу акций запрещена фактическая реализация корпоративных прав, удостоверенных данными ценными бумагами. Таким образом, обращено внимание на существо корпоративной организации как формы коллективного предпринимательства[23], в основу которого положено объединение лиц и (или) капитал его членов. Сам по себе запрет (ограничение) акционеру на голосование влияет на исход голосования на общем собрании (то есть на итоги принимаемых решений), но не свидетельствует о возможности отказать в учете голоса при определении кворума на собрании. Таким образом, извещение о собрании обеспечивает корпоративную сущность при принятии хозяйственным обществом управленческих решений.

3-й промежуточный вывод: для принятия решения собрания, при проведении которого соблюдено требование о кворуме, дополнительно имеет значение извещение миноритарных участников в зависимости от вопросов повестки дня и иных обстоятельств.

---

[19] Бюллетень ВС РФ. 2000. № 3.

[20] О юридических фактах см., например: Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития : монография. М. : Проспект, 2021. 536 с. ; *Филиппова С. Ю.* Юридические факты в гражданском праве. М. : Статут, 2020. 368 с. Ч. 1 : Правомерные юридические действия.

[21] Решения собраний включены в ст. 8 ГК РФ в 2012 г. (Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627), то есть еще до принятия гл. 9.1 ГК РФ.

[22] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.07.2003 № 72 «Обзор практики принятия арбитражными судами мер по обеспечению исков по спорам, связанным с обращением ценных бумаг» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9.

[23] Постановление КС РФ от 15.03.2005 № 3-П // Вестник КС РФ. 2005. № 3.

Несмотря на указанные положения, в судебной практике по корпоративным спорам сформулированы позиции, допускающие принятие решения, не получившего требуемого количества голосов, в тех случаях, когда данное решение нужно для дальнейшей производственно-хозяйственной деятельности общества, а участники (обеспечивающие недостающий кворум на собрании) без уважительных причин уклоняются от участия в общем собрании либо его игнорируют (п. 14 Обзора ВС РФ от 25.12.2019).

С одной стороны, упомянутый подход Верховного Суда РФ может подвергнутся критике, поскольку нарушается сущность корпоративной организации как совместно управляемого бизнеса[24], из которого исключается какой-либо действующий участник общества. С другой стороны, обеспечивается баланс интересов других участников общественных отношений (остальных участников общества) и стабильность гражданского оборота, поскольку в корпоративной практике встречаются ситуации, при которых требуется скорейшее принятие решений. Такими исключительными случаями, к примеру, могут признаваться смерть генерального директора и необходимость срочно назначить единоличный исполнительный орган для своевременной сдачи бухгалтерской отчетности, уплаты налогов и заработной платы; одобрение крупной сделки при аварии на производстве — срочное заключение договора подряда на проведение ремонтных работ во избежание большего экологического вреда и т.д. При этом, разумеется, сохраняет свое действие правило о добросовестном поведении и запрете злоупотребления правом.

4-й промежуточный вывод: необходимые для ведения производственно-хозяйственной деятельности корпоративные решения могут быть приняты в отсутствие кворума.

4. Действительность решений собрания в отсутствие нотариального удостоверения

Допустимость применения аналогии закона и права, закрепленная в ст. 307.1 ГК РФ, при обжаловании решения позволила Верховному Суду РФ сформулировать подход о ничтожности не удостоверенных нотариусом либо регистратором решений очных собраний, если иной способ их удостоверения не предусмотрен уставом либо единогласным решением участников общества (ст. 67.1 ГК РФ; абз. 3 п. 107 постановления Пленума ВС РФ № 25).

Впрочем, альтернативный способ удостоверения решений собраний также должен утверждаться нотариально удостоверенным решением (п. 2 Обзора ВС РФ от 25.12.2019). Такой подход основан на аналогии с положением ст. 163 ГК РФ о нотариальной форме сделок, но вслед за этим дана оговорка о том, что положения ст. 165 ГК РФ (при уклонении стороны от нотариального удостоверения) не применяются к решениям собраний. Таким образом, вроде бы аналогия закона возможна, но усеченная — фрагментарная, ввиду природы корпоративной формы хозяйствования.

Рассматриваемой аналогией со сделками разрешен вопрос о ничтожности решений собраний корпоративной организации, не удостоверенных независимым (третьим) лицом — нотариусом либо регистратором, что исключило множество корпоративных споров, поскольку ст. 181.4 и 181.5 ГК РФ не содержат соответствующего основания для признания решения ничтожным, а ведь ст. 67.1 ГК РФ была направлена прежде всего на сокращение корпоративных исков[25].

Несмотря на установление рассматриваемого правила о ничтожности решений, в соответствующих случаях также действует подход Верховного Суда РФ о конвалидации решений, необходимых для общества и сохраняющих свойства юридического факта (п. 14 Обзора

[24] См., например: Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования : монография / под ред. Е. Д. Тягай. М. : Норма, Инфра-М, 2014.

[25] Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ входил в так называемый антирейдерский пакет законов. Также см.: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6 (дата обращения: 20.03.2023).

ВС РФ от 25.12.2019). Случается, что надлежащим образом извещенный участник общества прибыл на общее собрание, но в ходе обсуждения вопросов по повестке дня уклонился от участия в голосовании, от подписания листа регистрации и протокола собрания, а в обществе установлен способ удостоверения принятого решения путем его подписания (протокола) всеми участниками хозяйственного общества. Таким образом, суду следует оценивать все фактические обстоятельства дела, включая повестку дня и целесообразность поставленных на обсуждение вопросов, корпоративную процедуру извещения и иную подготовку к собранию, фактическую явку на собрание и ход заседания общего собрания, обсуждение вопросов и голосование по повестке дня.

Таким образом, мы вновь обращаем внимание на текущую непрерывную деятельность корпоративной организации, которая требует совершения хозяйственных операций (оплаты налогов, выплаты заработной платы, актуализации сведений об адресе общества и т.д.), в ином случае бездействие либо длительные корпоративные уставные процедуры неминуемо влекут за собой негативные юридические последствия и ответственность (административный штраф, убытки, доначисление налоговых пеней и штрафов, исключение общества из ЕГРЮЛ при сведениях о недостоверности его адреса и иные).

5. Цифровые извещения и иные технологии дистанционного проведения общего собрания

Корпоративное законодательство в условиях цифровой трансформации с 2021 г. включает в себя нормы, позволяющие дистанционно проводить общие собрания[26]. Условиями применения дистанционных технологий участия в заседании собрания, обсуждения и голосовании по вопросам повестки дня признаются следующие:

— возможность идентификации и аутентификации лица, участвующего на общем собрании;

— наличие технических средств у общества либо третьих лиц (регистратора, нотариуса) для администрирования данного формата корпоративных процедур.

Полагаем, что при определении целесообразности применения технологий проведения дистанционного собрания и онлайн-голосования не имеет определяющего значения:

— наличие технической возможности у всех членов корпоративной организации на дистанционное участие, поскольку общество должно обеспечивать проведение корпоративных процедур или предоставлять возможность участия в традиционном формате собрания[27];

— уровень цифрового и технологического оснащения и равенства членов корпорации, поскольку на практике проведение дистанционного собрания и голосование не требует особых технических средств (достаточно смартфона либо планшета с доступом к сети Интернет).

Положения п. 1 ст. 38 Закона об ООО и п. 11 ст. 39 Закона об АО указывают на то, что инструментами дистанционного участия в общем собрании выступают, помимо традиционных (почта, телеграф, телетайп, телефон и иные средства связи), следующие информационные технологии:

— электронная почта,

— SMS-сообщения и мессенджеры,

— видео-конференц-связь,

— аудио- и видеопротоколирование,

— система электронного документооборота и электронная подпись,

— информационная платформа (система), позволяющая подводить итоги общего собрания, включая голосования, и иные[28].

[26] Федеральный закон от 28.06.2021 № 225-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5053.

[27] Например, в период пандемии и распространения COVID-19 многие корпоративные процедуры принудительно перевели на дистанционный режим.

[28] См.: *Шиткина И. С., Севеева К. В.* Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ: эффективность новелл российского законодательства // Вестник арбитражной практики. 2022. № 3.

Разнообразие упомянутых средств не ограничивается вышеперечисленным и включает в себя любые технологические инструментарии и автоматизированные системы. С точки зрения судебной оценки онлайн-собраний с использованием электронных средств их фиксации большая часть обстоятельств подтверждает электронные доказательства[29].

Технологии дистанционного проведения общего собрания несут в себе очевидные преимущества. Так, отправив по электронной почте, социальной сети либо бизнес-мессенджеру извещение об общем собрании члену корпорации, такое извещение будет считаться направленным, что без труда доказывается в суде (например, скрин-шотом электронной переписки либо нотариальным заверением электронной переписки). Судебная практика уже содержит подход о признании сообщений в бизнес-мессенджерах надлежащим доказательством[30].

5-й промежуточный вывод: цифровые технологии позволяют обеспечить надлежащее извещение участника о проведении общего собрания, что предупреждает ряд корпоративных споров.

6. Обжалование решения собрания участником, вышедшим из общества, и иными лицами по мотивам их неизвещения

Традиционный подход корпоративного права предполагает наделение исключительно действующих членов хозяйственного общества правом на обжалование корпоративных решений (ст. 65.2 ГК РФ). Сложилась обширная судебная практика, в силу которой суд отказывает лицу в удовлетворении требований о признании недействительным решения собрания по формальным основаниям — отсутствие членства в корпоративной организации, а значит, и права на иск[31]. Разумеется, речи не идет о праве на иск в случаях обжалования участником (бывшим участником) решений корпорации о прекращении его членства по мотивам их незаконности[32] либо решения, принятого до вхождения в состав членов корпоративной организации (при доказывании материально-правового интереса в таком обжаловании)[33].

Таким образом, при проведении собрания извещаются все действующие члены органов корпоративной организации (общего собрания, совета директоров). Вместе с тем в последнее время наблюдается интересная тенденция. Во-первых, двоякое толкование норм корпоративного законодательства. В частности, пункт 4 ст. 43 Закона об ООО регламентирует случаи, когда инициатором обжалования решений собрания выступает участник общества; пункт 7

С. 3–16 ; *Кашаров З. А., Онуфриева О. А., Рукавишникова А. С.* Правовое регулирование использования электронных и технических средств для организации и проведения общего собрания участников корпораций // МНИЖ. 2021. № 7-3 (109) и др.

[29] См.: *Нахова Е. А.* Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 301–312.

[30] Например, см.: п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. 02.07.2021. № 144.

[31] Например, см.: определения Верховного Суда РФ от 20.06.2016 № 305-ЭС16-4756, от 30.09.2014 по делу № 301-ЭС14-1901 ; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.10.2014 по делу № А82-14483/2013 // URL: https://kad.arbitr.ru/.

[32] Например, см.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01.02.2022 № Ф10-5966/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/.

[33] Например, см.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.09.2022 № Ф05-21289/2022 // URL: https://kad.arbitr.ru/.

ст. 49 Закона об АО — акционер; пункт 5 ст. 69 Закона об АО — акционер либо член совета директоров (при обжаловании решений совета директоров). Следовательно, указание в законе на конкретное лицо, обладающее правом на обжалование решений собрания, регулирует порядок реализации им (участником, акционером, членом совета директоров) своих прав, но не свидетельствует о запрете на подачу иска *иными лицами*. По данному вопросу можно привести аналогию со случаями, когда бывшими (выбывшими) участниками (акционерами) заявляются требования о предоставлении документов о деятельности общества либо об обжаловании сделок корпорации[34]. Единственным условием для подачи данных заявлений является обоснование истцом либо его законным (квазизаконным) представителем (процессуальным истцом) материально-правового интереса с учетом того, что участник уже прекратил свое членство, а следовательно, утратил право управлять корпоративной организацией, и исковые требования служат лишь средством защиты его нарушенных либо в будущем потенциально нарушенных прав (например, в целях обеспечения выплаты доли при выходе из общества либо исключения риска привлечения к субсидиарной ответственности).

Во-вторых, с учетом изложенного возникает вопрос о праве бывшего участника хозяйственного общества либо иных лиц (например, конкурсного или финансового управляющего, кредитора) на обжалование корпоративных решений в тех случаях, когда такое обращение в суд поясняется прямым материально-правовым интересом. С одной стороны, утвердительный ответ о наличии такого права у указанных лиц может вызвать научную дискуссию, основанную на нормативистском подходе, с указанием на то, что для такого тезиса требуется внесение поправок в корпоративное законодательство. Однако, с другой стороны, судебная практика стала содержать такие «исключительные» случаи, когда указанные лица (не являясь членами корпорации) не только могут обратиться в суд с требованием об оспаривании решений собрания общества, но и полноценно реализовывать процессуальные права[35]. Речь также идет о праве запрашивать у общества документы о сделках, заявлять об экспертизе стоимости объекта сделки и получать, не будучи участником общества, иные сведения, которые в обычной хозяйственной практике никогда не разглашаются третьим лицам.

В судебной практике уже встречается точка зрения о том, что решение собрания о выплате прибыли между оставшимися участниками нельзя принимать до тех пор, пока вышедшему участнику не выплачена действительная стоимость доли (части доли) в уставном капитале[36]. Учитывая экономико-правовые последствия данных решений (корпоративный комплаенс), полагаем, что при их принятии следует извещать о собрании вышедшего участника для предоставления ему права участвовать в обсуждении подобных вопросов повестки дня.

6-й промежуточный вывод: в рамках корпоративного комплаенса во избежание риска обжалования решений собрания общества предлагается ввести в добросовестную корпоративную практику извещение о предстоящем собрании, наряду с действующими участниками (акционерами), тех лиц, права которых могут быть затронуты принимаемыми решениями (ключевых кредиторов-контрагентов, вышедших из общества участников и т.д.).

---

[34] См.: п. 6 информационного письма Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144.

[35] Например, в одном из дел корпоративное решение единственного участника о добровольной ликвидации было оспорено с применением норм о сделках, поскольку такая ликвидация рассматривалась как сделка, определяющая судьбу доли в уставном капитале общества: определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.2019 № 306-ЭС19-13175 (3) // URL: https://kad.arbitr.ru/.

[36] Например, см.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2023 № Ф05-36069/2022 // URL: https://kad.arbitr.ru/.

Выводы

Исследование вопросов извещения как юридически значимого сообщения и действия, совершаемого при проведении процедуры общего собрания, позволяет говорить о многогранности данной проблематики, требующей постоянного доктринального переосмысления и развития подходов судебной практики. Полагаем возможным признать участие всех участников общего собрания юридическим фактом, исключающим ничтожность общего собрания (по основанию ненадлежащего извещения); существенным нарушением корпоративной практики — неизвещение участника о предстоящем собрании; соблюдение правила о кворуме — не исключающим возможность обжалования решения миноритарными участниками (акционерами); исключительным случаем — принятие решений, обеспечивающих производственно-хозяйственную деятельность общества, с отступлением от правила о кворуме; цифровые технологии — средством надлежащего извещения участников; добросовестной корпоративной практикой — приглашение на общее собрание при принятии существенных корпоративных решений третьих лиц (например, ключевых кредиторов-контрагентов либо вышедших из общества участников).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кашаров З. А.*, *Онуфриева О. А.*, *Рукавишникова А. С.* Правовое регулирование использования электронных и технических средств для организации и проведения общего собрания участников корпораций // МНИЖ. — 2021. — № 7-3 (109).
2. Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования : монография / под ред. Е. Д. Тягай. — М. : Норма, Инфра-М, 2014. — 144 с.
3. *Корсик К. А.* Законодательные новеллы о корпоративных процедурах и исполнительной надписи // Нотариальный вестник. — 2021. — № 9. — С. 2–5.
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» : в 2 т. / под ред. И. С. Шиткиной. — М. : Статут, 2021. — Т. 1. — 622 с.
5. *Нахова Е. А.* Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 301–312.
6. *Поваров Ю. С.* Протокол и иные способы подтверждения проведения заседания и (или) результатов голосования участников гражданско-правового сообщества // Нотариус. — 2021. — № 7. — С. 7–11. — DOI: 10.18572/1813-1204-2021-7-7-11.
7. *Труханов К. И.* Решения собраний — новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. — 2013. — № 10. — С. 125–134.
8. *Филиппова С. Ю.* Юридические факты в гражданском праве. Часть 1 : Правомерные юридические действия. — М. : Статут, 2020. — 368 с.
9. *Харитонова Ю. С.* Недействительность решений собраний и сделок: точки пересечения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2014. — № 5. — С. 24–26.
10. *Шиткина И. С.*, *Севеева К. В.* Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ: эффективность новелл российского законодательства // Вестник арбитражной практики. — 2022. — № 3. — С. 3–16.
11. Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития : монография. — М. : Проспект, 2021. — 536 с.

Материал поступил в редакцию 20 марта 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kasharov Z. A., Onufrieva O. A., Rukavishnikova A. S. Pravovoe regulirovanie ispolzovaniya elektronnykh i tekhnicheskikh sredstv dlya organizatsii i provedeniya obshchego sobraniya uchastnikov korporatsiy // MNIZh. — 2021. — № 7-3 (109).
2. Korporativnye otnosheniya: kompleksnye problemy teoreticheskogo izucheniya i normativno-pravovogo regulirovaniya: monografiya / pod red. E. D. Tyagay. — M.: Norma, Infra-M, 2014. — 144 s.
3. Korsik K. A. Zakonodatelnye novelly o korporativnykh protsedurakh i ispolnitelnoy nadpisi // Notarialnyy vestnik. — 2021. — № 9. — S. 2–5.
4. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federalnomu zakonu «Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennostyu»: v 2 t. / pod red. I. S. Shitkinoy. — M.: Statut, 2021. — T. 1. — 622 s.
5. Nakhova E. A. Problemy elektronnykh dokazatelstv v tsivilisticheskom protsesse // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2015. — № 4. — S. 301–312.
6. Povarov Yu. S. Protokol i inye sposoby podtverzhdeniya provedeniya zasedaniya i (ili) rezultatov golosovaniya uchastnikov grazhdansko-pravovogo soobshchestva // Notarius. — 2021. — № 7. — S. 7–11. — DOI: 10.18572/1813-1204-2021-7-7-11.
7. Trukhanov K. I. Resheniya sobraniy — novaya kategoriya v Grazhdanskom kodekse RF // Zakon. — 2013. — № 10. — S. 125–134.
8. Filippova S. Yu. Yuridicheskie fakty v grazhdanskom prave. Chast 1: Pravomernye yuridicheskie deystviya. — M.: Statut, 2020. — 368 s.
9. Kharitonova Yu. S. Nedeystvitelnost resheniy sobraniy i sdelok: tochki peresecheniya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2014. — № 5. — S. 24–26.
10. Shitkina I. S., Seveeva K. V. Distantsionnye obshchie sobraniya uchastnikov khozyaystvennykh obshchestv: effektivnost novell rossiyskogo zakonodatelstva // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2022. — № 3. — S. 3–16.
11. Yuridicheskie fakty i ikh vliyanie na otraslevye instituty prava: problemy i napravleniya razvitiya: monografiya. — M.: Prospekt, 2021. — 536 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.090-099

А. Н. Левушкин*

Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования

Аннотация. В современной экономико-правовой модели общественных отношений члены семьи принимают самое активное и непосредственное участие в предпринимательских правоотношениях, суть которых нередко сводится к организации бизнес-процессов супругами, детьми и другими родственниками в рамках концепции семейной организации предпринимательства. Полагаем, что данный сегмент экономико-социальной и семейной предпринимательской деятельности имеет немаловажное значение с точки зрения доктрины и практико-ориентированного направления реализации современной теории предпринимательства, направленной на дополнительную поддержку малого и среднего бизнеса, достаточно часто организованного на семейно-правовых связях, что не исключает его применения в крупных корпорациях и холдингах. В работе предложена современная концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования, установлена необходимость дополнительной государственной поддержки рассматриваемой формы ведения бизнеса, сформулированы выводы и некоторые предложения по реформированию законодательства, направленные на легализацию семейного предпринимательства в России, обнародован меморандум в отношении современного состояния и дальнейшей реализации мер по легализации семейного предпринимательства в пореформенный период в России.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; легитимация; семейное предпринимательство; семейный бизнес; частноправовое регулирование; публично-правовое регулирование; государственная поддержка семейного предпринимательства; члены семьи; малые и средние предприятия; самозанятые; семейное предприятие; меморандум.

Для цитирования: *Левушкин А. Н.* Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 90–99. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.090-099.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», Центр компетенций «Бизнес-право», проект «Семейное и женское предпринимательство».

© Левушкин А. Н., 2023

* *Левушкин Анатолий Николаевич*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lewuskin@mail.ru

The Concept of Family Business Legitimation in the Context of Private Law and Public Law Regulation

Anatoly N. Levushkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lewuskin@mail.ru

Abstract. In the modern economic and legal model of social relations, family members take the most active and direct part in entrepreneurial legal relations, the essence of which is often reduced to the organization of business processes by spouses, children and other relatives within the framework of the concept of a family business form of entrepreneurship. We believe that this segment of economic-social and family entrepreneurship is quite significant from the point of view of the doctrine and practice-oriented direction of the implementation of the modern theory of entrepreneurship aimed at providing additional support for small and medium-sized businesses, quite often organized by means of family and legal ties, which does not exclude its application for large corporations and holdings. The paper proposes a modern concept of legitimation of family entrepreneurship through the prism of private law and public law regulation, substantiates the need for additional state support for this form of doing business, provides conclusions and some proposals for reforming legislation aimed at legalizing family entrepreneurship in Russia, publishes a memorandum on the current state and further implementation of measures to legalize family entrepreneurship in the post-reform period in Russia.

Keywords: entrepreneurship; legitimation; family entrepreneurship; family business; private law regulation; public law regulation; state support for family entrepreneurship; family members; small and medium-sized enterprises; self-employed; family enterprise; memorandum.
Cite as: Levushkin AN. Kontseptsiya legitimatsii semeynogo predprinimatelstva skvoz prizmu chastnopravovogo i publichno-pravovogo regulirovaniya [The Concept of Family Business Legitimation in the Context of Private Law and Public Law Regulation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):90-99. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.090-099. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program («Socio-Law» Center of Competence), «Business Law» Center of Competence, «Family and Women's Entrepreneurship» Project.

Семейный бизнес следует определять в качестве интегрированного экономико-правового и социального процесса, организованного в рамках семейных предпринимательских правоотношений, супружеских связей, основанных на принадлежности к семье. Как известно, семейные отношения, в отличие от сферы экономических правоотношений, в своем фундаменте имеют семейно-ценностный компонент, основаны на традиционных семейных ценностях, провозглашенных на конституционном уровне в Российской Федерации, и фидуциарном характере взаимодействия между членами семьи, осуществляющими предпринимательскую деятельность.

Семейное предпринимательство в обобщенном виде может рассматриваться как комплексное экономическое и социально-правовое явление. Далее, устанавливая правовую сущность семейного предпринимательства в цивилистической парадигме, можно прийти к выводу, что содержательно оно находится на стыке многих отраслей регулирования и наук. Обратим внимание на то, что семейное предпринимательство находится в фокусе не только частноправового, но и публично-правового регулирования, в частности государственная политика в отношении бизнес-сообщества, восприятие такой предпринимательской деятельности общественностью, социально-экономическая ситуация в стране

и др. Доверительные предпринимательские и корпоративные правоотношения между супругами и другими членами семьи предопределяют качественно новый экономико-правовой микроклимат для организации предпринимательской деятельности и ее эффективного применения.

Обратим отдельное внимание на значимую особенность семейного предпринимательства — оно основано на брачно-семейных отношениях и связях доверительного родственного характера его владельцев (учредителей и участников). Убеждены, что для российского общества, ориентированного на традиционные семейные ценности, семейное предпринимательство выступает в качестве привилегированной формы ведения предпринимательской деятельности и вектором дальнейшего прогрессивного динамического развития предпринимательства в нашей стране.

Современная модель существования и функционирования семейного бизнеса (семейного предпринимательства) в комплексном интегрированном виде может быть реализована в различных организационно-правовых формах деятельности юридических лиц, а также в разрешенной законом форме организации бизнес-процессов в сфере экономической деятельности, таких как индивидуальные предприниматели или самозанятые лица.

Для современного общества характерна социализация экономических процессов, предпринимательской деятельности и законодательного регулирования. Действительно, в последнее десятилетие в отечественной доктрине достаточно часто на различных научных площадках обсуждаются проблемы реализации модели семейного предпринимательства, что находит свое отражение в реальных шагах, нацеленных на становление и развитие такого перспективного и необходимого направления предпринимательской деятельности в России. Убеждены, что на сегодня сформировалась объективная потребность в нормативном правовом урегулировании семейного предпринимательства на уровне специального отраслевого законодательства.

Анализируя проблематику семейного предпринимательства, можно установить тенденцию реализации «межотраслевых связей между семейными, корпоративными и предпринимательскими отношениями. Это отчетливо проявляется в такой сфере, как семейное предпринимательство, которое предполагает наличие семейных, предпринимательских, корпоративных, организационных и трудовых взаимосвязей между супругами и другими членами семьи»[1].

И. В. Ершова аргументированно доказывает, что «становление правового регулирования и государственной поддержки семейного предпринимательства на территории Российской Федерации предполагает законодательное закрепление ключевых понятий и определение мер поддержки таких семейных предприятий с целью их эффективного функционирования»[2]. Однако, к глубокому сожалению, экономико-правовой статус субъектов семейного предпринимательства практически не урегулирован не только нормами частного права — гражданского, семейного права, но и иными, смежными отраслями права и законодательства — конституционного, предпринимательского, коммерческого, социального.

Особо отметим, что юридические публикации, в которых проблематика семейного предпринимательства выходит на первый план, весьма немногочисленны, а диссертационные исследования среди них единичны[3]. Вместе с тем необходимо обратить отдельное внимание на то обстоятельство, что в рамках научной школы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

---

1 *Левушкин А. Н.* Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 8.

2 *Ершова И. В.* Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 68.

3 См.: *Ершова И. В.* Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании. С. 67–75 ; *Баркова Л. А.* Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 22 с. ; *Побережный С. Г.* Правовой

кафедрой предпринимательского и корпоративного права подготовлено достаточно большое количество научно-практических работ по данному направлению исследования (семейного предпринимательства), в частности опубликованы коллективные монографии[4].

Действующая в настоящее время в нашей стране модель правовой регламентации сферы предпринимательства предоставляет широкие возможности для членов семьи реализовать свой экономико-социальный потенциал посредством участия в организации бизнеса членами семьи как в экономико-правовой форме предпринимательства, основанного на семейно-родственных связях. Современная государственная семейная политика Российской Федерации направлена на решение задач по укреплению экономического благополучия семьи, усилению социальной значимости каждого члена семейных правоотношений, развитию интересов и традиций ведения семейного предпринимательства, в основу которых положены механизмы поддержки и стимулирования предпринимательской активности семей, реализуемой на основе традиционных семейных ценностей. В контексте данных провозглашенных государством высоко значимых задач и приоритетов, через призму частноправового и публично-правового регулирования профессор И. В. Ершова формулирует весьма наукоемкое утверждение: «Несомненно, большая роль в достижении столь амбициозных и значимых целей отводится семейному бизнесу»[5].

Полагаем уместным в рамках настоящей научной работы употребление такого термина, как «семейная экономика». Как известно, она представлена экономическими отношениями, складывающимися между членами семьи, предполагает организацию процессов на микроэкономическом уровне. Такого рода экономико-правовые отношения синергетическим образом связаны с социально-психологическими процессами в семье. Основными субъектами семейной экономики являются члены семьи и сама семья как малая социальная группа, организованная на отношениях родства, свойства́ и супружества. В семейной модели реализации предпринимательской деятельности действует ограниченное применение наемного труда и, наоборот, активно реализуется взаимная и долгосрочная поддержка членов семьи, общесемейное потребление, денежное и неденежное оценивание действий при личном трудовом участии, доверительные правоотношения и отношения взаимной ответственности перед детьми и родителями, отношения наследования по закону, основанные на семейно-правовых связях.

Президентом России провозглашены базовые ориентиры: «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России»[6]. Полагаем, что данный тезис имеет самое непосредственное отношение как к организации семейного предпринимательства, так и к выстраиванию внутрисемейных

статус супругов как субъектов предпринимательской деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 22 с.

[4] См.: Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2023. 640 с. ; Семейный бизнес & качество правовой среды : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2022. 576 с. ; Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2021. 560 с. ; Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2020. 624 с. ; Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2019. 480 с.

[5] *Ершова И. В.* Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 68.

[6] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

правоотношений с учетом морально-нравственных идеалов справедливости и уважения; убеждены, что морально-ценностные ориентиры являются фундаментом не только для выстраивания внутрисемейных отношений, но и в сфере экономической деятельности членов семьи при осуществлении бизнеса, организации семейного предпринимательства.

Дальнейшее проведение реформ в национальной экономике предопределяет необходимость уделить значительное внимание такому сегменту экономической деятельности, как малое и среднее предпринимательство[7]. На законодательном уровне весьма активно обсуждается вопрос о закреплении в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» понятия «семейное предприятие», что видится абсолютно оправданным. В научной литературе обоснованы предложения по изменению категориального аппарата данного закона в части выделения микропредприятий в качестве обособленной категории субъектов малого и среднего бизнеса, а также возможности отнесения к ним самозанятых[8].

На современном этапе развития российского законодательства установлена действенная высокая позиция крупного бизнеса в обеспечении технологического развития субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) на уровне реализации семейных бизнес-процессов. Семейное предпринимательство в нашей стране как форма реализации предпринимательской инициативы организовано, как правило, в качестве самозанятости или малого и среднего предпринимательства, но не исключены и достаточно крупные организации форм ведения бизнеса, например «Тинькофф» и др. Как обоснованно установлено в доктрине, «использование специального правового режима деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в качестве экспериментальной регуляторной площадки позволяет просчитать риски, связанные с принимаемыми мерами, а также оценить эффективность их действия»[9].

В современном экономико-правовом пространстве государством установлены условия для ведения семейного бизнеса путем разработки программ, предусматривающих льготное финансирование, особенности налогообложения, обеспечение социальными гарантиями и ослабление надзора со стороны контролирующих органов, что, безусловно, позволит малым и средним семейным предприятиям улучшить свое финансово-экономическое положение, приобрести стабильность в развитии. Заслуживают всяческой поддержки меры, обеспечивающие бóльшую доступность малому и среднему бизнесу необходимых финансовых, имущественных и иных ресурсов, создание спроса на производимую ими продукцию (работы, услуги) и повышение степени их конкурентоспособности в экономическом обороте. Следует отдельно подчеркнуть, что Правительством РФ разрабатывается Программа антикризисной помощи компаниям, не относящимся к малому бизнесу и не являющимся системообразующими, предусматривающая выдачу гарантий ВЭБ.РФ по кредитам для пополнения оборотных средств, поддержки импорта, а также завершения инвестиционных проектов[10]. Считаем, что аналогичная система гарантийной поддержки должна быть реализована в отношении субъектов семейного предпринимательства, которая уже апробировала себя в отношении субъектов МСП и уже несколько лет реализуется Корпорацией развития МСП.

---

[7] Подробнее см.: *Ершова И. В.* Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 25–26.

[8] Подробнее см.: *Ершова И. В.* «Микро» не значит «малые» // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 11–18.

[9] *Ершова И. В.*, *Трофимова Е. В.* Специальный правовой режим малого и среднего бизнеса в контексте поиска перспективных направлений поддержки иных сегментов отечественной экономики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 103.

[10] *Ершова И. В.*, *Трофимова Е. В.* Указ. соч. С. 110.

МЕМОРАНДУМ

Введение

Полагаем, что основным недостатком, тормозящим развитие семейного предпринимательства в нашей стране, является отсутствие необходимого и эффективного нормативного правового регулирования этой перспективной формы организации бизнеса. Такой организационно-правовой формы юридического лица, как семейное предприятие, не существует, поэтому семейное предпринимательство приобретает различные внешние организационно-правовые формы выражения: хозяйственные общества, производственные кооперативы, крестьянские фермерские хозяйства, индивидуальная предпринимательская деятельность, деятельность самозанятых лиц, которые далеко не всегда отражают сущность и правовую природу складывающихся семейных предпринимательских правоотношений и бизнес-моделей организации.

Экономико-правовое обоснование необходимости организации предпринимательской деятельности членами семьи в качестве семейного предпринимательства (семейное предприятие) и меры их реализации

Представляется необходимым определить основные преимущества и экономико-правовые достоинства организации предпринимательской деятельности членами семьи как семейного предпринимательства, тем самым закрепить их в качестве перспективных задач, требующих своей реализации в рамках легализации модели семейного предпринимательства в Российской Федерации:

1) значительная инициатива членов семьи при принятии организационных и управленческих решений в рамках внутрисемейных и корпоративных правоотношений;

2) индивидуализация предпринимательской деятельности в различных предпринимательских правоотношениях: отношениях торгового характера, выполнения работ, оказания услуг, основанных на установлении персональных условий, исходя из мобильности субъектов семейного предприятия. А вот индивидуализация предпринимательских отношений, учет интересов отдельных лиц в рамках крупного бизнеса представляются весьма проблематичными;

3) высокий индивидуальный уровень мотивации в рамках реализации трудовой функции членом семьи, большая материальная заинтересованность работника при организации трудовой деятельности на семейно-правовых началах;

4) установление лично-доверительных отношений между субъектами семейного предпринимательства ввиду наличия семейно-правовых связей;

5) экономическая и социальная целесообразность семейной организации бизнеса предопределяется экономией финансовых, имущественных и трудовых ресурсов;

6) реализация мер дополнительной государственной поддержки, направленной на стимулирование и эффективное развитие семейного предпринимательства.

Концепция легитимации семейного предпринимательства: сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования

Сформулируем основные положения, направленные на легализацию семейного предпринимательства в Российской Федерации.

1. Сегодня отчетливо проявляется реализация модели прогрессивного развития семейного предпринимательства в практике и внесение изменений в российское законодательство.

Видятся необходимыми легализация семейного предпринимательства на основе подготовки и принятие комплексного федерального закона, нормы которого будут регулировать отношения семейного предпринимательства, по аналогии с нормативным регулированием соответствующих отношений в Республике Казахстан.

2. Предложенный специальный Закон «О семейном предпринимательстве в Российской Федерации» будет включать главы и статьи, в рамках которых предполагается определить общие положения о семейном предпринимательстве, вопросы регистрации семейного предприятия и правового положения, функционирование семейного предприятия, гарантии свободы деятельности семейного предприятия, меры государственной поддержки и др.

3. Представляется необходимым предоставить семейному предприятию статус самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица и рассматривать его в качестве отдельного субъекта гражданского оборота и предпринимательской деятельности.

4. Организация функционирования семейного предприятия без административных барьеров, многочисленных государственных проверок, ограничений и запретов. Упрощение процедуры регистрации юридических лиц (семейных предприятий), деятельность которых организована на семейно-правовых началах.

5. Семейное предприятие как самостоятельное юридическое лицо может иметь в собственности обособленное имущество, от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Данное предприятие отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, на которое в соответствии с законом может быть обращено взыскание. Семейное предприятие формируется на основе общего имущества супругов, в том числе личного имущества участников семейного предприятия, т.е. необходимо наличие родства, свойства́ или супружества.

6. Взяв за основу частноправовое и публично-правовое регулирование экономических отношений, видится необходимым установление специального правового режима предпринимательской деятельности супругов и других членов семьи, организованного в качестве семейного предприятия.

7. Необходимо распространить правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, установленный в специальном законодательстве, и на отношения в сфере семейного предпринимательства, учитывая специфику правового статуса супругов и других членов семьи как субъектов семейного предпринимательства, установленного нормами гражданского, семейного и предпринимательского права.

8. С очевидностью аргументировано то обстоятельство, что семейное предпринимательство как экономико-правовое явление и институт права основано на комплексном, межотраслевом правовом регулировании нормами частноправовой и публично-правовой принадлежности, что доказывает реализацию конвергентного подхода в данной сфере правовой легитимации.

Убеждены, что только такой сбалансированный подход для регламентации вышеуказанных экономико-социальных отношений может способствовать эффективному развитию и легализации семейного предпринимательства в нашей стране — на основе взаимопроникновения (конвергенции) норм конституционного, финансового, гражданского, предпринимательского, корпоративного, семейного, трудового, торгового, социального, экологического права.

9. Обоснована целесообразность определить семейное предпринимательство в качестве эффективного сегмента реализации предпринимательской инициативы в России. Семейное предпринимательство представляет собой внешнюю форму выражения экономической функции российской семьи, члены которой вовлечены в экономический оборот.

10. В отношении субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляются значительные меры по реализации основанной на мерах по снижению административной нагрузки, расширению использования налоговых льгот и финансовой поддержки модели эффективности и доступности такой формы ведения бизнеса в противовес санкциям против

российской экономической системы. Именно такая концепция доктринально-практического характера должна найти свою реализацию в отношении семейного предпринимательства с целью его эффективного развития и дальнейшего поступательного внедрения в правоприменительную экономическую деятельность с учетом ориентации на социализацию сферы семейно-экономических правоотношений.

Заключение

Убеждены, что в кризисной экономической ситуации государство призвано реализовать модель социального семейного предпринимательства, направленную на эффективное применение условий успешного функционирования семейного предпринимательства в кризисный период экономического развития России. Для достижения данной приоритетной цели необходима разработка федеральных и региональных государственных и муниципальных программ, на уровне которых целесообразно установление льготного финансирования семейных предприятий, введение налоговых льгот и преимуществ, субсидирование, не ориентация государственных органов власти на «закручивание гаек» в отношении деятельности субъектов семейного бизнеса, а реализация социально-экономических реформ, направленных на обеспечение стабильного функционирования субъектов семейного предпринимательства, что позволит вывести на качественно иной, более высокий уровень деятельность семейных предприятий, тем самым повысить благополучие российских семей.

Обосновано, что решение вопроса должного нормативного правового регулирования позволило бы четко определить концепцию легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования. Меры поддержки и стимулирования, которые будут разработаны с учетом правовых основ и особенностей семейного предпринимательства, должны стать механизмом развития этой формы предпринимательской активности в России с целью достижения стоящих перед ним задач и приоритетов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баркова Л. А.* Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2015. — 22 с.
2. *Ершова И. В.* Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 11. — С. 67–75.
3. *Ершова И. В.* Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2016. — № 2. — С. 25–26.
4. *Ершова И. В.* «Микро» не значит «малые» // Предпринимательское право. — 2018. — № 2. — С. 11–18.
5. *Ершова И. В.*, *Трофимова Е. В.* Специальный правовой режим малого и среднего бизнеса в контексте поиска перспективных направлений поддержки иных сегментов отечественной экономики // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 2. — С. 103–115.
6. *Левушкин А. Н.* Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме // Гражданское право. — 2020. — № 2. — С. 3–7.
7. *Левушкин А. Н.* Семейное предпринимательство в системе малого и среднего предпринимательства: правовая природа и пути развития // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 11 (96). — С. 19–24.
8. *Левушкин А. Н.* Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 4. — С. 25–30.

9. *Левушкин А. Н.* Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 3 (43). — С. 206–217.
10. *Левушкин А. Н.* Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. — 2019. — № 2. — С. 6–10.
11. *Левушкин А. Н.*, *Измайлов В. В.* Государственная политика в сфере семейного предпринимательства и его поддержка // Современный юрист. — 2021. — № 1. — С. 68–80.
12. *Побережный С. Г.* Правовой статус супругов как субъектов предпринимательской деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2022. — 22 с.
13. Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. — М. : Проспект, 2023. — 640 с.
14. Семейный бизнес & качество правовой среды : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. — М. : Проспект, 2022. — 576 с.
15. Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. — М. : Проспект, 2021. — 560 с.
16. Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. — М. : Проспект, 2020. — 624 с.
17. Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. — М. : Проспект, 2019. — 480 с.

Материал поступил в редакцию 13 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Barkova L. A. Semeynoe predprinimatelstvo v mekhanizme pravovogo obespecheniya garmonizatsii interesov semi: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2015. — 22 s.
2. Ershova I. V. Semeynyy biznes: tochki otscheta i vektor orientira v pravovom regulirovanii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 11. — S. 67–75.
3. Ershova I. V. Spetsialnyy pravovoy rezhim deyatelnosti subektov malogo i srednego predprinimatelstva: doktrinalnye i zakonodatelnye podkhody // Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava. — 2016. — № 2. — S. 25–26.
4. Ershova I. V. «Mikro» ne znachit «malye» // Predprinimatelskoe pravo. — 2018. — № 2. — S. 11–18.
5. Ershova I. V., Trofimova E. V. Spetsialnyy pravovoy rezhim malogo i srednego biznesa v kontekste poiska perspektivnykh napravleniy podderzhki inykh segmentov otechestvennoy ekonomiki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 2. — S. 103–115.
6. Levushkin A. N. Yuridicheskaya priroda biznesa suprugov v tsivilisticheskoy paradigme // Grazhdanskoe pravo. — 2020. — № 2. — S. 3–7.
7. Levushkin A. N. Semeynoe predprinimatelstvo v sisteme malogo i srednego predprinimatelstva: pravovaya priroda i puti razvitiya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 11 (96). — S. 19–24.
8. Levushkin A. N. Semeynoe supruzheskoe predprinimatelstvo i prodazha biznesa suprugov po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2018. — № 4. — S. 25–30.
9. Levushkin A. N. Semeynoe predprinimatelstvo i semeynyy biznes: ponyatie, pravovaya priroda i perspektivy razvitiya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2018. — № 3 (43). — S. 206–217.
10. Levushkin A. N. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie i razvitie semeynogo predprinimatelstva kak vida sotsialnogo predprinimatelstva v Rossiyskoy Federatsii // Grazhdanskoe pravo. — 2019. — № 2. — S. 6–10.

11. Levushkin A. N., Izmaylov V. V. Gosudarstvennaya politika v sfere semeynogo predprinimatelstva i ego podderzhka // Sovremennyy yurist. — 2021. — № 1. — S. 68–80.
12. Poberezhnyy S. G. Pravovoy status suprugov kak subektov predprinimatelskoy deyatelnosti: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2022. — 22 s.
13. Semeynyy biznes & LegalTech: nauchnye resheniya dlya professionalnoy predprinimatelskoy deyatelnosti: monografiya / otv. red. I. V. Ershova, A. N. Levushkin. — M.: Prospekt, 2023. — 640 s.
14. Semeynyy biznes & kachestvo pravovoy sredy: monografiya / otv. red. I. V. Ershova, A. N. Levushkin. — M.: Prospekt, 2022. — 576 s.
15. Semeynyy biznes & samozanyatye: vzglyad cherez prizmu malogo predprinimatelstva / otv. red. I. V. Ershova, A. N. Levushkin. — M.: Prospekt, 2021. — 560 s.
16. Semeynyy biznes v pravovom prostranstve Rossii: monografiya / otv. red. I. V. Ershova, A. N. Levushkin. — M.: Prospekt, 2020. — 624 s.
17. Yuridicheskaya sudba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii / otv. red. I. V. Ershova, A. N. Levushkin. — M.: Prospekt, 2019. — 480 s.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.100-107

Н. М. Аубакирова-Тер-Григорян*

Судейское усмотрение: понятие и существенные черты

Аннотация. В современной российской правовой доктрине до сих пор не выработано единого подхода к пониманию судейского усмотрения. Содержание указанного термина представляется весьма комплексным и неоднозначным. Анализ законодательства свидетельствует о том, что усмотрение правоприменителя (следователя, прокурора или лица, производящего дознание) возможно при применении норм различных отраслей права. Важность определения наиболее полного и точного понятия судейского усмотрения продиктована сложностью установления его границ.

Целями исследования являются выведение дефиниции судейского усмотрения на основе критической оценки имеющихся в науке определений и выявление его существенных признаков.

Результаты, отраженные в данной работе, показывают, что немалое количество авторов по-разному понимают судейское усмотрение; вместе с тем точки зрения ученых всё же имеют точки соприкосновения.

Итогом исследования является формулировка авторского определения судейского усмотрения и выделение его существенных черт.

Ключевые слова: усмотрение; судейское усмотрение; усмотрение правоприменителя; дискреция; дискреционные полномочия; пределы судейского усмотрения; субъективный элемент в правоприменении; принятие решения; законное решение судьи; целесообразность усмотрения; воля судьи.

Для цитирования: *Аубакирова-Тер-Григорян Н. М.* Судейское усмотрение: понятие и существенные черты // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 100–107. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.100-107.

Judicial Discretion: The Concept and Essential Features

Nalini M. Aubakirova-Ter-Grigoryan, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
nalya_and_nalya@mail.ru

Abstract. The modern Russian legal doctrine has not yet developed a unified approach to understanding judicial discretion. The content of this term seems to be very complex and ambiguous. The analysis of the legislation shows that the discretion of the law enforcement officer (investigator, prosecutor or person in charge of an inquiry) is possible when applying the norms of various branches of law. The importance of defining the most complete and precise concept of judicial discretion is dictated by the complexity of establishing its boundaries.

© Аубакирова-Тер-Григорян Н. М., 2023

* Аубакирова-Тер-Григорян Налини Муратовна, аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
nalya_and_nalya@mail.ru

The objectives of the study are to derive the definition of judicial discretion based on a critical assessment of doctrinal definitions and to identify its essential features. The results reflected in this paper show that a considerable number of authors understand judicial discretion in different ways; at the same time, the points of view of scholars still have common ground. The result of the study provides the author's definition of judicial discretion and the allocation of its essential features.

Keywords: discretion; judicial discretion; discretion of the law enforcement officer; discretionary powers; limits of judicial discretion; subjective element in law enforcement; decision-making; lawful decision of the judge; expediency of discretion; judge's will.

Cite as: Aubakirova-Ter-Grigoryan NM. Sudeyskoe usmotrenie: ponyatie i sushchestvennye cherty [Judicial Discretion: The Concept and Essential Features]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):100-107. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.100-107. (In Russ., abstract in Eng.).

В толковом словаре С. И. Ожегова под усмотрением понимается решение, заключение или мнение[1]. В словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений под усмотрением понимается также и суждение[2]. В соответствии с толковым словарем Д. Н. Ушакова под усмотрением, помимо прочего, можно понимать официальное решение[3]. Т. Ф. Ефремова наполняет понятие усмотрения содержанием процесса действия, а равно результата такого действия; она также понимает под ним единоличное решение должностного лица, имеющего власть (на основании собственного мнения, а не по закону)[4]. Заключим, что усмотрение — это процесс мыслительной деятельности лица по принятию какого-либо решения[5].

Данное в словаре Т. Ф. Ефремовой толкование находит отклик в определении, предложенном Д. М. Чечотом, который писал следующее: «Понятие усмотрения предполагает, что соответствующий орган или должностное лицо действует по своей воле, не связанной при принятии решения какой-либо нормой. В пределах предоставленных ему полномочий орган государства свободен в выборе соответствующего решения»[6]. Из данного определения вытекает, что одним из признаков усмотрения в праве является властный элемент, которым выступает, к примеру, следователь, дознаватель, прокурор или судья[7]; данный признак усмотрения поддерживается также К. П. Ермаковой[8]. Еще одним признаком выступает то, что усмотрение тот или иной орган или должностное лицо осуществляет

---

1 *Ожегов С. И.* Толковый словарь // URL: slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33366 (дата обращения: 01.09.2022).

2 Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений // URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov/%D1%83%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 08.08.2022).

3 *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь // URL: https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%83%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 03.09.2022).

4 *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь // URL: www.efremova.info/word/usmotrenie.html#.YyMQstVubjA (дата обращения: 03.09.2022).

5 Такого мнения придерживается, например, М. А. Никонов (см.: *Никонов М. А.* Судейское усмотрение (уголовно-процессуальные аспекты) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8).

6 *Чечот Д. М.* Административная юстиция: теоретические проблемы. Л., 1973. С. 68.

7 Из данного определения следует, что усмотрением обладает специальный субъект — должностные лица. Действительно, такая форма реализации норм права, как применение, доступна только лицам, обладающим властными полномочиями (см.: *Морозова Л. А.* Теория государства и права. М., 2010. С. 252).

8 *Ермакова К. П.* Пределы судебного усмотрения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

в строго очерченных законом рамках, что также замечает, например, Л. Н. Берг[9]. Напротив, некоторые признаки, вытекающие из определения Д. М. Чечота, мы находим несостоятельными, так как это определение в целом не отвечает закону непротиворечия, восходящему еще к Аристотелю[10]. Полномочия любого государственного органа всегда регламентированы правовой нормой (в противном случае они бы не являлись законными полномочиями), поэтому должностное лицо, принимая законное решение (то есть решение, не выходящее за рамки его полномочий), не может действовать исключительно свободно, по своей воле. В этой связи необходимо признать, что процесс усмотрения в праве, хотя и содержит в себе как ключевой волевой элемент субъекта усмотрения, тем не менее не является безграничным, а определен рамками правовой нормы.

Такого же мнения придерживался В. М. Манохин, который писал: «Усмотрение за пределами правовых норм — это действия органов и должностных лиц государства, не связанные с правом»[11]. Более того, в случае осуществления органами государства и их должностными лицами действий, которые с правом не связаны или идут вразрез с правом, говорить сто́ит не о простом отсутствии усмотрения, а о нарушении законности и закона. Таким образом, можно утверждать, что усмотрение реализуется исключительно в рамках закона.

Регламентированную долю вольности при реализации усмотрения подмечает также В. Н. Дубовицкий, который определяет последнее как «…определенную степень свободы в деятельности…»[12]. Однако он добавляет: «Допущение социалистическим правом усмотрения в деятельности органов государственного управления необходимо в силу разнообразия встречающихся в жизни положений, но это не означает, что допускается возможность выхода указанных органов за рамки права»[13]. Приведенное определение в очередной раз указывает на наличие предусмотренных правом пределов усмотрения.

Иначе видит сущность усмотрения О. В. Кораблина, по мнению которой усмотрение — это неотъемлемый элемент правоприменительной деятельности, объективно существующее и социально оправданное правом явление[14]. Считаю возможным поставить под сомнение объективное существование усмотрения. Первым назревает вопрос о том, где или в чем усмотрение существует объективно? В соответствии с толковым словарем С. И. Ожегова «объективный» означает «существующий вне нас», «связанный с внешними условиями, не зависящий от чьей-нибудь воли, возможностей»[15]. Усмотрение, как процесс волевой, имеет место в сознании правоприменителя, зависит от его суждений и восприятия им действительности, от его *субъективного мнения*[16]. Другим аспектом субъек-

---

[9] *Берг Л. Н.* Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 8.

[10] «…Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» или «…наиболее достоверное положение — это то, что противолежащие друг другу высказывания не могут быть вместе истинными» (URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH011d9edc6e4e9aaca3a95b1d (дата обращения: 16.08.2022)).

[11] *Манохин В. М.* Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Советское государство и право. 1990. № 1. С. 25.

[12] *Дубовицкий В. Н.* Законность и усмотрение в советском государственном управлении : дис. … канд. юрид. наук. М., 1981. С. 58.

[13] *Дубовицкий В. Н.* Указ. соч. С. 63.

[14] *Кораблина О. В.* Усмотрение в правоприменительной деятельности. Саратов, 2009. С. 3.

[15] *Ожегов С. И.* Толковый словарь // URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 01.09.2022).

[16] Мнение всегда субъективно, потому что исходит из воли конкретного лица, выражает его мысль. Данное словосочетание поставлено намеренно для усиления смысловой экспрессии.

тивной природы усмотрения является то, что его наличие определяет законодатель (посредством, к примеру, управомочивающих норм в УК, санкций с альтернативно указанным видом наказания и пр.), то есть волей последнего появляются в Уголовном кодексе нормы, которые создают ситуации, когда правоприменитель использует свое право на усмотрение. Исходя из сказанного, усмотрение хотя и присутствует в объективно существующих правовых нормах (в том смысле, что наличие всего законодательства на сегодняшний день не зависит от воли конкретного единичного лица, а в целом существует объективно), само по себе оно объективным явлением не является. Субъективный элемент воли правоприменителя при выборе варианта, предоставленного законом, поддерживается Б. М. Лазаревым, который видит усмотрение как волевую сторону соотношения целесообразности и законности[17]. Таким образом, усмотрение — явление сугубо субъективное, которое реализуется в применении объективно существующего законодательства.

На законность при усмотрении указывает и А. Барак, который пишет следующее: усмотрение — это полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна. Судейское усмотрение — полномочие, которое дает закон судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна[18]. Из этого следует, что выбор, осуществляемый правоприменителем при реализации усмотрения, происходит между такими вариантами, которые в равной степени отвечают принципу законности. Как полномочие (правомочие) усмотрение определяет также и А. П. Корнеев, который пишет: «Судейское усмотрение — это предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона и которое предоставляется ему в целях принятия оптимального постановления по делу»[19]. По нашему мнению, некорректно определять усмотрение через термин «полномочие»[20]. Усмотрение само по себе не есть право; усмотрение, как было отмечено выше, — это процесс мыслительной или волевой деятельности лица, который может быть произведен по поводу необходимости принятия решения в ситуации, когда имеет место норма права, предполагающая усмотрение правоприменителя. Необходимо заметить, что многие авторы начинают определение усмотрения (в том числе судейского) с иных терминов (нежели «мыслительный процесс»); наше мнение по этому поводу обозначено и более в данном исследовании этот вопрос подниматься не будет.

Так, М. А. Никонов пишет: «Судейское усмотрение — это *мыслительная деятельность* (курсив мой. — *Н. А.-Т.-Г.*) по выбору решения правоприменительной задачи в условиях пробельности нормативного правового акта, а равно среди формально равно законных вариантов ее решения в ситуации неопределенности права и/или факта»[21]. Пробел в уголовном праве (или законе) и усмотрение в праве — явления полярные. Пробел в праве — ситуация исключительно негативная, являющая собой недоработку закона и требующая скорейшего реагирования законодателя; пробел в праве никогда не создается намеренно. В ситуации же с усмотрением, напротив, законодатель в большинстве случаев осознанно идет на то, чтобы создать

---

[17] *Лазарев Б. М.* Компетенция органов управления. М., 1972. С. 92.

[18] *Барак А.* Судейское усмотрение. М., 1999. С. 13–27.

[19] *Корнеев А. П.* Административное усмотрение в применении законодательства об ответственности за правонарушения // Проблемы теории и практики административной ответственности в свете решений XXV съезда КПСС и Конституции СССР : материалы науч.-практ. конференции. М., 1979. С. 66–70.

[20] Полномочие — это официально предоставленное кому-нибудь право какой-либо деятельности (*Ожегов С. И.* Толковый словарь // URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 18.08.2022)).

[21] *Никонов М. А.* Указ. соч. С. 8.

норму права, применение которой предполагает усмотрение правоприменителя. Разумеется, намеренно это делается только в случаях невозможности или нецелесообразности формулирования нормы конкретным образом. Думаем, что в ситуациях с пробелами в праве вопрос о судейском усмотрении имеет не первостепенное значение и поэтому включение их (пробелов) в его определение — излишне. Некую параллель с идеей о пробельности в праве и ее устранением с помощью усмотрения проводит также И. А. Покровский, который рассматривает судейское усмотрение как «право более свободного толкования, восполнения и даже исправления закона сообразно требованиям справедливости и велениям судейской совести»[22]. Ю. Ф. Беспалов тоже считает, что суд имеет право устранять пробелы закона с помощью судейского усмотрения и даже исправлять законодательство[23]. Если с толкованием закона с помощью усмотрения в каком-то смысле согласиться можно, то с восполнением и тем более исправлением — нет. Неоднозначность нормы, предполагающей усмотрение, и есть специфика таких норм. Изменение (исправление) закона судьями или кем-либо другим, помимо самого законодателя в Российской Федерации, как и в большинстве стран, относимых к романо-германской правовой семье, — запрещено. Возможно, эта часть предлагаемой дефиниции могла бы иметь место в странах, где применяется прецедентное право.

Механизм устранения огрехов законодателя в судейском усмотрении видит также М. А. Кауфман, который определяет последнее как «обусловленный несовершенством действующего законодательства и принятый на основе правосознания, уголовно-правовых и общих принципов права выбор правоприменителем такого облеченного в процессуальную форму решения, которое прямо не вытекает из содержания уголовного закона, а иногда и не совпадает с его “буквой” и волей законодателя»[24]. Не всегда норма, предусматривающая усмотрение, является несовершенной с точки зрения законодательной техники. Как было сказано выше, законодатель чаще всего вполне намеренно идет на создание именно неконкретной нормы в целях того, чтобы судьей было принято справедливое решение. Если законодатель пойдет по пути тотального исключения положений, предполагающих усмотрение, то он снова будет обвинен в создании «несовершенного» закона. Это обусловлено тем, что не по стихийному желанию нормотворца появляются нормы, предполагающие усмотрение, а по той причине, что иногда строго сформулированная норма скорее принесет больше вреда общественным отношениям, чем та, которая дает судье право на субъективный выбор. Критике также подвергается приведенное заявление о том, что принимается такое решение, которое прямо не вытекает из содержания уголовного закона. Любое законное решение (а противозаконность не есть предмет данного исследования) не вытекать из закона не может. Специфика норм, предусматривающих усмотрение, заключается в том, что они дают правоприменителю право выбора, а не диктуют однозначное действие (решение) жестким образом. Если норма будет указывать на единственно необходимое к принятию решение, то эта норма не будет предусматривать усмотрение. Из сказанного делается вывод, что оба обозначенных вида правовых норм (предусматривающие и не предусматривающие усмотрение) имеют в своем содержании предписание для действий (решений), разрешенных законом, только где-то это сформулировано однозначно, а где-то — нет, но решения, основанные на каждой из них, нельзя назвать не вытекающими прямо из закона.

Наряду с термином «судейское усмотрение», в литературе используется термин «судебное усмотрение». П. А. Гук проводит различие двух данных терминов в зависимости от субъектного состава правоприменителя: если речь идет о

[22] *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 90.

[23] Судейское усмотрение. Понятие, основания, пределы : материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. М., 2015. С. 28.

[24] *Кауфман М. А.* Пробелы в уголовном праве и судейское усмотрение. М., 2009. С. 339–340.

судебном усмотрении, то имеется в виду деятельность, осуществляемая не только судьями, но и остальными работниками аппарата суда, а когда говорится о судейском усмотрении — об осуществлении правосудия только судьями[25]. По мнению Н. Н. Тарусиной, у данных понятий разнится объем: усмотрение судебное — более широкое понятие, нежели судейское. Последнее, по мнению автора, является видом первого, а также связано с конкретными характеристиками судьи (беспристрастность, профессиональные качества, правосознание и др.)[26]. О. А. Папкова пишет, что судейское усмотрение — это то, которое осуществляется при единоличном рассмотрении и разрешении дела по существу, а судебное — усмотрение коллегиального состава при отсутствии особого мнения одного из судей[27]. В толковом словаре В. И. Даля данные термины сосуществуют как синонимы[28], с чем мы и согласимся.

Судейское усмотрение О. А. Папкова определяет как предусмотренную юридическими нормами, осуществляемую в процессуальной форме мотивированную правоприменительную деятельность суда, состоящую в выборе варианта решения правового вопроса, имеющую общие и специальные пределы[29]. Автор также добавляет: «Определяя понятие судейского усмотрения, необходимо иметь в виду, что применение усмотрения — это не только право, но и обязанность суда, так как возможность осуществления дискреции закреплена юридической нормой, а процессуальные права суда являются вместе с тем и его обязанностью»[30]. В данном случае, на наш взгляд, согласиться нельзя. Некоторые нормы сформулированы исключительно как обязанность суда (должен, в этом случае суд… и т.д.), но иногда законодатель использует такие слова, как «суд может», то есть суд может поступить либо не поступить соответствующим образом, значит, это право суда. Не следует, на наш взгляд, однозначно заявлять, что права́ суда — это и его обязанности, однако есть ситуации, когда судья находится в положении безвыходности относительно осуществления судейского усмотрения, если в его рассмотрении находится дело, существо которого требует применения норм, предусматривающих судейское усмотрение.

Некоторые ученые определяют судейское усмотрение как правоприменительную или властную деятельность. Например, К. П. Ермакова определяет судебное усмотрение как «властную деятельность суда по осуществлению правосудия, состоящую в использовании интеллектуально-волевого механизма, позволяющего суду произвести выбор варианта решения юридического дела»[31]. Определение В. В. Ведерникова следующее: «Судейское усмотрение — это вид правоприменительной деятельности, в которой суд реализует правомочия по выбору одного из возможных решений, отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, в установленных законом пределах и с учетом конкретных обстоятельств дела»[32]. Л. Н. Берг пишет, что судебное усмотрение — это «элемент судебной правоприменительной деятельности, заключающийся в выборе мотивированного, законного и обоснованного решения, совершаемого уполномоченным субъектом (судьей) по конкретному юридическому делу в пределах, установленных нормой права»[33]. Как видим, два последних автора подчеркивают в определениях признаки решения, которое принимается

[25] *Гук П. А.* Судебный прецедент: теория и практика. М., 2009. С. 81.

[26] *Тарусина Н. Н.* О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011. С. 9.

[27] *Папкова О. А.* Усмотрение суда. М., 2005. С. 38.

[28] *Даль В. И.* Толковый словарь // URL: https://gufo.me/dict/dal/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 01.09.2022).

[29] *Папкова О. А.* Указ. соч. С. 39.

[30] *Папкова О. А.* Указ. соч. С. 38–39.

[31] *Ермакова К. П.* Указ. соч. С. 8.

[32] Судейское усмотрение. Понятие, основания, пределы. С. 44.

[33] *Берг Л. Н.* Указ. соч. С. 8.

при реализации судьей усмотрения. Полагаем, данный признак действительно крайне важен, потому что именно с помощью него аннулируются доводы о том, что судейское усмотрение сродни судейскому произволу, беспредельно и носит противозаконный характер.

По мнению А. Д. Кирилловой, судейское усмотрение «выступает как элемент дискреционных полномочий судей, как средство их реализации и представляет собой субъективное мнение судьи, на основании которого он осуществляет выбор варианта поведения в процессе рассмотрения конкретного дела»[34]. На наш взгляд, не совсем верно определять судейское усмотрение как субъективное мнение. Как неоднократно было замечено выше, судейское усмотрение — это в первую очередь мыслительный процесс, а по существу — это выбор из предлагаемых законодателем вариантов решения. Субъективизм возможен лишь в смысле принятия решения в диапазоне конкретной нормы, которую предписывает использовать закон и которая предполагает усмотрение.

Ю. В. Грачева говорит о возможности определения судейского усмотрения в широком смысле слова — это оценочная деятельность не только судей, но и следователей, прокуроров, а также лиц, производящих дознание. Она добавляет, что судейское усмотрение означает не абсолютную, а лишь относительную свободу выбора при принятии решения[35]. Само определение правовед формулирует следующим образом: «Судейское усмотрение в уголовном праве — это осуществляемый в процессуальной форме специфический аспект правоприменительной деятельности, предполагающий предоставление судье (следователю, прокурору или лицу, производящему дознание) в случаях, предусмотренных уголовно-правовыми нормами, правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии со своим правосознанием и волей законодателя, исходя из принципов права, конкретных обстоятельств совершения преступления, а также основ морали»[36]. Из данного определения следует вывести неотъемлемый элемент, присутствующий при каждом акте реализации усмотрения, — правосознание правоприменителя.

Итак, судейское усмотрение — это мыслительный процесс судьи, имеющий место при рассмотрении и разрешении дела, по поводу выбора решения из вариантов, предлагаемых законом в ситуациях, когда жесткая регламентация правоотношения невозможна или социально вредна и только судья, исходя из обстоятельств конкретного дела, руководствуясь принципом справедливости, в состоянии избрать корректную меру.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Барак А.* Судейское усмотрение. — М., 1999. — 364 с.
2. *Берг Л. Н.* Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — 22 с.
3. *Грачева Ю. В.* Судейское усмотрение в уголовном праве : дис. … канд. юрид. наук. — М., 2002. — 199 с.
4. *Гук П. А.* Судебный прецедент: теория и практика. — М., 2009. — 127 с.
5. *Дубовицкий В. Н.* Законность и усмотрение в советском государственном управлении : дис. … канд. юрид. наук. — М., 1981. — 156 с.
6. *Ермакова К. П.* Пределы судебного усмотрения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2010. — 26 с.
7. *Кауфман М. А.* Пробелы в уголовном праве и судейское усмотрение. — М., 2009. — 342 с.

[34] *Кириллова А. Д.* Дискреционные полномочия в правоприменительной деятельности судей. СПб., 2017. С. 74.

[35] *Грачева Ю. В.* Судейское усмотрение в уголовном праве : дис. … канд. юрид. наук, М., 2002. С. 14–20.

[36] *Грачева Ю. В.* Указ. соч. С. 37.

8. *Кириллова А. Д.* Дискреционные полномочия в правоприменительной деятельности судей. — СПб., 2017. — 175 с.
9. *Кораблина О. В.* Усмотрение в правоприменительной деятельности. — Саратов, 2009. — 178 с.
10. *Корнеев А. П.* Административное усмотрение в применении законодательства об ответственности за правонарушения // Проблемы теории и практики административной ответственности в свете решений XXV съезда КПСС и Конституции СССР : материалы научно-практической конференции. — М., 1979. — 141 с.
11. *Лазарев Б. М.* Компетенция органов управления. — М., 1972. — 280 с.
12. *Манохин В. М.* Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Советское государство и право. — 1990. — № 1. — С. 23–30.
13. *Морозова Л. А.* Теория государства и права. — М., 2010. — 510 с.
14. *Никонов М. А.* Судейское усмотрение (уголовно-процессуальные аспекты) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — М., 2014. — 30 с.
15. *Папкова О. А.* Усмотрение суда. — М., 2005. — 410 с.
16. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. — М., 1998. — 349 с.
17. Судейское усмотрение. Понятие, основания, пределы // Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. — М., 2015. — 245 с.
18. *Тарусина Н. Н.* О судебном усмотрении: заметки семейноведа. — Ярославль, 2011. — 284 с.

Материал поступил в редакцию 22 января 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Barak A. Sudeyskoe usmotrenie. — M., 1999. — 364 s.
2. Berg L. N. Sudebnoe usmotrenie i ego predely (obshcheteoreticheskiy aspekt): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2008. — 22 s.
3. Gracheva Yu. V. Sudeyskoe usmotrenie v ugolovnom prave: dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2002. — 199 s.
4. Guk P. A. Sudebnyy pretsedent: teoriya i praktika. — M., 2009. — 127 s.
5. Dubovitskiy V. N. Zakonnost i usmotrenie v sovetskom gosudarstvennom upravlenii: dis. … kand. yurid. nauk. — M., 1981. — 156 s.
6. Ermakova K. P. Predely sudebnogo usmotreniya: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2010. — 26 s.
7. Kaufman M. A. Probely v ugolovnom prave i sudeyskoe usmotrenie. — M., 2009. — 342 s.
8. Kirillova A. D. Diskretsionnye polnomochiya v pravoprimenitelnoy deyatelnosti sudey. — SPb., 2017. — 175 s.
9. Korablina O. V. Usmotrenie v pravoprimenitelnoy deyatelnosti. — Saratov, 2009. — 178 s.
10. Korneev A. P. Administrativnoe usmotrenie v primenenii zakonodatelstva ob otvetstvennosti za pravonarusheniya // Problemy teorii i praktiki administrativnoy otvetstvennosti v svete resheniy XXV sezda KPSS i Konstitutsii SSSR: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — M., 1979. — 141 s.
11. Lazarev B. M. Kompetentsiya organov upravleniya. — M., 1972. — 280 s.
12. Manokhin V. M. Pravovoe gosudarstvo i problema upravleniya po usmotreniyu // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1990. — № 1. — S. 23–30.
13. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava. — M., 2010. — 510 s.
14. Nikonov M. A. Sudeyskoe usmotrenie (ugolovno-protsessualnye aspekty): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2014. — 30 s.
15. Papkova O. A. Usmotrenie suda. — M., 2005. — 410 s.
16. Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — M., 1998. — 349 s.
17. Sudeyskoe usmotrenie. Ponyatie, osnovaniya, predely // Materialy VI Mezhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / otv. red. O. A. Egorova, Yu. F. Bespalov. — M., 2015. — 245 s.
18. Tarusina N. N. O sudebnom usmotrenii: zametki semeynoveda. — Yaroslavl, 2011. — 284 s.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.108-115

А. А. Сенокосов*

Пути совершенствования правовой регламентации оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие при оказании квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий: отсутствие правовой регламентации подачи адвокатом жалоб, ходатайств и заявлений в электронном виде на этапе досудебного производства; необходимость укрепления процессуальных гарантий на получение юридической помощи участниками уголовного судопроизводства в связи с введением в уголовно-процессуальный закон нормы права, регулирующей особенности проведения допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видео-конференц-связи. Выявлены правовая неопределенность в вопросе о месте нахождения адвоката участника следственных действий в случае их проведения посредством видео-конференц-связи; возникающие при этом трудности, связанные с ознакомлением с протоколом следственного действия и снятия с него копии, а также целесообразность внедрения электронного документооборота в уголовный процесс на этапе досудебного производства. Рассмотрены проблемы материально-технического характера, связанные с внедрением цифровых технологий в уголовный процесс. Автор обосновывает выводы о необходимости изменения и дополнения уголовно-процессуального закона для устранения выявленных проблем, приводит способы совершенствования законодательства в области оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь; развитие цифровых технологий; уголовный процесс; электронный документооборот; следственные действия; электронное удостоверение адвоката; процессуальные гарантии; использование систем видео-конференц-связи; досудебное производство; подача жалоб в электронном виде.

Для цитирования: *Сенокосов А. А.* Пути совершенствования правовой регламентации оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 108–115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.108-115.

© Сенокосов А. А., 2023

* *Сенокосов Александр Анатольевич*, адвокат коллегии адвокатов города Москвы «Династия», аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
alexander100@inbox.ru

Ways to Improve Legal Regulation of the Qualified Legal Assistance Provision to Participants in Criminal Proceedings in the Context of Digital Technologies Development

Aleksandr A. Senokosov, Lawyer, Dynasty Moscow Bar Association, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
alexander100@inbox.ru

Abstract. The paper analyzes the problems that arise when providing qualified legal assistance to participants in criminal proceedings in the context of the development of digital technologies. These include the lack of legal regulation for filing complaints, petitions and statements by a lawyer in electronic form at the stage of pre-trial proceedings; the need to strengthen procedural guarantees for obtaining legal assistance by participants in criminal proceedings in connection with the introduction into the criminal procedure law of a rule of law regulating the features of interrogation, confrontation and identification through the use of videoconferencing systems. The author reveals legal uncertainty as to the location of the lawyer of the participant in investigative activities when they are carried out via video conferencing; the difficulties arising when studying the investigation report and making a copy thereof, as well as the feasibility of introducing electronic document management into the criminal procedure at the stage of pre-trial proceedings. The problems of a material and technical nature associated with the introduction of digital technologies in the criminal process are considered. The author substantiates the conclusions about the need to change and supplement the criminal procedure law in order to eliminate the identified problems, gives ways to improve legislation in the field of providing qualified legal assistance to participants in criminal proceedings in the context of the development of digital technologies.

Keywords: qualified legal assistance; digital technologies development; criminal procedure; electronic document management; investigative actions; lawyer's electronic ID; procedural safeguards; videoconferencing systems application; pre-trial proceedings; filing complaints electronically.
Cite as: Senokosov AA. Puti sovershenstvovaniya pravovoy reglamentatsii okazaniya kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi uchastnikam ugolovnogo sudoproizvodstva v usloviyakh razvitiya tsifrovykh tekhnologiy [Ways to Improve Legal Regulation of the Qualified Legal Assistance Provision to Participants in Criminal Proceedings in the Context of Digital Technologies Development]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):108-115. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.108-115. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Одним из основных элементов обеспечения прав и свобод личности является квалифицированная юридическая помощь, а установленное Конституцией России универсальное право на ее получение служит гарантией реализации множества других прав, законных интересов и свобод человека в уголовном процессе. Органичное и динамичное развитие института юридической помощи в настоящее время немыслимо без учета влияния цифровых технологий на уголовное судопроизводство. Кроме того, развитие цифровых технологий и их внедрение в уголовный процесс обусловило появление множества перспективных направлений в этой сфере.

Необходимо отметить, что для уголовного судопроизводства цифровые технологии и цифровая информация — явления относительно новые, только начавшие внедряться в него, в связи с чем их законодательное оформление и закрепление не носят системного характера, а необходимость комплексного правового регулирования общественных отношений в этой сфере не вызывает сомнений.

Вместе с тем трансформация уголовного процесса под влиянием развития цифровых технологий — это объективная реальность, которая требует не только изменений в области законодательной регламентации, но также организационных преобразований этой области судопроизводства и обеспечения цифровиза-

ции в качестве одной из доминант, влияющих на преобразование отечественного уголовного процесса.

По мнению Т. Г. Бородиновой[1], необходимо оценить коммуникативно-цифровые технологии, которые трансформируются в новые процессуальные средства, их качественно-технические характеристики с точки зрения гарантированности защиты прав участников уголовного судопроизводства. В настоящий момент актуализируются вопросы, затрагивающие пределы цифровизации судопроизводства, и критерии, которым она должна отвечать, чтобы сохранить вековой ценный опыт осуществления правосудия по канонам справедливости и законности.

Заслуживает внимания позитивное отношение отечественного судейского корпуса к внедрению в судопроизводство цифровых технологий, выраженное председателем Совета судей России В. В. Момотовым[2], который связал развитие электронного правосудия с дальнейшим развитием доступности российского судопроизводства.

Е. В. Марковичева[3] считает, что эффективное решение одних вопросов, связанных с информатизацией уголовного процесса, выносит на повестку дня другие, качественно новые, о чем, по мнению ученого, свидетельствует опыт зарубежных государств, активно использующих цифровые технологии для развития судебных систем. Юридическое сообщество в связи с интенсификацией электронного взаимодействия вынуждено задуматься об обеспечении информационного равноправия.

Немалую роль в усилении влияния цифровых технологий на уголовный процесс сыграла пандемия, явившаяся своеобразным триггером произошедших изменений и новаций. К примеру, в условиях пандемии COVID-19 во многом именно цифровые технологии позволили организовывать рассмотрение уголовных дел судом, а также возможность подачи заявлений, жалоб и ходатайств участниками уголовного процесса (и, как следствие, их своевременное рассмотрение), что, в свою очередь, обеспечило соблюдение судом процессуальных сроков. Объективные изменения в уголовном процессе в области оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства, возникшие при указанных обстоятельствах, потребовали глубокого изучения.

Несмотря на появление в УПК РФ законодательных новелл, регламентирующих особенности проведения некоторых процессуальных действий с использованием цифровых технологий, нельзя отрицать, что существующая нормативно-правовая база требует концептуальных изменений, без которых последовательное внедрение таких технологий в уголовное судопроизводство невозможно.

Вместе с тем в области оказания квалифицированной юридической помощи в условиях развития цифровых технологий существует множество практических вопросов, ожидающих осмысления и разрешения.

Основная часть

Одним из вопросов оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий является несовершенство правовой регламентации проведения опознания, очной ставки и допроса посредством видео-конференц-связи.

До недавнего времени проведение «онлайн-допросов» являлось прерогативой суда. 10 января 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении из-

[1] *Бородинова Т. Г.* Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие = Justice. 2022. Т. 4. № 1. С. 74.

[2] *Момотов В. В.* Выступление председателя Совета судей России на пленарном заседании Совета судей России (Москва, 7 июля 2020 г.) // URL: http://www.ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/38497 (дата обращения: 22.01.2023).

[3] *Марковичева Е. В.* Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства // Правосудие. 2019. Т. 1. № 1. С. 103.

менений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», определяющий особенности проведения допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видеоконференц-связи. В частности, в УПК РФ внесена статья 189.1, согласно ч. 1 которой следователь или дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание путем использования видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности по правилам ст. 164 и гл. 26 УПК РФ с учетом особенностей, установленных статьей 189.1. В этой связи возник целый ряд вопросов оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного процесса в таких условиях.

Так, согласно ст. 166 УПК РФ протокол следственного действия предъявляется всем участвовавшим в нем лицам. Вместе с тем в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ протокол следственного действия лишь оглашается лицам, находящимся вне места производства предварительного расследования, а подписание ими протокола осуществляется посредством отбираемой у них подписки. Полагаю, нельзя рассматривать оглашение протокола следователем как предоставление возможности участнику следственного действия ознакомиться с данным документом. Фактически в указанном случае «ознакомление с документом» заменено законодателем на «ознакомление с текстом документа путем его прослушивания»; нетождественность указанных действий очевидна.

Действительно, участник следственного действия, находящийся вне места производства предварительного расследования, не видит протокола и не может ознакомиться непосредственно с документом, ему предоставлено лишь право ознакомиться с текстом документа, прослушав его. В таком случае неизбежны ошибки восприятия таким участником следственного действия существа сведений, содержащихся в протоколе, и, как следствие, ограничение его права процессуального реагирования на содержание протокола путем подачи замечаний с учетом того факта, что большинство людей информацию, полученную при помощи визуальных каналов, воспринимает значительно лучше, нежели информацию, полученную путем аудирования.

Понижение уровня указанной процессуальной гарантии представляется неприемлемым, в том числе в свете положений УПК РФ, устанавливающих точную процедуру подписания, к примеру, протокола очной ставки, когда допрашиваемый подписывает свои показания, каждую страницу протокола и протокол в целом (ч. 5 ст. 192 УПК РФ), или требования к оформлению протокола допроса, согласно которым протокол предъявляется допрашиваемому лицу для прочтения либо по его просьбе оглашается следователем (ч. 6 ст. 190 УПК РФ). То есть по общему правилу оглашение протокола допроса возможно лишь по просьбе допрашиваемого, а не по усмотрению следователя.

Кроме того, Конституционный Суд РФ в определении от 24.02.2005 № 133-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. Н. Ляшенко на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» прямо указал на право некоторых участников уголовного процесса снимать копии с протоколов следственных действий, проводимых с их участием. Вместе с тем следователь не обязан предоставлять такие копии участникам уголовного судопроизводства, и зачастую снятие такой копии производится участником следственного действия при ознакомлении с протоколом путем его фотографирования.

Поскольку у следователя (дознавателя) нет законодательно установленной возможности предъявить для обозрения протокол допроса, очной ставки или протокол предъявления для опознания при проведении этих следственных действий посредством видео-конференц-связи лицам, находящимся вне места производства предварительного расследования, реализация имеющегося у таких участников уголовного процесса права на получение копии протоколов следственных действий, проведенных с их участием, не только значительно затрудняется, но иногда становится возможной лишь на стадии ознакомления с материалами уголовного дела. Отсутствие процессуальной гарантии реализации указанного права в описанных случаях

может создать препятствия к оспариванию действий либо бездействия следователя (дознавателя) и понизить качество квалифицированной юридической помощи, оказываемой адвокатами участникам уголовного судопроизводства.

Решением может стать законодательное установление обязанности следователя, составляющего протокол очной ставки, допроса и опознания, предъявлять для ознакомления участнику следственного действия, находящемуся вне места производства предварительного расследования, электронный образ составленного протокола, который такой участник подписывает своей электронной подписью и копию которого имеет право получить. Подписанный электронный образ протокола следственного действия должен быть приложен к соответствующей подписке, направлен вместе с ней следователю, которому поручено производство по уголовному делу, и приобщен последним к протоколу.

Еще одним не до конца урегулированным моментом при проведении отдельных следственных действий посредством видео-конференц-связи является определение места нахождения адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь участнику следственного действия, находящемуся вне места производства предварительного расследования. В части 6 ст. 189.1 УПК РФ законодатель устанавливает обязанность следователя (дознавателя) по месту нахождения лица, участвующего в следственном действии, направить в адрес следователя, которому поручено производство предварительного расследования, ордер адвоката, если в следственном действии участвовал адвокат лица, участвующего в следственном действии. То есть, исходя из логики этой нормы права, законодатель предусмотрел лишь совместное нахождение адвоката и участника следственного действия, которому оказывается юридическая помощь.

Такое положение в некоторых следственных ситуациях не выдерживает никакой критики. К примеру, при проведении опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, целесообразно нахождение адвоката именно в месте нахождения опознающего для того, чтобы исключить действия следователя, могущие исказить результаты процессуального действия (наводящие вопросы и т.п.).

Приемлемым решением здесь может явиться законодательное закрепление права адвоката — участника следственного действия, проводимого дистанционно, находиться не только в месте нахождения своего доверителя, но и в месте нахождения следователя, которому поручено производство по уголовному делу, либо право адвоката — участника следственного действия присутствовать одновременно и в том, и в другом месте.

Видится также логичным детализирование некоторых оснований производства следственного действия посредством видео-конференц-связи и указание на то, что такие следственные действия могут быть проведены, в частности, по ходатайству сторон. Вместе с этим необходимо исключить случаи произвольного отказа следователя (дознавателя) в удовлетворении таких ходатайств. Это создаст дополнительные гарантии получения квалифицированной юридической помощи сторонам уголовного судопроизводства, так как некоторые лица, обладающие важной информацией, имеющей значение для уголовного дела, в силу объективных причин не могут явиться по месту проведения предварительного расследования и участвовать в следственных действиях очно (нахождение за рубежом, болезнь, военная служба и т.п.), а без проведения допроса какого-либо лица следователю достаточно сложно оценить ценность сведений, которыми такое лицо обладает, для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. С учетом большой нагрузки следователя (дознавателя), ограниченности сроков предварительного расследования, а также качества производства предварительного расследования в некоторых случаях предложенные законодательные новеллы представляются важными и актуальными.

Другим проблемным вопросом является наделение адвоката-защитника либо адвоката, представляющего интересы участника уголовного судопроизводства, правом заявлять ходатайства, жалобы и делать заявления в электронном

виде уже на этапе досудебного производства, а также получать на этом этапе предусмотренные УПК РФ документы в электронном виде. Законодательно должна быть обеспечена возможность электронного взаимодействия адвоката не только с органами судебной власти, но и с органами предварительного расследования (следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником органа дознания и т.д.) и прокурором. Подача и получение документов в электронном виде позволят сэкономить материальные и, что немаловажно, временны́е ресурсы участников уголовного судопроизводства.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство России наделяет указанным правом адвоката лишь при взаимодействии с судом, однако на этапе досудебного производства основным субъектом уголовной юрисдикции является следователь (дознаватель), так как именно он может принять либо не принять решение о проведении того или иного следственного действия, о признании каких-либо предметов или документов доказательствами, именно на следователя (дознавателя) возложена обязанность рассмотрения ходатайств и заявлений, поступающих от участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования.

Предоставление адвокату, оказывающему квалифицированную юридическую помощь участникам уголовного судопроизводства, возможности электронного взаимодействия с основным субъектом доказывания в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу улучшит качество предоставляемой юридической помощи и станет одним из инструментов обеспечения доступа к правосудию для участников уголовного судопроизводства. Справедливо данное утверждение не только для стадии предварительного расследования, но и для стадии проверки сообщения о преступлении.

Безусловно, помимо законодательной регламентации указанного вопроса, для его решения потребуется создание значительной материально-технической базы, внедрение единой системы электронного документооборота, а также обучение сотрудников правоохранительных органов и решение проблем информационной конфиденциальности и безопасности.

Еще одним перспективным направлением решения указанного вопроса видятся разработка и внедрение электронного удостоверения адвоката в целях его надлежащей идентификации при подаче электронных документов, упрощения вступления адвоката в уголовное дело и других проблем электронного взаимодействия.

Нельзя в этом контексте не упомянуть и отсутствие правовой регламентации, позволяющей следователю (дознавателю) направлять электронные извещения о процессуальных действиях, которые могут значительно повысить скорость информирования участников уголовного процесса о проведении процессуальных действий и, как следствие, снизить издержки сторон, увеличив доступность квалифицированной юридической помощи.

Одновременно с описанными проблемами несовершенства уголовно-процессуального законодательства в связи с внедрением в уголовный процесс цифровых технологий имеют место и проблемы технического и материального характера. Любые позитивные законодательные новшества и решения не имеют никакой ценности, если не обеспечена материально-техническая база, на которой такие новшества и решения будут функционировать.

В этой связи хочется отметить, что до настоящего времени полностью не решены вопросы выделения в местах расположения органов предварительного расследования помещений для проведения следственных действий посредством видео-конференц-связи, вопросы технического оснащения таких помещений, обеспечения защищенности каналов передачи информации, а также непрерывности и качества передаваемых звука и изображения. Решением означенных вопросов может выступить создание единой цифровой платформы и программного обеспечения для проведения следственных действий посредством видео-конференц-связи. Ввиду значительной технической составляющей процесса проведения данных следственных действий при подготовке к ним, а возможно, и к участию в них целесообразно

привлекать соответствующих технических специалистов.

Наряду с описанными недостатками, развитие цифровых технологий и их последующее внедрение в уголовный процесс несут множество позитивных моментов. Одним из них, повышающим доступность квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий, также является то, что в случае дистанционного участия адвоката в производстве процессуального действия с участием его доверителя расходы доверителя либо государства (при оплате труда адвоката за счет средств федерального бюджета) снизятся ввиду отсутствия необходимости компенсации адвокату командировочных расходов, которые последний мог понести в случае следования к месту проведения процессуального действия и последующего пребывания там.

Еще одним преимуществом, которое может дать внедрение цифровых технологий в уголовный процесс, является экономия средств и времени при переходе к электронному уголовному делу. Так, для ознакомления с какими-либо материалами электронного уголовного дела следователю (дознавателю) достаточно будет предоставить доступ к ним соответствующим участникам уголовного процесса либо направить их электронную копию. Это может быть особенно актуально для участников уголовного судопроизводства, находящихся на значительном удалении от места проведения предварительного расследования, либо для участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей.

Заключение

В целом анализ имеющейся нормативно-правовой базы, регламентирующей использование цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, позволяет сделать вывод о ее фрагментарности, несистемности и об отсутствии единой концепции. Проанализированные нормы права носят скорее «эпизодический» характер и не являются адекватным и полноценным ответом законодателя на стремительно развивающуюся цифровую реальность.

Необходимо также отметить, что описанные проблемы требуют глубокого научного анализа и законодательного регулирования с целью повышения процессуальных гарантий получения участниками уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощи в условиях развития цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреева О. И.*, *Зайцев О. А.* Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. — 2018. — № 12. — С. 57–61.
2. *Бородинова Т. Г.* Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие = Justice. — 2022. — № 1. — С. 71–86.
3. *Ботнев В. К.* Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2013. — С. 1–57.
4. *Вилкова Т. Ю.*, *Масленникова Л. Н.* Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов — к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — № 46. — С. 728–751.
5. *Гаврилов С. Н.* Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // Lex russica. — 2022. — № 2. — С. 108–120.
6. *Ищенко П. П.* Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica. — 2019. — № 12. — С. 68–79.
7. *Масленникова Л. Н.* Обеспечение потерпевшему от преступления доступа к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. — 2019. — № 1. — С. 93–98.

8. *Марковичева Е. В.* Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства // Правосудие. — 2019. — Т. 1. — № 1. — С. 98–107.
9. *Момотов В. В.* Выступление председателя Совета судей России на пленарном заседании Совета судей России (Москва, 7 июля 2020 г.) // URL: http://www.ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/38497 (дата обращения: 22.01.2023).
10. *Никитин Р. О.* Правовое обеспечение использования электронно-информационных технологий в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Владимир, 2005.
11. *Собенин А. А.* Актуальные вопросы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2019. — № 4. — С. 266–273.

Материал поступил в редакцию 23 января 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreeva O. I., Zaytsev O. A. Perspektivy vedeniya rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate // Ugolovnaya yustitsiya. — 2018. — № 12. — S. 57–61.
2. Borodinova T. G. Tsifrovye tekhnologii v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: predely i problemy vnedreniya // Pravosudie = Justice. — 2022. — № 1. — S. 71–86.
3. Botnev V. K. Kvalifitsirovannaya yuridicheskaya pomoshch kak konstitutsionno-pravovaya garantiya zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. — M., 2013. — S. 1–57.
4. Vilkova T. Yu., Maslennikova L. N. Zakonnost i unifikatsiya v ugolovnom sudoproizvodstve: ot blankov protsessualnykh dokumentov — k elektronnomu ugolovnomu delu // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2019. — № 46. — S. 728–751.
5. Gavrilov S. N. Realizatsiya protsessnogo podkhoda k kachestvu kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi v usloviyakh tsifrovizatsii // Lex russica. — 2022. — № 2. — S. 108–120.
6. Ishchenko P. P. Sovremennye podkhody k tsifrovizatsii dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam // Lex russica. — 2019. — № 12. — S. 68–79.
7. Maslennikova L. N. Obespechenie poterpevshemu ot prestupleniya dostupa k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovykh tekhnologiy // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2019. — № 1. — S. 93–98.
8. Markovicheva E. V. Vliyanie tsifrovykh tekhnologiy na razvitie ugolovnogo sudoproizvodstva // Pravosudie. — 2019. — T. 1. — № 1. — S. 98–107.
9. Momotov V. V. Vystuplenie predsedatelya Soveta sudey Rossii na plenarnom zasedanii Soveta sudey Rossii (Moskva, 7 iyulya 2020 g.) // URL: http://www.ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/38497 (data obrashcheniya: 22.01.2023).
10. Nikitin R. O. Pravovoe obespechenie ispolzovaniya elektronno-informatsionnykh tekhnologiy v ugolovnom protsesse: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. — Vladimir, 2005.
11. Sobenin A. A. Aktualnye voprosy registratsii zayavleniy i soobshcheniy o prestupleniyakh v usloviyakh razvitiya tsifrovykh tekhnologiy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2019. — № 4. — S. 266–273.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.116-123

В. С. Бектева*

Применение мер принуждения по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностью применения мер процессуального принуждения после приостановления производства по уголовному делу. Автор акцентирует внимание на необходимости совершенствования законодательства, регулирующего вопросы применения мер принуждения в случае приостановления предварительного расследования. На основе анализа следственной практики, с учетом позиции Конституционного Суда РФ, в статье дана оценка существующим подходам к разрешению вопроса о возможности применения мер принуждения после приостановления производства по уголовному делу. На основе проведенного интервьюирования судей районных судов Омской области в статье выделены подходы к решению проблемы о действии мер процессуального принуждения после приостановления производства по уголовному делу.

Автором предлагается внести изменения в ст. 209 УПК РФ, регламентирующую действия следователя после приостановления предварительного расследования, указав на возможность (либо отсутствие таковой) применения мер процессуального принуждения в случае приостановления производства по уголовному делу.

Ключевые слова: приостановление производства по уголовному делу; приостановление предварительного расследования; основания приостановления производства по уголовному делу; применение мер процессуального принуждения; действия следователя после приостановления предварительного расследования; сроки предварительного следствия; сроки действия мер процессуального принуждения; избрание мер процессуального принуждения; применение мер процессуального принуждения; действия следователя после приостановления производства по уголовному делу.

Для цитирования: *Бектева В. С.* Применение мер принуждения по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 116–123. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.116-123.

Application of Coercive Measures in Criminal Cases with Suspended Preliminary Investigation

Victoriya S. Bekteva, Adjunct, Department of Criminal Procedure, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
pr. Komarova, d. 7, Omsk, Russia, 644092
viktorijajaja@mail.ru

Abstract. The paper deals with some issues related to the possibility of applying measures of procedural coercion after the suspension of criminal proceedings. The author focuses on the need to improve the legislation governing the application of coercive measures in case of suspension of the preliminary investigation. Based on the analysis

© Бектева В. С., 2023

* *Бектева Виктория Сергеевна*, адъюнкт кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России
пр. Комарова, д. 7, г. Омск, Россия, 644092
viktorijajaja@mail.ru

of investigative practice, taking into account the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the paper assesses the existing approaches to resolving the issue of the possibility of using coercive measures after the proceedings in the criminal case have been suspended. Following the interviews with judges of the Omsk region district courts, the paper highlights approaches to solving the problem of the effect of procedural coercion measures after the suspension of criminal proceedings.

The author proposes to amend Art. 209 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulates the actions of the investigator after the suspension of the preliminary investigation, indicating the possibility (or lack of it) of applying procedural coercive measures in the event of suspension of criminal proceedings.

Keywords: suspension of criminal proceedings; suspension of the preliminary investigation; grounds for suspension of criminal proceedings; application of measures of procedural coercion; actions of the investigator after the suspension of the preliminary investigation; terms of preliminary investigation; terms of action of measures of procedural coercion; selection of measures of procedural coercion; application of measures of procedural coercion; actions of the investigator after the suspension of criminal proceedings.

Cite as: Bekteva VS. Primenenie mer prinuzhdeniya po ugolovnym delam, predvaritelnoe rassledovanie po kotorym priostanovleno [Application of Coercive Measures in Criminal Cases with Suspended Preliminary Investigation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):116-123. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.116-123. (In Russ., abstract in Eng.).

Применение мер уголовно-процессуального принуждения направлено на достижение нескольких целей: обеспечение своевременности производства следственных, судебных и процессуальных действий; обеспечение надлежащего поведения участников уголовно-процессуальных отношений; пресечение преступной деятельности подозреваемого (обвиняемого)[1]. Необходимость реализации указанных целей возникает на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и в случаях приостановления предварительного расследования. В настоящий момент в законе существует неопределенность, касающаяся возможности применения мер принуждения по уголовным делам, предварительное расследование по которым приостановлено. Отсутствует единое понимание сущности правоотношений после приостановления производства по уголовному делу и в научной среде[2].

Заметный рост приостановленных уголовных дел отражает необходимость реформирования данного института. Ежегодно приостанавливается почти половина возбужденных уголовных дел — 43,06 %, причем их количество только растет[3]. К сожалению, данные официальной статистики отражают только число нераскрытых преступлений за определенный период, не учитывая число уголовных дел, предварительное расследование по которым приостановлено, за прошлые годы. Если суммировать эти показатели, то количество таких уголовных дел будет значительным.

Известно, что приостановление производства по уголовному делу — перерыв в расследовании, связанный с потребностью устранения препятствий, способствующих применению норм гл. 28 УПК РФ. Л. В. Головко, учитывая фактическое состояние рассматриваемых отношений, сложившуюся практику приостановления

[1] *Мельников В. Ю., Гараева Т. Б.* Основания, условия и цели применения иных мер процессуального принуждения // Право и практика. 2019. № 4. С. 188–191.

[2] См., например: *Кунов И. М.* Правовая природа деятельности следователя по приостановленному уголовному делу // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 15.

[3] Согласно данным ГИАЦ МВД России о состоянии преступности, за январь — ноябрь 2022 г. нераскрыто 785,0 тыс. преступлений из 1 823,3 тыс. зарегистрированных, что составляет 43 %. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 29,9 %. Преступлений прошлых лет в январе — ноябре 2022 г. раскрыто 44,1 тыс., что на 0,4 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

предварительного расследования, пишет: «Приостановление производства по уголовному делу наряду с его окончанием следует рассматривать в качестве варианта фактического завершения предварительного расследования, так как данное решение связано с завершением расследования по уголовному делу, которое может иметь временный или окончательный характер»[4].

Отметим, что следственная практика в большей мере складывается таким образом, что за решением о приостановлении производства по уголовному делу следует решение о его прекращении. Впрочем, нельзя утверждать, что после приостановления предварительного расследования не осуществляется уголовно-процессуальная деятельность. Уголовно-процессуальный кодекс[5] запрещает только производство следственных действий (ч. 3 ст. 209), однако на осуществление иных процессуальных действий запрета нет. Согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ под процессуальным действием законодатель понимает следственное, судебное или иное действие, предусмотренное законом.

Деятельность следователя, дознавателя после приостановления расследования по уголовному делу отвечает всем признакам наличия правоотношений: связь между лицами возникает на основе норм права; реализуется через субъективные юридические права и обязанности лиц; гарантируется принудительной силой государства[6]. Возникает вопрос о возможности действия мер принуждения после приостановления производства по уголовному делу, потому как правоотношения не завершаются, уголовно-процессуальная деятельность продолжается в определенных, хотя и более узких, рамках.

Законодатель упоминает об этой возможности только применительно к наложению ареста на имущество. Согласно ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ в случае приостановления производства по уголовному делу действие указанной меры процессуального принуждения может быть отменено, продлено или может быть изменен объем ограничений, связанных с владением, пользованием и распоряжением имущества в установленном законом порядке. Других норм, регламентирующих действие мер уголовно-процессуального принуждения после приостановления производства по уголовному делу, в законе не сформулировано.

Данный вопрос исследовался учеными в период действия УПК РСФСР. В. Лукашевич и В. Шимановский отмечали необходимость дифференцировать возможность действия мер процессуального принуждения в зависимости от оснований приостановления производства по уголовному делу:

1) в случае приостановления уголовного дела ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, вопрос о мере пресечения не возникает, так как отсутствует лицо, к которому она может быть применена;

2) в случае приостановления производства по уголовному делу в связи с розыском лица избранная, но фактически не примененная мера пресечения не отменяется;

3) приостановление предварительного расследования в связи с тяжелым заболеванием подозреваемого, обвиняемого влечет за собой отмену избранной ранее меры пресечения[7].

Авторы полагали, что реализация мер пресечения в отношении подозреваемого возможна только в рамках следственного производства, а приостановление предварительного расследования — это перерыв процессуальной деятельности следователя. В случае невозможности отмены меры пресечения приостанавливать уго-

[4] Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головко. М., 2020. С. 380.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права : учеб. пособие. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 47–49.

[7] *Шимановский В., Лукашевич В.* Меры пресечения при приостановлении уголовного дела // Российская юстиция. 1994. № 7. С. 19.

ловное дело, по мнению В. Лукашевич и В. Шимановского, недопустимо[8].

Невзирая на то, что такой подход был высказан авторами в период действия УПК РСФСР, он не утратил актуальности. Институт приостановления предварительного расследования претерпел лишь незначительные изменения со времен действия УПК РСФСР 1960 г. В связи с этим считаем, что позиция авторов подлежит оценке в настоящее время.

Приведенный В. Лукашевичем и В. Шимановским подход мы считаем спорным. Уголовно-процессуальная деятельность после приостановления производства по уголовному делу не прекращается, поэтому суждение, связанное с действием мер пресечения только в рамках следственного производства, не имеет под собой необходимого обоснования для признания невозможности их реализации после принятия указанного решения по делу. Так, следуя логике авторов, в случае тяжелого заболевания лица, к которому ранее была применена мера пресечения (например, подписка о невыезде и надлежащем поведении), следователю необходимо отменить данную меру пресечения и только после этого приостановить производство по уголовному делу. Такая ситуация порождает риски, связанные с возможностью лица скрыться от органов предварительного расследования. Далее, если мы не можем отменить меру пресечения, то, согласно позиции авторов, приостанавливать производство по уголовному делу нельзя.

Изучение уголовных дел позволило нам найти примеры, когда лицо страдает временным тяжелым заболеванием, а следователь продолжает продлевать сроки предварительного следствия только с целью сохранения избранной меры пресечения, хотя расследование уголовного дела не представляет особой сложности[9]. На наш взгляд, такой подход правоприменителей не согласуется с принципом законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ). Считаем, что подобные постановления следователя о возбуждении ходатайства перед руководителем следственного органа о продлении срока предварительного следствия, мотивированные только необходимостью продления действия меры принуждения, не всегда согласуются с данным принципом. В каждом конкретном уголовном деле необходимо учитывать основания избрания и продления мер принуждения.

Интервьюирование судей позволило выявить наличие двух подходов по данному вопросу. Согласно первому подходу, если производство по уголовному делу приостановлено по основанию, предусмотренному пунктом 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого), то избранная в ходе предварительного расследования мера пресечения продолжает свое действие, если ее применение не влияет на ход лечения[10]. Вторая часть респондентов отметила следующее: мера пресечения может действовать после приостановления производства по уголовному делу исключительно в отношении обвиняемого[11]. Сторонники второго подхода исключают возможность действия мер принуждения в случае приостановления уголовного дела в отношении подозреваемого. Солидаризируясь со сторонниками первого подхода, считаем, что возможность действия меры принуждения после приостановления предварительного расследования зависит не от процессуального статуса лица (подозреваемый или обвиняемый), а от обстоятельств конкретного уголовного дела.

Однако остается открытым вопрос о возможности продления меры пресечения в подобных случаях. Требуется ли для этого возобновлять производство по уголовному делу? С нашей

---

8 *Шимановский В., Лукашевич В.* Указ. соч. С. 21.

9 При подготовке статьи было изучено 25 уголовных дел, предварительное расследование по которым приостановлено.

10 При подготовке статьи было проведено интервьюирование 10 респондентов — судей районных судов Омской области.

11 При подготовке статьи было проведено интервьюирование 7 респондентов — судей районного суда Омской области.

точки зрения, оснований для возобновления производства по уголовному делу в таких ситуациях нет. С учетом того, что мера пресечения носит обеспечительный характер, срок ее действия может быть продлен без возобновления уголовного дела в отдельных случаях. Но в ситуациях, когда для продления меры пресечения необходимо провести следственные действия для усиления обоснований в ходатайстве, безусловно, необходимо возобновлять производство по делу.

Противоположной точки зрения придерживаются опрошенные нами следователи, которые полагают, что если применена мера пресечения в виде заключения под стражу, то даже при наличии оснований, предусмотренных статьей 208 УПК РФ, приостанавливать производство по уголовному делу недопустимо[12]. Изучение материалов уголовных дел позволило нам выявить следующее правило, которому следуют на практике: сроки предварительного расследования по уголовному делу продляются следователями, дознавателями для того, чтобы мера пресечения действовала именно в рамках срока следствия. Другими словами, после приостановления предварительного расследования мера пресечения действовать не может. Правоприменители аргументируют свою позицию тем, что после приостановления производства по уголовному делу не могут осуществляться действия, направленные на ограничение прав подозреваемого, обвиняемого. Согласно данному подходу сроки действия мер пресечения и процессуального принуждения не могут выходить за рамки сроков предварительного следствия. Однако законодатель так строго не связывает данные сроки со сроками предварительного следствия. Более того, он допускает действие ареста на имущество после приостановления производства по уголовному делу.

А. О. Бекетов, А. А. Бородин, анализируя указанную проблему, отмечают, что продление срока предварительного расследования лишь для обеспечения возможности установления срока содержания под стражей не способствует решению задач предварительного расследования[13]. Авторы справедливо утверждают, что нет необходимости продлевать сроки предварительного расследования с целью продления действия меры пресечения только лишь для обеспечения возможности действия установленного срока. Применительно к нашей проблематике считаем, что для продления меры пресечения или процессуального принуждения после приостановления производства по уголовному делу нет необходимости возобновлять уголовное дело.

Следующий пример, который подтверждает тезис о возможности действия мер принуждения после приостановления производства по уголовному делу: следователем было приостановлено уголовное дело по п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (временное тяжелое заболевание подозреваемой), при этом мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении продолжала действовать, так как не прошло 10 суток с момента ее избрания. По мнению правоприменителя, в данном случае следователя, если мера пресечения не препятствует лечению лица, то она может применяться и после приостановления производства по уголовному делу. В случаях, когда возникает необходимость выезда подозреваемого, обвиняемого за пределы территории, указанной в подписке о невыезде и надлежащем поведении, он может написать ходатайство на имя следователя, руководителя следственного органа, и в зависимости от обстоятельств будет принято соответствующее решение.

В связи с тем, что ситуации могут быть разными, считаем такой подход обоснованным. Более того, указанная позиция встречается и в современной уголовно-процессуальной науке. В частности, Л. В. Головко пишет: «С одной стороны, закон не исключает возможность со-

[12] При подготовке статьи было проведено интервьюирование 10 респондентов — сотрудников следственного управления УМВД России по Омской области, сотрудников Следственного департамента МВД России.

[13] *Бекетов А. О., Бородин А. А.* Взаимосвязь сроков содержания под стражей и сроков предварительного следствия // Уголовное право. 2019. № 3. С. 107.

хранения, продления или даже избрания меры пресечения по приостановленному уголовному делу (ч. 4 ст. 208 УПК РФ). Иногда такой подход является единственно возможным: например, если лицо, обвиняемое в совершении опасного преступления и находящееся под стражей, заболело, что повлекло необходимость приостановления предварительного расследования, то мера пресечения сохранит силу и обвиняемому придется лечиться в соответствующем медицинском учреждении по месту исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу. С другой стороны, ни одна мера пресечения не может действовать в течение неопределенного и ничем не ограниченного срока»[14]. Мы солидарны с автором в части необходимости рассмотрения каждой конкретной ситуации в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела, однако считаем, что законодателю необходимо упомянуть о возможности реализации мер пресечения после приостановления уголовного дела. Считаем, что данная проблема может быть решена двумя способами: разработка в законе нормы, регламентирующей возможность действия мер принуждения после приостановления предварительного расследования, либо соответствующее разъяснение на уровне высших судов нашей страны.

Реагируя на данную проблему, Конституционный Суд РФ высказал две позиции. Рассматривая жалобу А. В. Штучко, который оспаривал конституционность части 3 ст. 162 УПК РФ, исключающей из срока предварительного следствия время, в течение которого предварительное следствие было незаконно приостановлено, указал, что не предполагается применение по приостановленному делу меры пресечения в виде подписки о невыезде и меры процессуального принуждения в виде временного отстранения обвиняемого от должности[15].

С аналогичной проблемой в Конституционный Суд РФ обратился гражданин А. Б. Танаев, который просил признать не соответствующими закону ст. 110, 208, 209 УПК РФ. Заявитель посчитал, что данные нормы в силу своей неопределенности не предусматривают обязанность следователя после приостановления предварительного следствия в связи с сокрытием от органов расследования одного из обвиняемых принимать решение об отмене, изменении либо установлении разумного срока действия меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, избранной в отношении другого обвиняемого, по данному уголовному делу, не выделенному в отдельное производство[16]. По мнению заявителя, время приостановления предварительного следствия законом не ограничено и неопределенное по продолжительности применение меры пресечения нарушает его право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Считаем, что именно в данной жалобе указана главная проблема — возможность действия мер принуждения после приостановления уголовного дела, а также сроки их действия. Более того, А. Б. Танаев указал только на неопределенность действия одной меры пресечения — подписки о невыезде и надлежащем поведении. Однако проблема, на наш взгляд, шире и требует решения в отношении всех мер принуждения, указанных в уголовно-процессуальном законе. Однако и в данном решении Конституционный Суд РФ указанный вопрос не разрешил, а только сослался на ранее высказанную правовую позицию.

Данные правовые позиции были подвергнуты критике со стороны ученых-процессуалистов.

---

[14] Курс уголовного процесса. С. 388.

[15] Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1364-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штучко Артема Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 № 1306-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Танаева Андрея Борисовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 110, 208 и 209 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Так, Е. Г. Ларин отмечает, что остается неясным, в какой ситуации действует позиция Конституционного Суда РФ: когда мера пресечения избрана и применяется до принятия решения о приостановлении предварительного расследования или речь идет об избрании и применении меры пресечения уже после приостановления расследования?[17] Более того, автор также полагает, что необходимо учитывать обстоятельства уголовного дела, которое становится предметом внимания судов.

Согласимся с Е. Г. Лариным в части необходимости акцентирования внимания именно на указанных им двух важных, на наш взгляд, аспектах. Считаем, что воспринимать правовые позиции Конституционного Суда РФ буквально, как запрет на применение мер принуждения после приостановления производства по уголовному делу, нельзя. В законе нет норм, запрещающих применение мер уголовно-процессуального принуждения после приостановления производства по уголовному делу. По этой причине считаем, что необоснованно ориентироваться во всех случаях на вышеуказанные правовые позиции Конституционного Суда РФ. С учетом перечисленных обстоятельств есть основания полагать, что в настоящее время в законодательстве существует серьезный пробел в регулировании вопросов действия мер принуждения после приостановления производства по уголовному делу.

С нашей точки зрения, правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам действия мер принуждения после приостановления предварительного расследования не решают ряд проблем. Во-первых, остается непонятно, в каких ситуациях действие мер принуждения после приостановления предварительного расследования невозможно. Во-вторых, если мера принуждения все-таки может действовать, каков срок ее действия и возможно ли ее продление без возобновления производства по уголовному делу.

Мы не исключаем, что законодатель, отказываясь от закрепления в законе положений о возможности действия мер процессуального принуждения, использует такой прием юридической техники, как «квалифицированное молчание»[18]. Он предлагает правоприменителю самостоятельно решать вопрос о возможности действия мер принуждения после приостановления предварительного расследования. Однако выявленные нами разные подходы практических сотрудников к возможности реализации мер процессуального принуждения после приостановления предварительного следствия вряд ли приведут к стабилизации правоприменения в этой части. В то же время согласимся с В. М. Барановым, который полагает, что нельзя гипертрофировать и расширять проблему пробелом в праве[19]. В связи с этим полагаем, что в настоящее время вопросы механизма применения, продления мер процессуального принуждения после приостановления производства по уголовному делу находятся в ве́дении правоприменителей в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Между тем считаем необходимым разрешение данной проблемы на законодательном уровне. В статье 209 УПК РФ предлагаем регламентировать действия следователя после приостановления производства по уголовному делу, указав на возможность (либо отсутствие таковой) применения мер процессуального принуждения.

---

[17] *Ларин Е. Г.* Действие меры пресечения после приостановления предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конференции. Красноярск, 2019. Ч. 1. С. 114–115.

[18] «Квалифицированное молчание — прием юридической техники, представляющий собой рассмотрение юридического вопроса компетентным органом по существу в силу собственного усмотрения» (*Баранов В. М.* «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 76).

[19] *Баранов В. М.* Указ. соч. С. 75.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права : учеб. пособие. — Вып. 2. — Свердловск, 1964.
2. *Баранов В. М.* «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 1.
3. *Бекетов А. О.*, *Бородин А. А.* Взаимосвязь сроков содержания под стражей и сроков предварительного следствия // Уголовное право. — 2019. — № 3.
4. *Кунов И. М.* Правовая природа деятельности следователя по приостановленному уголовному делу // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 10.
5. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головко. — М., 2020.
6. *Ларин Е. Г.* Действие меры пресечения после приостановления предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Международной научно-практической конференции. Ч. 1. — Красноярск, 2019. — С. 114–115.
7. *Мельников В. Ю.*, *Гараева Т. Б.* Основания, условия и цели применения иных мер процессуального принуждения // Право и практика. — 2019. — № 4. — С. 188–191.
8. *Шимановский В.*, *Лукашевич В.* Меры пресечения при приостановлении уголовного дела // Российская юстиция. — 1994. — № 7.

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo prava: ucheb. posobie. — Vyp. 2. — Sverdlovsk, 1964.
2. Baranov V. M. «Kvalifitsirovannoe molchanie zakonodatelya» kak obshchepravovoy fenomen (k voprosu o sushchnosti i sfere funktsionirovaniya probelov v prave) // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2008. — № 1.
3. Beketov A. O., Borodin A. A. Vzaimosvyaz srokov soderzhaniya pod strazhey i srokov predvaritelnogo sledstviya // Ugolovnoe pravo. — 2019. — № 3.
4. Kunov I. M. Pravovaya priroda deyatelnosti sledovatelya po priostanovlennomu ugolovnomu delu // Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. — 2016. — № 10.
5. Kurs ugolovnogo protsessa / A. A. Arutyunyan, L. V. Brusnitsyn, O. L. Vasilev [i dr.]; pod red. L. V. Golovko. — M., 2020.
6. Larin E. G. Deystvie mery presecheniya posle priostanovleniya predvaritelnogo rassledovaniya // Aktualnye problemy borby s prestupnostyu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. 1. — Krasnoyarsk, 2019. — S. 114–115.
7. Melnikov V. Yu., Garaeva T. B. Osnovaniya, usloviya i tseli primeneniya inykh mer protsessualnogo prinuzhdeniya // Pravo i praktika. — 2019. — № 4. — S. 188–191.
8. Shimanovskiy V., Lukashevich V. Mery presecheniya pri priostanovlenii ugolovnogo dela // Rossiyskaya yustitsiya. — 1994. — № 7.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.124-134

Ю. А. Антилевская*

Единый реестр экспертных кадров: основа обеспечения качества судебно-экспертной деятельности и верифицированный ресурс для правоохранительных органов

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию обеспечения и контроля качества судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Целью исследования является выработка теоретически и практически значимых предложений по созданию Единого реестра судебно-экспертных кадров и Единого реестра судебно-экспертных организаций.

Методологическую основу исследования составляют: общенаучные методы познания — анализ, синтез и моделирование; частнонаучные методы — аналогия, статистический и сравнительно-правовой.

Предлагается создать Единый реестр судебно-экспертных организаций и Единый реестр судебных экспертов на базе цифровой площадки Федеральной службы по аккредитации — в Федеральной государственной информационной системе в области аккредитации (ФГИС Росаккредитации) в рамках ранее предложенного автором нового механизма по аккредитации судебно-экспертных организаций в Национальной системе аккредитации России. Научная и практическая значимость заключается в ранее не освещенном в литературе предложении по созданию единого верифицированного ресурса экспертных кадров для правоохранительных органов на базе цифровой площадки надведомственного независимого органа.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность; реестр; экспертиза; частная экспертная деятельность; качество; компетентность; национальный орган по аккредитации; национальная система аккредитации; регулирование; сертификация; лицензирование; селекция; контроль качества.

Для цитирования: *Антилевская Ю. А.* Единый реестр экспертных кадров: основа обеспечения качества судебно-экспертной деятельности и верифицированный ресурс для правоохранительных органов // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 124–134. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.124-134.

© Антилевская Ю. А., 2023

* *Антилевская Юлия Александровна*, аспирант юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, юрисконсульт Информационно-методического центра Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека; технический эксперт Федеральной службы по аккредитации
Ленинские горы, д. 1, 4-й учеб. корпус, г. Москва, Россия, 119991
ulaclick@mail.ru

Unified Register of Expert Personnel: Basis for Ensuring the Quality of Forensic Activities and a Verified Resource for Law Enforcement Agencies

Yuliya A. Antilevskaya, Postgraduate Student, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Legal Adviser, Information and Methodological Center, Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare; Technical Expert, Federal Accreditation Service
Leninskie Gory, d.1, (4 uchebnyy korpus), Moscow, Russia, 119991
ulaclick@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to improving the provision and quality control of forensic activities in the Russian Federation. The purpose of the study is to develop theoretically and practically significant proposals for the creation of a Unified Register of Forensic Expert Personnel and a Unified Register of Forensic Expert Organizations.
The methodological basis of the study comprises general scientific methods of cognition, namely analysis, synthesis and modeling; private scientific methods, namely analogy, statistical and comparative legal.
The author proposes to create a Unified Register of Forensic Organizations and a Unified Register of Forensic Experts on the basis of the digital platform of the Federal Accreditation Service in the Federal State Information System in the Field of Accreditation (FSIS Rosaccreditation) within the framework of the new mechanism previously proposed by the author for accrediting forensic organizations in the National System Russian accreditation. The scientific and practical significance lies in the proposal, not previously covered in the literature, to create a single verified resource of expert personnel for law enforcement agencies on the basis of a digital platform of a supra-departmental independent body.
Keywords: forensic activity; registry; expertise; private expert activity; quality; competence; national accreditation body; national accreditation system; regulation; certification; licensing; selection; quality control.
Cite as: Antilevskaya YuA. Edinyy reestr ekspertnykh kadrov: osnova obespecheniya kachestva sudebno-ekspertnoy deyatelnosti i verifitsirovannyy resurs dlya pravookhranitelnykh organov [Unified Register of Expert Personnel: Basis for Ensuring the Quality of Forensic Activities and a Verified Resource for Law Enforcement Agencies]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):124-134. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.124-134. (In Russ., abstract in Eng.).

Сегодня ввиду умножения, модернизации и взаимной интеграции процессов социальной среды, а также широкого развития новых технологий потребность в специальных знаниях как таковых становится широкомасштабной. Это неизбежно затрагивает и судебно-экспертную деятельность (СЭД), нагрузка на которую увеличивается и усложняется. Критическую важность приобретает проблема контроля компетентности экспертных кадров, а также возможность обеспечения этого контроля на национальном надведомственном уровне. Указанная проблематика связана и с вопросом осведомленности правоохранительных органов о наличии в стране (регионе) компетентной экспертной организации с требуемыми техническими возможностями и конкретного эксперта с требуемой для правоохранительной системы квалификацией и специальными знаниями.

Общее число экспертиз, проведенных в государственных судебно-экспертных организациях (СЭО) за год, учитывая исследования, назначенные на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, составляет 6–7 млн в год[1]. По причине столь высокой загруженности многие экспертизы направляются в негосударственные СЭО. Согласно данным информационно-правового портала «Гарант.ру» со ссылкой на тематические аналитические материалы Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, в СЭО Минюста России и экспертно-криминали-

[1] См.: *Кузьмин С. А.* Современные модели менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 18–27.

стических подразделениях МВД России средняя нагрузка на каждого сотрудника превышает норму в 1,5 раза (в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России по некоторым видам экспертиз — в 2–3,5 раза). Таким образом, государственные эксперты не способны выполнить весь объем экспертных исследований, в том числе без нарушения сроков[2]. К сожалению, заключения негосударственных организаций нередко могут потребовать проверки, что влечет за собой назначение повторных экспертиз, уже, как правило, в государственных ведомственных экспертных подразделениях. В частности, по данным вышеприведенного источника, в 2018 г. учреждения Минюста России выполнили 585 таких повторных экспертиз и выводы по 77,6 % из них не совпали с выводами первичных экспертиз частных экспертов, что, в свою очередь, приводит к еще большей загруженности государственных СЭО ввиду необходимости перепроверок[3]. Помимо высокой нагрузки отмечаются и иные проблемы, требующие комплексного решения. Как отметила первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству Ирина Рукавишникова, «основные проблемы в этой [судебно-экспертной] сфере — недостаточная штатная численность судебных экспертов, их высокая трудовая нагрузка, низкая заработная плата, отток квалифицированных кадров, недостаточное материально-техническое обеспечение»[4].

Встает вопрос о том, каким образом справляться с нагрузкой, не теряя качества исследований, ведь применение специальных знаний в разрезе правовой составляющей жизни социума не терпит безответственного отношения. Помимо прочих средств обеспечения качества экспертных исследований (стандартизация, аккредитация, унификация методик и пр.) одну из ведущих ролей в нем играет наличие *квалифицированных экспертных кадров*.

В научно-экспертном сообществе и ранее выдвигались предложения касательно контроля компетенции судебных экспертов. В рамках деятельности СЭО предлагалось введение стандартизации, системы менеджмента качества, аккредитации СЭО в независимом органе по аккредитации, добровольной сертификации и пр. Одним из аргументированных, законодательно подкрепленных предложений является аккредитация СЭО в национальной системе аккредитации *национальным органом по аккредитации России* с параллельным созданием в том числе реестра аккредитованных экспертных кадров[5].

Известно, что отечественная нормативно-правовая база в сфере СЭД во многом зиждется на Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[6] (далее — Закон о ГСЭД), предусматривающем профессиональные и квалификационные требования к эксперту: высшее образование и дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности, а также подтверждение своей компетенции каждые 5 лет (ст. 13).

Однако же, как верно отмечается в профильной литературе, предметом регулирования данного закона является не СЭД в Российской Федерации как таковая, а государственная СЭД, что обуславливается особенностью исторического

---

[2] См.: *Шувалова М.* Новый закон о судебно-экспертной деятельности может быть принят уже в этом году // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». 2019. URL: https://www.garant.ru/news/1276588/ (дата обращения: 12.01.2023).

[3] *Шувалова М.* Указ. соч.

[4] *Рукавишникова И.* Необходимо как можно скорее завершить работу по принятию закона о судебно-экспертной деятельности // Интернет-портал Совета Федерации ФС РФ. 2021. URL: http://council.gov.ru/events/news/129901 (дата обращения: 12.01.2023).

[5] См.: *Антилевская Ю. А.* Национальная система аккредитации России — правовой путь совершенствования отечественной судебно-экспертной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 6. С. 264–274.

[6] Парламентская газета. № 100. 02.06.2001.

развития данной сферы деятельности в нашей стране: в момент принятия вышеупомянутого федерального закона бóльшая часть судебных экспертиз производилась в государственных СЭО[7]. Закон о ГСЭД в ст. 41 отмечает: «Судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями… но не являющимися государственными судебными экспертами». Однако, даже не обращая внимания, что статья предоставляет Правительству РФ право устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными СЭО, требования к уровню квалификации негосударственных судебных экспертов остаются за пределами регулирования данного федерального закона, что порождает множество рисков, связанных с использованием результатов исследований, проведенных негосударственными экспертами. В частности, отсутствие нормативного регулирования частной СЭД может повлечь за собой: проведение экспертных исследований лицами, лишь *формально* обладающими специальными знаниями; проведение экспертиз неэкспертными учреждениями; ложность заключений (например, из-за недобросовестности; давления на экспертов) и др.[8]

Закон о ГСЭД, в свою очередь, закрепляет и контроль за компетентностью экспертов, возлагая его на руководителя экспертного учреждения: он может поручить ее производство конкретному эксперту или комиссии экспертов данного учреждения, которые обладают специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы (ст. 14). Закон о ГСЭД устанавливает статус государственного судебного эксперта, его права и обязанности (ст. 12, 16, 17), права и обязанности руководителя государственного судебно-экспертного учреждения (ст. 14, 15), особенности проведения различных видов экспертиз по их очередности (ст. 20) и составу (ст. 21–23), определение заключения эксперта и основные его положения (ст. 25) и пр. Помимо этого, особенности организации СЭД в конкретных государственных структурах (Министерство юстиции, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, судебно-медицинские учреждения Министерства здравоохранения и др.) регулируется внутренними актами данных структур, что еще более конкретизирует и регулирует процесс производства исследований.

Таким образом, основываясь на твердом законодательном основании, государственная СЭД имеет перед собой ориентир и «выстланную» дорогу, по которой она движется, но это совсем не говорит о том, что государственная СЭД вовсе лишена экспертных ошибок. Ситуацию в данной сфере охарактеризовала профессор И. О. Перепечина: «Следует признать, что объективно оценить положение, связанное с качеством судебной экспертизы в отечественной практике, в настоящее время не представляется возможным. В отличие от зарубежной литературы, в которой проблема ошибок при производстве экспертиз исследована весьма обстоятельно и широко обсуждается на страницах печати, в отечественной литературе этой теме посвящено весьма незначительное число публикаций; проверки экспертной деятельности носят сугубо внутриведомственный характер, практика внешнего аудита отсутствует; к оценке экспертных заключений специалисты привлекаются адвокатами крайне редко. Всё это сделало сферу экспертной деятельности закрытой не только для общества в целом, но и для специалистов. Таким образом, истинное положение дел в экспертной сфере — реальная квалификация экспертов, уровень ошибок в целом и в том или ином экспертном подразделении и т.д. — неизвестно»[9].

---

[7] См.: *Кузьмин С. А.* Современные модели менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 18–27.

[8] См.: *Абдуллин Р. Р.* Организационно-правовое и методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12. Уфа, 2021. 224 с.

[9] *Перепечина И. О.* Экспертные ошибки в контексте профессиональной деятельности экспертов // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 34–36.

Негосударственные учреждения, обладая намного большей свободой, характеризуются и уязвимостью, будучи вынуждены ориентировать свою деятельность не только на нормативно закрепленные требования, но и на законы рынка, что при недобросовестном подходе может принести весьма горькие плоды. Цель настоящего исследования состоит в формулировании универсальных предложений, способных исключить недобросовестный подход как в негосударственных, так и в государственных учреждениях.

Как отмечалось ранее, вопросы компетентности СЭО — как государственных, так и негосударственных — могут регулироваться за счет процедуры стандартизации, аккредитации и оценки соответствия деятельности СЭО международному стандарту ГОСТ ISO/IEC 17025-2019 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий», подразумевающему управление качеством организации и проведения экспертных исследований. Между тем соответствие стандартам управленческих процессов не отменяет важности профессионализма самих экспертов.

Комплексность и сложность профессии судебного эксперта, как и необходимость ответственного подхода к вопросам компетентности кадров СЭО, отмечает профессор Е. Р. Россинская: «Судебный эксперт — специалист двойной компетенции — должен обладать, помимо знаний в базовой науке… и судебной экспертологии, глубокими юридическими знаниями, владеть современными экспертными технологиями, сертифицированными и утвержденными методиками экспертного исследования»[10]. Профессор подчеркивает интегративность образования, которая позволяет обучающемуся сформировать экспертное мышление, получить нужные компетенции, на приобретение которых зачастую требуется несколько лет экспертной практики, за которые может быть допущено немало ошибок. Приводя в пример квалификационные требования, сформулированные в ст. 13 Закона о ГСЭД, Е. Р. Россинская также делает вывод, что требования к негосударственным экспертам должны быть аналогичными[11].

Вопрос нормативной фиксации требований к частной экспертной деятельности возникает еще и потому, что основной целью деятельности данных организаций в форме ООО, ИП является извлечение прибыли (ч. 1 ст. 50 ГК РФ)[12]. Также и некоторые НКО (АНО), хотя и не имеют извлечение прибыли своей основной целью, наделены правом осуществления деятельности по ее извлечению. Могут ли эти интересы быть выше интересов следствия и правосудия в разрезе проведения экспертных исследований? Могут ли частные эксперты быть объектами давления? Об этих проблемах упоминает, в частности, в своей диссертации Р. Р. Абдуллин[13]. Как следствие, перед многими правоприменителями, в частности перед судьями, встает вопрос и о компетентности, и о добросовестности деятельности частных экспертов и негосударственных СЭО.

Учитывая отмеченное выше, представляется необходимым внедрение нормативной регламентации, затрагивающей все СЭО в стране. Одним из путей установления контроля и оценки компетентности вышеупомянутых организаций является обязательная аккредитация СЭО в национальной системе аккредитации России, что также позволит устранить дисбаланс прав ведомственных СЭО за счет перевода системы аккредитации и оценки компетентности на независимый надведомственный уровень. Настоящая идея была озвучена, в частности, 24 ноября 2022 г. на круглом столе «Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: проблемы и пути решения» в Совете Федерации

[10] *Россинская Е. Р.* Актуальные проблемы подготовки судебных экспертов и дополнительного образования по отдельным экспертным специальностям // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. № 13 (3). С. 78–85.

[11] *Россинская Е. Р.* Указ. соч.

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.04.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[13] *Абдуллин Р. Р.* Указ. соч. С. 48.

Федерального Собрания РФ[14]. Докладчики отмечали необходимость аккредитации СЭО компетентным органом, в качестве которого следует принимать орган исполнительной власти, осуществляющий функции национального органа РФ по аккредитации, — Федеральную службу по аккредитации (Росаккредитацию) (на основании Федерального закона от 28.12.2013 № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» и постановления Правительства РФ от 17.10.2011 № 845[15]). Согласно пп. 1 ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 412-ФЗ подтверждение национальным органом по аккредитации соответствия юридического лица критериям аккредитации, является официальным свидетельством его компетентности осуществлять деятельность в определенной области и эффективным способом демонстрации уровня компетентности любой лаборатории, в том числе экспертной, выступая своеобразным средством системы обеспечения и повышения качества работ (услуг).

Другим способом регулирования является установление непосредственно нормативной базы. Так, в 2013 г. в Государственную Думу был внесен проект федерального закона о ГСЭД с изменениями, касающимися в том числе негосударственных экспертных организаций. Однако первоначальная его редакция была существенно переработана, закон не принят и сегодня.

Среди его положений — положение о добровольной сертификации негосударственных экспертов, модель приоритетного использования сертифицированных методических материалов и др.

Отдельного внимания заслуживает предложение создать государственный реестр судебных экспертов (ст. 18 Законопроекта). Основные его цели — введение работников негосударственных СЭО и частных экспертов в регулируемое правовое поле, позволяющее предъявлять определенные законом требования к компетенции экспертов, а также выполнение контрольной и селекционной функций. Статья 18 раскрывает, что условием для внесения экспертов в реестр будет наличие сертификата компетентности, причем для сотрудников государственных СЭО получение данного сертификата будет обязательным, а для работников частных СЭО — добровольным. В то же время из ст. 18 Законопроекта можно сделать вывод, что орган, уполномоченный назначить экспертное исследование, будет выбирать только из экспертов, включенных в реестр, что само по себе повлечет стимулом для частных судебных экспертов, желающих провести экспертное исследование, получить данный сертификат[16]. Приводится также определение судебного эксперта, квалификационные требования, которые хотя и устанавливают необходимость для негосударственных экспертов осуществлять профессиональную деятельность с учетом знаний и опыта, но всё же не подразумевают получения высшего и дополнительного образования.

В данном Законопроекте, безусловно, сделан шаг к регулированию негосударственной СЭД, однако ученые высказывают предложения насчет введения более плотной регуляции частного сектора. В частности, Р. Р. Абдуллин предлагает в намного более широком масштабе взять под контроль частную СЭД. Помимо обязательного наличия высшего образования и сертификации компетентности для обеих групп судебных экспертов, предлагается создание *единого* нормативно закрепленного реестра судебных экспертов РФ. Данный реестр, по мнению ученого, также должен быть общеобязательным и должен включать только аттестованных

[14] *Перепечина И. О.*, *Антилевская А. Ю.* Аккредитация судебно-экспертных организаций в национальной системе аккредитации: законодательный подход // Совет Федерации Федерального Собрания РФ : круглый стол «Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: проблемы и пути решения». М., 2022.

[15] Постановление Правительства РФ от 17.10.2011 № 845 «О Федеральной службе по аккредитации» (вместе с Положением о Федеральной службе по аккредитации) // СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 6079.

[16] Законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6 (дата обращения: 25.01.2023).

профессиональных экспертов, квалификация которых подтверждается их образованием и опытом. Предлагается также при неподтверждении квалификации экспертом исключать его из реестра. Основные цели указанного предложения — предъявлять единые требования ко всем судебным экспертам; унифицировать профессиональную подготовку судебных экспертов, судей, следователей, дознавателей; совершать выбор судебного эксперта соответствующей квалификации из реестра; фильтровать сообщество на предмет недобросовестных кадров. Р. Р. Абдуллин предлагает использовать опыт реестров, сформированных экспертными объединениями, такими как некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов» (НП СУДЭКС) (насчитывающее более 1 500 экспертов и около 150 СЭО в разных субъектах РФ)[17]. Можно также выделить Судебно-экспертную палату Российской Федерации (СЭП РФ), располагающую единым реестром судебных экспертов и системой их рейтинга[18].

Однако даже такой формат не даст преимуществ, которые могут быть предоставлены в случае нормативного учета судебных экспертов и организаций, предполагающего государственный контроль за качеством экспертной деятельности.

Аналогичный опыт активно применяется и в странах СНГ: в Республике Беларусь и Республике Казахстан для проведения СЭД в частном порядке эксперты проходят процедуру лицензирования[19].

В России мы наблюдаем аналогичную потребность в регулировании деятельности частных экспертных организаций и частных экспертов, что может быть осуществлено и с опорой на тот опыт, которым обладают зарубежные страны. В то же время отдельные попытки регулирования частной экспертной деятельности на местах предпринимались и ранее. К примеру, Арбитражный суд Ростовской области представил соглашение о сотрудничестве, выраженное в оферте, размещенной на интернет-портале суда и направленной неопределенному кругу судебных экспертов и СЭО. Ознакомившись с данным соглашением, можно заметить, что оно направлено на *открытость*, о чем свидетельствуют положения о предоставлении стороной — экспертной организацией сведений о возможных кандидатурах экспертов на производство экспертных исследований, об их образовании, специальности, стаже работы, о занимаемой должности (п. 3.1.2.2 ст. 3 соглашения), о количестве проведенных в отчетном году экспертных исследований (с указанием номеров судебных дел, в рамках которых проводились исследования) для последующего отражения статистических сведений в реестре экспертов, экспертных организаций, о количестве экспертных исследований, проведенных каждым участником соглашения в течение отчетного календарного года (п. 3.1.1.3, 3.1.2.6 ст. 3 соглашения)[20]. Следует отметить и одно из основных направлений сотрудничества, указанных в ст. 1 соглашения, — обеспечение для судей доступа к информации об экспертах, СЭО, видах экспертиз и условиях проведения экспертных исследований. В случае же необоснованного отказа от проведения экспертизы, некачественного ее исполнения, а также значительного нарушения срока выполнения экспертизы арбитражный суд вправе разместить об этом информацию в упомянутом выше реестре (п. 4.4 ст. 4 соглашения). Таким образом, суд имеет возможность контролировать, кому направляются материалы для проведения экспертиз, и осуществлять своеобразную селекцию экспертных организаций.

Интересен ответ на коммерческое письмо частной СЭО о возможностях проведения судебно-экспертных исследований из практики Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ле-

[17] URL: https://www.sudex.ru/o-nas (дата обращения: 25.01.2023).

[18] URL: https://seprf.ru/o-proekte/ (дата обращения: 25.01.2023).

[19] *Абдуллин Р. Р.* Указ. соч. С. 55.

[20] Открытое соглашение о сотрудничестве между Арбитражным судом Ростовской области и экспертными учреждениями, организациями, экспертами // Арбитражный суд Ростовской области. URL: https://rostov.arbitr.ru/process/expert_organisation (дата обращения: 25.01.2023).

нинградской области. Так, начальник отдела судебной статистики, правовой информации, кодификации, систематизации законодательства предоставил ответ, что арбитражный суд не ведет реестров или списков судебных экспертов (экспертных организаций) на основании того, что в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» размещение сведений об экспертных организациях на сайте арбитражного суда не предусмотрено. При этом должностное лицо ошибочно сослалось на реестр экспертных организаций Федеральной службы по аккредитации, указав на официальный статус указанного источника информации.

К слову, на официальном сайте Росаккредитации в разделе «Технологичность — Электронные реестры» действительно содержатся соответствующие реестры: Реестр экспертов по аккредитации, Реестр технических экспертов, Реестр экспертных организаций, Реестр экспертов-аудиторов[21], однако в настоящее время указанные реестры не имеют никакого отношения к судебной экспертизе.

Приведенный пример свидетельствует лишь о неосведомленности судейского корпуса о наличии (об отсутствии) верифицированного реестра судебно-экспертных кадров (организаций) и о существенном пробеле в законодательстве.

Между тем нормативное закрепление единого реестра экспертных кадров будет полезно не только судам. Многие следователи/дознаватели также прибегают к услугам частных СЭО в процессе досудебного делопроизводства, от результатов которого напрямую зависит установление виновных лиц. Любая ошибка и недобросовестность могут повлечь серьезные негативные последствия. Из этого следует, что единый реестр экспертных организаций выполняет свою важнейшую селекционную функцию и в качестве верифицированного справочника для правоохранительных органов.

В Российской Федерации официально действует государственный реестр экспертов-техников[22] и утверждены требования к специалистам, проводящим независимую техническую экспертизу транспортных средств, в том числе требований к их профессиональной аттестации, оснований ее аннулирования[23].

Сто́ит обратить внимание и на опыт отечественных коллег из иных сфер деятельности. К примеру, Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) ведет реестр патентных поверенных, содержащий также информацию о дате регистрации отдельно взятого патентного поверенного, о его специализации, форме осуществления им профессиональной деятельности и жалобах в его адрес[24].

Резюмируя изложенное в статье, делаем вывод, что для эффективного и качественного проведения судебно-экспертных исследований на государственном и местном уровне необходимо предоставить судам и правоохранительным органам информацию о том, какой специалист будет проводить назначаемые ими исследования, какой у него опыт, знания и репутация, а также об организациях, занимающихся СЭД. Помимо этого, обоснованно выдвигаются предложения о введении обязательных критериев по компетенции для присвоения статуса судебного эксперта. Среди таких критериев выделяют наличие выс-

[21] Электронные реестры Росаккредитации // Федеральная служба по аккредитации. URL: https://fsa.gov.ru/use-of-technology/elektronnye-reestry (дата обращения: 01.02.2023).

[22] Государственный реестр экспертов-техников // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: http://technicians.minjust.ru/register?registerNum=&regionId=77&fullName=&jobTitle=&statusId=8 (дата обращения: 01.02.2023).

[23] Приказ Министерства транспорта РФ от 22.09.2016 № 277 «Об утверждении требований к экспертам-техникам, осуществляющим независимую техническую экспертизу транспортных средств, в том числе требований к их профессиональной аттестации, оснований ее аннулирования» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: https://base.garant.ru/71517840/ (дата обращения: 01.02.2023).

[24] Реестр патентных поверенных // Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). URL: https://rospatent.gov.ru/ru/patent-attorneys/list (дата обращения: 01.02.2023).

шего и дополнительного профильного образования либо высшего образования по профилю подготовки «судебная экспертиза». Следует принять к сведению и предлагаемые в научной литературе требования о наличии аттестата (свидетельства) о повышении квалификации по конкретной экспертной специальности или аттестата об ученой степени по определенной отрасли знаний; сертификата компетентности, который будет выдаваться уполномоченными органами (в качестве которых могут, к примеру, выступать Минюст России, Министерство здравоохранения и пр.) и станет основанием для включения эксперта в единый реестр судебных экспертов РФ.

При запуске масштабного проекта по аккредитации СЭО в Национальной системе аккредитации России предлагается создать Единый реестр судебно-экспертных организаций и Единый реестр судебных экспертов на цифровой площадке Федеральной службы по аккредитации — в Федеральной государственной информационной системе в области аккредитации (ФГИС Росаккредитации).

В настоящий момент этому может способствовать подписанное 12 мая 2015 г. Минюстом России, Росаккредитацией и Росстандартом Соглашение о взаимодействии в сфере судебной экспертизы, в котором четко определен предмет взаимодействия министерств и ведомств по вопросам аккредитации СЭО в национальной системе аккредитации РФ, а также весь массив сопутствующих и взаимосвязанных с аккредитацией вопросов. Преимуществом данного решения является и то, что Росаккредитация — международно признанный орган по аккредитации (это подтверждает членство в ILAC, IAF, APAC, МГС СНГ и пр.), что позволяет обмениваться опытом с зарубежными коллегами и интегрировать полезные методики.

Следует отметить также и зарубежный опыт ведения реестров судебных экспертов. К примеру, таковые существуют в Австрии (в рамках Министерства юстиции Австрии[25]), Словении (Министерство правосудия[26]), Латвии, Литве, Эстонии (реестры созданы при поддержке Европейской программы правосудия (EU Justice Programme)[27]).

Интересен и Меморандум Генерального прокурора США об обязательной аккредитации ведомственных судебно-экспертных лабораторий от 23.11.2015. По словам заместителя Генерального прокурора Салли Йейтса, «…аккредитация является одним из наиболее важных инструментов для обеспечения того, чтобы судебная экспертиза проводилась надежным, строго научным образом»[28]. Среди открытых реестров экспертов США можно выделить реестр экспертов Национального совета по устойчивому развитию (The National Council for Sustainable Development), реестр Судебно-экспертного совета в рамках Управления по защите несостоятельных лиц (Северная Каролина). Однако же, как указано в первоисточнике одного из упомянутых выше реестров, реестр не основан на квалификации экспертов и проверка возлагается на потенциального клиента[29].

Наглядным примером успешного формирования информационной системы и мощного государственного ресурса служит ведение Росаккредитацией Реестра аккредитованных лиц, Реестра аккредитованных лиц по негосударственной экспертизе, Реестра испытательных лабораторий, соответствующих принципам

[25] Allgemein beeidete und gerichtlich zertifizierte Sachverständige // URL: https://justizonline.gv.at/jop/web/exl-suche/sv (дата обращения: 10.01.2023).

[26] Imenik Sodnih Izvedencev // URL: https://spvt.mp.gov.si/izvedenci.html (дата обращения: 10.01.2023).

[27] Реестр экспертов Латвии — URL: https://eksperti.ta.gov.lv/en, Литвы — URL: https://ekspertai.ltec.lt/, Эстонии — URL: https://kohtuekspert.just.ee/en (дата обращения: 10.01.2023).

[28] Justice Department Announces New Accreditation Policies to Advance Forensic Science // URL: https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-announces-new-accreditation-policies-advance-forensic-science (дата обращения: 10.01.2023).

[29] Forensic Resources. Office of Indigent Defense Services // URL: https://forensicresources.org/browse-all-experts/ (дата обращения: 10.01.2023).

надлежащей лабораторной практики, Реестра организаций, аккредитованных на право проведения поверки бытовых счетчиков воды, и др. В указанных реестрах данные формируются по юридическим лицам различной формы собственности, среди которых есть организации ведомств, на базе которых созданы СЭО и подразделения (ФСБ, Минздрав, МВД, МЧС, ФТС, Минобороны): испытательный центр «Полматекс» ФГУП «ИвНИИПИК» ФСБ России (номер записи в Реестре: RA.RU.21ЛК16)[30]; аккредитованное лицо, оказывающее услуги в области обеспечения единства измерений, ФГБУ «НЦЭСМП» Минздрава России (RA.RU.314289)[31]; испытательная лаборатория ЭКЦ МВД РФ (РОСС RU.0001.22МЖ17 (архивный)[32] и др. В качестве примера приведем зарубежный опыт: в Реестре Национальной системы аккредитации Беларуси содержатся данные о центральном аппарате Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (рег. номер аттестата: BY/112 1.1791)[33].

Высказанные ранее предложения авторов по созданию единых реестров судебных экспертов и СЭО (например, Судебно-экспертной палаты РФ с единым реестром судебных экспертов и системой их рейтинга), а также идея о создании Федеральной палаты судебных экспертов (в федеральных округах — региональных палат) для оценки профессиональных компетенций экспертов, так или иначе, сводятся к регулированию и контролю за частной СЭД, минуя механизм контроля качества в сфере государственной СЭД. Однако рассматриваемая нами *концепция аккредитации СЭО в Национальной системе аккредитации России* на соответствие требованиям международного стандарта качества позволит создать *универсальную общегосударственную независимую систему обеспечения и контроля качества судебной экспертизы,* включающую в себя среди прочих инструментов создание и функционирование Единого реестра судебных экспертов и Единого реестра судебно-экспертных организаций. По своей сути это предложение по созданию единого надведомственного механизма обеспечения и контроля качества судебной экспертизы, не преследующего целей объединения всех СЭО страны в единое экспертное ведомство, вместе с тем механизма, основанного на универсальных подходах к оценке компетентности государственных и частных судебных экспертов, к обеспечению и контролю качества государственной и частной СЭД, к равным квалификационным требованиям и профессиональной деятельности государственных и частных судебных экспертов, к результатам деятельности государственных и частных СЭО.

Нормативное же закрепление единого реестра судебных экспертов с функциями предоставления открытых сведений и фильтрации позволит реализовать функцию государственного контроля и одновременно стимулировать частные организации стремиться к обеспечению и повышению качества оказываемых ими услуг, установив официальную планку профессиональных требований, тем самым предоставляя плацдарм для дальнейших роста и совершенствования, выводя СЭД в России на качественно новый уровень.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по результатам проведенного исследования:

— необходимо введение программы обязательной аккредитации судебно-экспертных организаций в *национальной системе аккре-*

[30] Реестр аккредитованных лиц // Интернет-портал Федеральной службы по аккредитации. URL: https://pub.fsa.gov.ru/ral/view/19030/accredited-entity (дата обращения: 04.02.2023).

[31] Реестр аккредитованных лиц // Интернет-портал Федеральной службы по аккредитации. URL: https://pub.fsa.gov.ru/ral/view/35487/applicant (дата обращения: 04.02.2023).

[32] Реестр аккредитованных лиц // Интернет-портал Федеральной службы по аккредитации. URL: https://pub.fsa.gov.ru/ral/view/24657/accredited-entity (дата обращения: 04.02.2023).

[33] Реестр Национальной системы аккредитации Республики Беларусь // Интернет-портал Белорусского государственного центра аккредитации. URL: https://bsca.by/ru/registry-testlab/view?id=6198 (дата обращения: 04.02.2023).

дитации. Ведение единого реестра экспертных кадров под началом надведомственного органа — Федеральной службы по аккредитации (Росаккредитации), который не проводит судебные экспертизы и в целом не связан со сферой судебно-экспертной деятельности, обеспечит независимость деятельности по формированию реестра от ведомственных интересов. Указанная модель позволит выйти на новый уровень в создании механизма обеспечения и контроля качества судебно-экспертной деятельности;

— в соответствии с нормами действующего законодательства Российской Федерации об аккредитации создание единого реестра аккредитованных судебно-экспертных организаций уже сегодня возможно и целесообразно на успешно развивающейся цифровой платформе — в Федеральной государственной информационной системе в области аккредитации (ФГИС Росаккредитации).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абдуллин Р. Р.* Организационно-правовое и методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных учреждений : дис. … канд. юрид. наук. : 12.00.12. — Уфа, 2021. — 224 с.
2. *Антилевская Ю. А.* Национальная система аккредитации России — правовой путь совершенствования отечественной судебно-экспертной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. — 2022. — № 6. — С. 264–274.
3. *Кузьмин С. А.* Современные модели менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 3 (43). — С. 18–27.
4. *Перепечина И. О.* Экспертные ошибки в контексте профессиональной деятельности экспертов // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 3. — С. 34–36.
5. *Россинская Е. Р.* Актуальные проблемы подготовки судебных экспертов и дополнительного образования по отдельным экспертным специальностям // Теория и практика судебной экспертизы. — 2018. — № 13 (3). — С. 78–85.

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abdullin R. R. Organizatsionno-pravovoe i metodicheskoe obespechenie sudebno-ekspertnoy deyatelnosti vne gosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniy: dis. … kand. yurid. nauk.: 12.00.12. — Ufa, 2021. — 224 s.
2. Antilevskaya Yu. A. Natsionalnaya sistema akkreditatsii Rossii — pravovoy put sovershenstvovaniya otechestvennoy sudebno-ekspertnoy deyatelnosti // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2022. — № 6. — S. 264–274.
3. Kuzmin S. A. Sovremennye modeli menedzhmenta kachestva v sudebno-ekspertnoy deyatelnosti // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2016. — № 3 (43). — S. 18–27.
4. Perepechina I. O. Ekspertnye oshibki v kontekste professionalnoy deyatelnosti ekspertov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2015. — № 3. — S. 34–36.
5. Rossinskaya E. R. Aktualnye problemy podgotovki sudebnykh ekspertov i dopolnitelnogo obrazovaniya po otdelnym ekspertnym spetsialnostyam // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2018. — № 13 (3). — S. 78–85.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.135-147

О. Ф. Засемкова*

Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой

Аннотация. В условиях изменения геополитической обстановки и введения различными странами антироссийских санкций и односторонних ограничительных мер российские лица столкнулись с многочисленными проблемами, возникающими при попытке обращения в избранный ими ранее иностранный арбитражный институт, при выборе арбитров, экспертов и представителей. Указанные проблемы возникают на всех этапах разбирательства — начиная от его инициирования и заканчивая признанием и принудительным исполнением вынесенного решения. В статье рассматриваются основные такие проблемы и приводятся рекомендации по их решению, подкрепляемые примерами из судебной и арбитражной практики, а также ссылками на нормы регламентов различных арбитражных институтов (LCIA, ICC, SCC, HKIAC, SIAC, DIAC, ISTAC). На основе проведенного анализа делается вывод о том, что наиболее эффективными способами минимизации влияния санкций на разбирательство являются: 1) выбор арбитража, находящегося в нейтральной юрисдикции; 2) выбор ad hoc арбитража; 3) заключение альтернативных арбитражных оговорок; 4) обращение в российский арбитражный суд с заявлением о признании им своей исключительной юрисдикции по рассмотрению спора в рамках ст. 248.1 АПК РФ.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; санкции; односторонние ограничительные меры; подсанкционные лица; лицензия на рассмотрение споров; исключительная юрисдикция; альтернативная арбитражная оговорка; нейтральная юрисдикция; запрет инициирования или продолжения разбирательства; замораживание активов; отложенное исполнение решения.

Для цитирования: *Засемкова О. Ф.* Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 135–147. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.135-147.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (направление «Право устойчивого развития»).

© Засемкова О. Ф., 2023

* *Засемкова Олеся Федоровна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права, доцент кафедры правового моделирования Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
zasemkova.olesya@mail.ru

International Arbitration in the Context of Anti-Russian Sanctions: Issues Raised through Practice

Olesya F. Zasemkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Associate Professor, Department of International Legal Competitions, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
zasemkova.olesya@mail.ru

Abstract. In the context of the changing geopolitical situation and the introduction by various countries of anti-Russian sanctions and unilateral restrictive measures, Russian citizens faced numerous problems arising when trying to apply to a foreign arbitration institution they had previously chosen, when choosing arbitrators, experts and representatives. These problems arise at all stages of the proceedings: from its initiation and ending with the recognition and enforcement of the decision. The paper discusses the main problems and provides recommendations for their solution, supported by examples of judicial and arbitration practice, as well as references to the rules of regulations of various arbitration institutions (LCIA, ICC, SCC, HKIAC, SIAC, DIAC, ISTAC). Based on the analysis, it is concluded that the most effective ways to minimize the impact of sanctions on the proceedings are: 1) the choice of arbitration located in a neutral jurisdiction; 2) choice of ad hoc arbitration; 3) conclusion of alternative arbitration clauses; 4) an application to the Russian arbitration court with a statement recognizing its exclusive jurisdiction to resolve the dispute under Art. 248.1 APC RF.

Keywords: international commercial arbitration; sanctions; unilateral restrictive measures; sanctioned persons; dispute resolution license; exclusive jurisdiction; alternative arbitration clause; neutral jurisdiction; prohibition of initiating or continuing proceedings; asset freezing; delayed execution of the decision.
Cite as: Zasemkova OF. Mezhdunarodnyy arbitrazh v usloviyakh antirossiyskikh sanktsiy: voprosy, postavlennye praktikoy [International Arbitration in the Context of Anti-Russian Sanctions: Issues Raised through Practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):135-147. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.135-147. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program (Sustainable Development Law Center).

Международный коммерческий арбитраж традиционно считается одним из наиболее популярных и эффективных способов разрешения трансграничных коммерческих споров. Будучи автономными друг от друга и независимыми от государств, на территории которых они находятся, арбитражные учреждения остаются нейтральными, беспристрастными и неполитизированными площадками разрешения споров.

Это, однако, не означает возможности игнорирования ими применимых нормативных актов, действующих в стране места их нахождения, включая нормы санкционного законодательства, что ведет к возникновению ряда сложностей как у подсанкционных лиц, так и у их иностранных представителей, арбитров и арбитражных учреждений.

Практические сложности рассмотрения споров с участием подсанкционных лиц в арбитраже

Условно все возникающие проблемы можно разделить на 3 группы:

1) проблемы, связанные с инициированием арбитража;

2) проблемы, связанные с арбитражным разбирательством;

3) проблемы, связанные с исполнением вынесенного арбитражем решения.

К проблемам, связанным с инициированием арбитражного разбирательства, относятся:

1. Неоднозначность решения вопроса о возможности передачи споров, затронутых санкциями, на разрешение международного арбитража, то есть вопроса об арбитрабильности таких споров.

Несмотря на преобладающую в доктрине и практике[1] большинства государств позицию о том, что санкции не оказывают влияния на арбитрабильность споров, в судебной практике отдельных стран (например, Германии[2] и Италии) встречаются решения, в которых отстаивается противоположный подход. Так, в решении 1994 г. Апелляционный суд Генуи (Италия) признал санкции частью публичного порядка страны и, как следствие, пришел к выводу о том, что спор относится к исключительной подсудности государственных судов и является неарбитрабильным[3].

2. Сложность или невозможность уплаты арбитражного сбора, обусловленная отказом иностранных банков от проведения операций для компаний, включенных в санкционный список, и установлением ограничений на совершение валютных операций.

Указанные трудности возникают в случае введения в отношении истца санкций, предусматривающих замораживание его активов и запрещающих арбитрам принимать платежи от такого лица. Так, в документах Международной торговой палаты (ICC) отмечается, что при организации разбирательства Международный арбитражный суд ICC пользуется услугами французских банков, которым в отсутствие специального разрешения от компетентных государственных органов, так же как и самой ICC, может быть запрещено получать платежи от сторон и иных вовлеченных в разбирательство лиц[4]. Аналогичное объявление размещено на сайте Немецкого арбитражного центра (DIS)[5].

3. Сложность поиска иностранных консультантов для представления интересов российских лиц в европейских и американских арбитражных институтах, обусловленная отказом ряда иностранных юридических фирм от работы не только с подсанкционными лицами, но и с российскими лицами и в России в целом.

Продолжающие же работу с российскими лицами юридические фирмы еще до подписания договора на оказание услуг проводят внутренний санкционный комплаенс в отношении потенциальных клиентов и при наличии санкций обращаются в компетентный государственный орган за получением лицензии (разрешения) на представление интересов такого лица. Процедура получения такой лицензии предполагает раскрытие информации о сторонах спора, заключенном между ними договоре, об обстоятельствах возникшего спора и других сведений и занимает от нескольких недель до нескольких месяцев, что существенно ограничивает свободу выбора подсанкционными лицами иностранного представителя, ставя их в неравное положение со свободным от санкций контрагентом.

4. Сложность и жесткие условия оплаты услуг юридических представителей, обусловленные санкциями, устанавливающими запреты и ограничения в части сроков кредитования подсанкционных лиц[6].

5. Сложность назначения арбитров и экспертов, обусловленная запретом на оказание юридических услуг подсанкционным лицам (распространяющимся в том числе на выпол-

---

1 Mitsubishi Motors Corporation, Appellee v. Soler Chrysler-plymouth, Inc., 723 F.2d 155 (1st Cir. 1983) // URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/723/155/319942/ (дата обращения: 29.12.2022) ; Fincantieri Cantieri Navali Italiani SpA and OTO Melara Spa v. ATF (25 November 1991). ICC Award № 6719 (Interim Award) // Journal du droit international. 1994. 1071.

2 *Szabados T.* EU Economic Sanctions in Arbitration // Journal of International Arbitration. 2018. Vol. 35. Iss. 4. P. 448 ; OLG München, 17 May 2006 — 7 U 1781/06 // IPRax. 2007. 322.

3 Fincantieri-Cantieri Navali Italiani SpA v. Iraq // Riv. Dell'arb 4. 1994.

4 ICC News. International Economic Sanctions. 1 July 2015 // URL: https://iccwbo.org/media-wall/news-speeches/international-economic-sanctions/ (дата обращения: 27.12.2022).

5 DIS Arbitration. Compliance and International Sanction Regimes // URL: https://www.disarb.org/en/arbitration-and-alternative-dispute-resolution/arbitration/compliance-and-international-sanction-regimes (дата обращения: 27.12.2022).

6 *Зыков Р.* Санкции и арбитраж // URL: https://mansors.com/ru/media/blog/roadmap-sanktsii/odnostoronnie-sanktsii-i-arbitrazh.html (дата обращения: 24.12.2022).

нение функций арбитров и экспертов), а также необходимостью получения ими специальной лицензии до принятия назначения (по аналогии с юридическими представителями). Подобные лицензии могут потребоваться и арбитражным учреждениям, находящимся в юрисдикции, которая ввела санкции в отношении одной из сторон спора или связанных с нею лиц.

Вторую группу составляют проблемы, связанные с арбитражным разбирательством:

1. Сложность или невозможность очного участия в заседании представителей и свидетелей подсанкционного лица, вызванная отказом в выдаче виз, ограничениями и запретами на въезд в страну и др.

2. Возможность затягивания разбирательства, обусловленная необходимостью выполнения ряда административных шагов (получения специальной лицензии и пр.) как самими сторонами спора, так и избранными ими арбитрами, экспертами и арбитражными учреждениями.

3. Вероятность учета арбитрами санкционного законодательства, принятого в их «домашней» юрисдикции, даже когда спор рассматривается по праву государства, не принявшего санкции, или место разбирательства находится в таком государстве. Соответствующие риски обусловлены тем, что санкционное законодательство ряда стран (например, США) предусматривает ответственность (вплоть до уголовной) за нарушение или попытку обхода такого законодательства, к которой могут быть привлечены граждане и компании этих стран (включая арбитров, юридических консультантов и пр.).

К третьей группе относятся проблемы, связанные с исполнением вынесенного арбитражем решения:

1. Неопределенность в отношении признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, вынесенных в отношении подсанкционных лиц, а также решений, вынесенных российскими арбитражными учреждениями, в юрисдикциях, принявших антироссийские санкции[7].

В отсутствие в международных договорах и национальном законодательстве такого основания для отказа в исполнении решений, как наличие санкций или вынесение решения в пользу подсанкционного лица, единственным вариантом для этого является ссылка на нарушение публичного порядка (public policy) соответствующего государства, что позволяет судам не только по заявлению стороны спора, но и по своей инициативе (ex officio) рассмотреть данный вопрос. Соответствующие положения содержатся в ст. 36 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (в ред. 2006 г.), послужившего основой для принятия национального арбитражного законодательства во многих государствах, включая Россию, а также в ст. V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.

Согласно преобладающей в доктрине и практике большинства стран позиции, санкции включаются в состав публичного порядка и, соответственно, могут стать основанием для отказа в исполнении решения. Такой позиции придерживаются, в частности, отечественные суды, которые последовательно рассматривают санкционные программы Совета Безопасности ООН и российские законодательные акты о контрсанкциях как элемент публичного порядка России[8].

Вместе с тем суды США указывают на необходимость ограничительного подхода к толкованию данного понятия, в большинстве случаев отказываясь включать в него несоблюдение санкционного законодательства[9].

---

[7] *Hunt C.*, *Trehearne C.*, *Kadota E.* The Challenge of Sanctions for Arbitral Participants // URL: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2015/10/05/the-challenge-of-sanctions-for-arbitral-participants/ (дата обращения: 05.01.2023).

[8] Приводится по: *Kotelnikov A.* Economic sanctions, arbitrability and public policy // International arbitration law review. Online. 2020. 23(1). P. 25–26.

[9] Parsons & Whittemore Overseas Co. v. Societe Generale d L'Industrie du Papier (RAKTA), 508 F.2d 969 (1974) ; *Kotelnikov A.* Op. cit. P. 26.

Таким образом, ответ на вопрос о влиянии санкций на исполнение иностранных арбитражных решений зависит от того, в каком государстве будет рассматриваться данный вопрос.

2. Невозможность должника осуществлять платеж своими замороженными активами, а также невозможность осуществления платежей подсанкционному лицу, что ведет к практике так называемого отложенного исполнения, предполагающего депонирование спорной суммы и ее выплату кредитору только после отмены санкций[10].

Подход арбитражных учреждений к рассмотрению споров с участием подсанкционных лиц

Указанные выше проблемы не могли остаться без внимания со стороны арбитражного сообщества. В связи с этим многие арбитражные учреждения создали специализированные департаменты по работе с подсанкционными лицами, а также приняли разъяснения по вопросу ведения разбирательства в условиях санкций[11]. Одним из первых таких заявлений стало опубликованное в 2015 г. Международным арбитражным судом ICC, Лондонским международным третейским судом и Арбитражным институтом Торговой палаты г. Стокгольма совместное заявление, касающееся потенциального влияния санкций, введенных Европейским Союзом, на споры, администрируемые указанными арбитражными институтами[12]: «Внесение лица в санкционный список не лишает его возможности подать просьбу об арбитраже при условии соблюдения ряда административных требований, установленных в отношении такого лица или избранного им арбитража (например, обращения в государственный орган с заявлением о применении предусмотренного санкционным законодательством исключения из положения о замораживании активов, необходимых для оплаты услуг арбитров, представителей и возмещения иных издержек, связанных с оказанием юридических услуг)».

Указанное заявление, однако, не позволило решить ряд вопросов, вызванных новой волной санкций, принятых в отношении России в 2022 г. в связи с проведением специальной военной операции (СВО) на Украине. Так, принятый в рамках четвертого санкционного пакета Регламент № 2022/428 от 15.03.2022[13] устанавливает запрет прямого или косвенного участия (как в России, так и за ее пределами) в любой сделке, заключаемой с юридическим лицом или органом, принадлежащим или контролируемым Правительством РФ или Центральным банком РФ (ст. 5). В отсутствие разъяснений содержания понятия «сделка» у арбитражного сообщества возник вопрос о том, может ли в него включаться инициирование арбитражного разбирательства.

В связи с этим в мае 2022 г. шесть арбитражных учреждений (Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма, Венский международный арбитражный центр, Арбитражный институт Торговой палаты Финляндии, Швейцарский арбитражный институт, Немецкий арбитражный

---

[10] *Neuburger P.*, *Ibesich M.*, *Oblin K.* European Union: Sanctions Against Russia and International Arbitration: Four Questions and Answers // URL: https://www.mondaq.com/russianfederation/export-controls-trade-investment-sanctions/1176598/sanctions-against-russia-and-international-arbitration-four-questions-and-answers (дата обращения: 25.12.2022).

[11] ICC News. International Economic Sanctions. 1 July 2015 // URL: https://iccwbo.org/media-wall/news-speeches/international-economic-sanctions/ (дата обращения: 28.12.2022).

[12] The potential impact of the EU sanctions against Russia on international arbitration administered by EU-based institutions // URL: https://www.lcia.org // News/the-potential-impact-of-the-eu-sanctions-against-russia-on-inter.aspx (дата обращения: 26.12.2022).

[13] Council Regulation (EU) 2022/428 of 15 March 2022 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0428 (дата обращения: 28.01.2023).

институт и Арбитражная палата Милана) обратились в Европейскую комиссию с просьбой дать разъяснения по следующим вопросам:

1) подпадают ли арбитражные соглашения, разбирательства и связанные с ними юридические услуги под действие ст. 5 Регламента;

2) возможно ли (с учетом положений Регламента) продолжение уже начатых и инициирование будущих разбирательств с участием подсанкционных лиц;

3) могут ли арбитры и представители из стран — членов ЕС участвовать в таких разбирательствах[14].

В седьмом пакете санкций уточнялась сфера действия запрета, установленного в ст. 5 Регламента № 2022/428: «Сделки, необходимые для обеспечения доступа к судебному, административному и арбитражному разбирательству в государстве — члене ЕС, а также сделки по признанию и приведению в исполнение судебного или арбитражного решения, вынесенного на территории ЕС, освобождаются от режима санкций и не подпадают под действие ст. 5 Регламента № 2022/248». Соответственно, ответ на первый вопрос был отрицательным, на второй и третий — утвердительным.

Разъяснения относительно ведения разбирательств в условиях санкций были выпущены и отдельными арбитражными учреждениями.

Так, популярный у российских сторон Международный арбитражный суд ICC, расположенный во Франции (г. Париж), заявил о том, что ICC — некоммерческая неправительственная организация, подчиняющаяся требованиям французского законодательства (включая санкционное законодательство), но придерживающаяся политики нейтралитета по отношению ко всем своим пользователям, независимо от их национальной принадлежности и введенных в отношении них санкций[15].

Как следствие, в случае рассмотрения спора, связанного с санкциями, Международный арбитражный суд ICC вынужден предпринимать ряд административных шагов, предполагающих получение от подсанкционных лиц определенных сведений еще до подачи ими заявления об арбитраже и уплаты регистрационного сбора, что противоречит ожиданиям сторон спора относительно конфиденциальности и может затянуть разбирательство. К числу таких сведений относятся, в частности: 1) сведения о личности сторон и об их конечных бенефициарах; 2) сведения обо всех аффилированных компаниях сторон спора. Указанную информацию необходимо предоставлять при соблюдении одного из следующих условий: 1) одна из сторон спора либо одна из аффилированных компаний стороны спора включена в санкционный список; 2) предмет спора подпадает под санкционный режим; 3) стороны намереваются назначить арбитра, посредника или эксперта из юрисдикции, в которой были приняты санкции.

Сходным образом данный вопрос решается в Лондонском международном третейском суде (LCIA), где еще в 2014 г. было принято Руководство для участников арбитражных разбирательств, содержащее специальный раздел 20 — «Санкции, ограничительные меры и возможность продолжать арбитраж»[16]. Впоследствии положения, посвященные санкциям, были включены в обновленный в 2020 г. Регламент LCIA[17]. Согласно ст. 24A указанного документа — «Комплаенс»

[14] Sanctions against Russia — How to ensure due process of sanctioned parties in court of arbitral proceedings while at the same time enforce the sanctions regime // URL: https://www.globalarbitrationnews.com/2022/12/14/sanctions-against-russia-how-to-ensure-due-process-of-sanctioned-parties-in-court-or-arbitral-proceedings-while-at-the-same-time-enforce-the-sanctions-regime/#_ftn4 (дата обращения: 15.01.2023).

[15] ICC. International Economic Sanctions // URL: https://iccwbo.org/media-wall/news-speeches/international-economic-sanctions/ (дата обращения: 27.12.2022).

[16] LCIA Notes for Parties // URL: https://www.lcia.org/adr-services/lcia-notes-for-parties.aspx#20.%20SANCTIONS,%20RESTRICTIVE%20MEASURES%20AND%20ABILITY%20TO%20PARTICIPATE (дата обращения: 28.12.2022).

[17] LCIA Arbitration Rules. Effective 1 October 2020 // URL: https://www.lcia.org // Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx#Article%2024A (дата обращения: 29.12.2022).

(Compliance), в своей деятельности LCIA должен соблюдать все применимые к нему правила, касающиеся «запрещенной деятельности», к которой отнесено и нарушение санкционного законодательства. Во исполнение данного положения LCIA требует от сторон предоставить ему информацию и документы, касающиеся осуществления ими такой деятельности. Получив соответствующие сведения, LCIA вправе предпринять любые действия, которые сочтет необходимыми для выполнения требований законодательства (включая раскрытие информации о сторонах спора и о самом споре государственным органам и иным регуляторам (п. 11 ст. 24A)). При этом в случае возникновения у LCIA подозрений в том, что данное ему поручение или осуществляемый в его адрес платеж связаны с запрещенной деятельностью либо нарушением применимых норм права и могут повлечь за собой какие-либо негативные последствия для LCIA, он вправе отказаться от выполнения этих поручений или платежей (п. 10 ст. 24A).

Несмотря на достаточно жесткие правила, именно LCIA стал первым европейским арбитражем, получившим общую бессрочную лицензию, позволяющую совершать все необходимые действия для разрешения споров с участием подсанкционных лиц (включая возможность получения платежей от них, а также использования средств, которые ранее были внесены на депозит такими лицами)[18]. Кроме того, учитывая сложности в получении лицензий на оплату судебных и арбитражных сборов, Управление Великобритании по осуществлению финансовых санкций (OFSI) выдало общую лицензию, позволяющую юридическим представителям получать оплату от подсанкционных лиц без необходимости обращения за индивидуальной лицензией[19].

Специальные правила ведения споров с подсанкционными лицами принял и Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма (SCC), обновленный регламент[20] которого тем не менее не содержит положений, посвященных санкциям. Согласно данным правилам, SCC остается нейтральной, независимой, неполитизированной и беспристрастной площадкой по разрешению споров, которая гарантирует всем сторонам (независимо от того, введены ли в отношении них санкции) возможность подачи просьбы об арбитраже, объективность разбирательства и равное отношение. Вместе с тем, так же как и в ICC, лицо, попавшее под санкции, должно заблаговременно (то есть еще до подачи просьбы об арбитраже): 1) поставить Торговую палату г. Стокгольма в известность о споре и о своем статусе; 2) подать заявление на получение разрешения на перевод денежных средств SCC в Национальный совет Швеции по торговле (для юридических лиц) либо в Агентство социального страхования (для физических лиц). В случае положительного решения по такому заявлению подсанкционное лицо может оплатить регистрационный сбор и осуществить авансовый платеж на иные расходы, необходимые для рассмотрения спора в SCC.

Не менее интересен подход к решению данного вопроса со стороны Венского международного арбитражного центра (VIAC)[21], который использует систему проверки общедоступных веб-сайтов (включая официальные сайты сто-

[18] The LCIA procures a comprehensive, LCIA specific, general licence regarding the Belarus and Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019 // URL: https://www.lcia.org/News/lcia-procures-a-comprehensive-lcia-specific-general-licence-re.aspx (дата обращения: 14.01.2023).

[19] Sanctions against Russia — How to ensure due process of sanctioned parties in court of arbitral proceedings while at the same time enforce the sanctions regime // URL: https://www.globalarbitrationnews.com/2022/12/14/sanctions-against-russia-how-to-ensure-due-process-of-sanctioned-parties-in-court-or-arbitral-proceedings-while-at-the-same-time-enforce-the-sanctions-regime/#_ftn4 (дата обращения: 15.01.2023).

[20] SCC Arbitration Rules (вступил в силу с 1 января 2023 г.) // URL: https://sccarbitrationinstitute.se/sites/default/files/2023-01/scc_arbitration_rules_2023_eng.pdf (дата обращения: 14.01.2023).

[21] Vienna International Arbitration Centre. VIAC Rules of Arbitration and Mediation 2021 // URL: https://www.viac.eu/en/arbitration/content/vienna-rules-2021-online (дата обращения: 29.12.2022).

рон спора и иных организаций, участвующих в разбирательстве), а также внутреннюю базу данных с функцией screen-off и screen-on[22]. Кроме того, VIAC требует от сторон предоставления информации о них самих, о связанных с ними лицах и об их конечных бенефициарах. Соответствующие проверки проводятся на всех этапах разбирательства, особенно при подаче искового заявления и отзыва на иск, поскольку именно данные стадии арбитража предполагают осуществление денежных переводов в адрес VIAC, возможность которых во многом зависит от санкций.

Немецкий арбитражный центр (DIS) также создал свою систему проверки соблюдения санкций при проведении арбитражного разбирательства — Руководство по проведению санкционного комплаенса[23]. Данная система предполагает осуществление ряда дополнительных административных шагов, аналогичных требованиям LCIA, ICC и VIAC. Кроме того, Регламент DIS устанавливает ряд особых правил, применимых к разбирательствам с участием подсанкционных лиц: 1) обязательство конфиденциальности не действует в той мере, в какой разглашение требуется ввиду установленных законом или предписанных государственными органами обязанностей DIS; 2) арбитражный институт, его сотрудники, арбитры и иные связанные с DIS лица, вовлеченные в арбитражное разбирательство, не несут ответственности за действия и бездействие в связи с процедурой рассмотрения спора (за исключением случаев умышленного нарушения такими лицами возложенных на них обязанностей или грубой неосторожности)[24].

Аналогичные положения закреплены в документах Швейцарского арбитражного центра[25].

Разъяснения относительно порядка проведения разбирательства в условиях санкций опубликованы и арбитражными центрами, находящимися в странах Азии.

Так, по заявлению Сингапурского международного арбитражного центра (SIAC), он остается независимым, неполитизированным и объективным по отношению к сторонам спора институтом и введенные страной антироссийские санкции не меняют данный факт[26].

Гонконгский международный арбитражный суд (HKIAC) на своем сайте также заявляет о неполитизированности и равном отношении к сторонам, которое не меняется в зависимости от наличия или отсутствия санкций, что, однако, не означает отсутствие влияния санкций на саму процедуру рассмотрения спора. В целях разъяснения таких особенностей HKIAC подготовил специальную Политику в отношении процедур, затрагиваемых санкциями[27]. Она применяется в случаях, когда: 1) одной из сторон спора является подсанкционное лицо; 2) одной из сторон спора является физическое или юридическое лицо, связанное с подсанкционным лицом; 3) предмет спора находится под санкциями; 4) арбитр, посредник, участник дискуссии по

[22] *Knoll-Tudor I.* Paris Arbitration Week Recap: The Impact of Russian Sanctions on International Commercial Arbitration — From Arbitrability to Enforcement // URL: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2022/04/13/paris-arbitration-week-recap-the-impact-of-russian-sanctions-on-international-commercial-arbitration-from-arbitrability-to-enforcement/ (дата обращения: 29.12.2022).

[23] DIS Arbitration. Compliance and International Sanction Regimes // URL: https://www.disarb.org/en/arbitration-and-alternative-dispute-resolution/arbitration/compliance-and-international-sanction-regimes (дата обращения: 07.01.2023).

[24] Арбитражный регламент ДИС. 2018 // URL: https://www.disarb.org/en/tools-for-dis-proceedings/dis-rules#c344 (дата обращения: 08.01.2023).

[25] Swiss Arbitration Centre // URL: https://www.swissarbitration.org/centre/ (дата обращения: 09.01.2023) ; Swiss Rules of International Arbitration (Swiss Rules). 2021 // URL: https://www.swissarbitration.org/wp-content/uploads/2022/05/Swiss-Rules-2021-EN.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

[26] Singapore International Arbitration Centre // URL: https://www.siac.org.sg/ (дата обращения: 28.12.2022).

[27] HKIAC Policy on Proceedings Affected by Sanctions // URL: https://www.hkiac.org/arbitration/sanctions-policy (дата обращения: 28.12.2022).

доменным именам или назначенный HKIAC эксперт является гражданином или резидентом страны, в отношении которой введены санкции. Любое лицо, соответствующее указанным критериям, после начала разбирательства должно предоставить HKIAC следующую информацию:

— сведения о том, что в отношении стороны спора введены санкции, и информацию о режиме таких санкций;

— пояснение относительно того, могут ли санкции повлиять на способность:

а) HKIAC администрировать спор;

б) любого нейтрального лица участвовать в разбирательстве;

в) любой стороны осуществлять платежи в ходе разбирательства;

— любые иные сведения, истребуемые HKIAC.

Помимо этого, на сайте HKIAC обращается внимание на возможность возникновения у подсанкционных лиц проблем с оплатой арбитражного сбора, который обычно уплачивается в гонконгских долларах. Однако HKIAC может: а) принимать и осуществлять платежи в иной валюте; б) предоставлять банку информацию, необходимую для осуществления соответствующих операций; в) оказывать сторонам помощь в получении разрешения, требуемого для проведения арбитража.

Способы минимизации рисков, связанных с арбитражным разбирательством с участием подсанкционных лиц

Несмотря на указанные заявления и принятые арбитражными институтами меры, на практике лица, попавшие в санкционный список, сталкиваются с целым рядом сложностей. Так, по данным Российской арбитражной ассоциации (РАА), в 2022 г.:

— 21 % респондентов столкнулись с отказом арбитражных учреждений администрировать споры в отношении подсанкционных лиц;

— 38,5 % опрошенных заявили о невозможности арбитражных учреждений или работающих с ними банков принимать платежи[28];

— 18 % столкнулись с отказом арбитров принимать назначение или продолжать разбирательство по делу, в котором возник вопрос, связанный с санкциями. Особенно часто такая ситуация возникала с арбитрами из США;

— 20 % респондентов сообщили об отказах в удовлетворении исковых требований или об уменьшении присуждаемой суммы ввиду введенных в отношении истца санкций[29].

Указанные обстоятельства заставляют лиц, попавших под санкции, менять свои предпочтения в отношении арбитражного института и места арбитража. При этом существует несколько способов минимизации указанных рисков:

1. Выбор арбитражного института, находящегося в нейтральной юрисдикции, то есть юрисдикции, которая не приняла антироссийские санкции либо приняла их в ограниченном объеме, не влияющем на арбитражное разбирательство.

Так, после введения санкций российские стороны всё чаще стали отдавать предпочтение арбитражным институтам, находящимся за пределами территории ЕС, Великобритании и США. Наибольшей популярностью среди таких арбитражей пользуются HKIAC, Стамбульский (ISTAC) и Дубайский (DIAC) арбитражные центры, предлагающие сторонам современные регламенты, отражающие все основные тенденции развития арбитража (чрезвычайный арбитраж, ускоренное разбирательство, обеспечительные меры и др.) и отвечающие потребностям участников трансграничного коммерческого оборота.

Особого успеха в этом отношении добился HKIAC, регламент которого переведен на рус-

[28] Эксперты рассказали о недопуске компаний под санкциями в иностранные суды. Но по специальному закону они могут переносить такие разбирательства в Россию // URL: https://www.rbc.ru/economics/18/02/2022/620e79679a79472442ff04ca (дата обращения: 29.12.2022).

[29] Российская арбитражная ассоциация. Исследование Арбитражной ассоциации (РАА) — 2022: влияние санкций на коммерческий арбитраж // URL: https://arbitration.ru/upload/medialibrary/37b/ixea55ihan4m5dcj37s00t108tjelrpd/RAA-2022-Study-on-sanctions_rus.pdf (дата обращения: 26.12.2022).

ский язык, а в рекомендованном списке упомянуты более 30 русскоговорящих арбитров. Кроме того, Гонконг — одна из тех юрисдикций, которая не ввела санкции против российских лиц, а для въезда в страну не требуются визы. Не меньшим преимуществом юрисдикции является и тот факт, что ее правовая система основана на английском общем праве, традиционно избираемом в качестве применимого сторонами многих видов трансграничных коммерческих контрактов.

Вместе с тем передача споров на рассмотрение HKIAC, ISTAC, DIAC и иных арбитражных учреждений из стран, не принявших санкции, не гарантирует предотвращения всех тех проблем, о которых речь шла ранее в статье. Во-первых, высока вероятность того, что в исполнении решения, не учитывающего санкции, будет отказано по мотивам противоречия публичному порядку государства, которое их ввело. И вынесение решения HKIAC, ISTAC и любым иным арбитражем, расположенным за пределами государств, принявших санкции, не способно изменить этого. Во-вторых, неизменным остается нежелание банков осуществлять платежи, связанные с подсанкционными лицами, которое практически не зависит от расположения арбитражного форума.

2. Выбор ad hoc арбитража, что обусловлено его гибкостью, предполагающей возможность регламентации арбитражной процедуры самими сторонами таким образом, чтобы свести к минимуму влияние санкций.

3. Заключение альтернативных арбитражных оговорок, предусматривающих передачу споров на рассмотрение одного из европейских арбитражных институтов (к примеру, LCIA с местом арбитража в Лондоне), если и до тех пор пока в отношении любой из сторон не будут введены санкции, после чего разбирательство в LCIA подлежит прекращению, а спор должен быть передан, например, в HKIAC с местом арбитража в Гонконге.

Несмотря на кажущуюся привлекательность таких оговорок, они также порождают ряд вопросов, а именно:

— каким образом должна осуществляться передача дела из одного арбитражного учреждения в другое, если арбитраж был начат до введения санкций;

— каков статус процессуальных и иных решений, принятых первоначальным арбитражем?

Учитывая указанные сложности, сторонам, желающим минимизировать влияние возможных санкций на разбирательство, рекомендуется изначально выбирать арбитражные учреждения, находящиеся за пределами ЕС и США, и назначать арбитров из нейтральных стран.

4. Еще одним способом решения всех рассмотренных выше проблем является использование сторонами, попавшими под санкции, механизмов, предусмотренных статьями 248.1 и 248.2 АПК РФ:

а) обращение в российский арбитражный суд с заявлением о признании им своей исключительной юрисдикции по рассмотрению спора (п. 4 ст. 248.1 АПК РФ), который согласно заключенной сторонами оговорке должен передаваться на разрешение иностранного суда или арбитража[30]. Необходимым условием для этого является признание соответствующей оговорки неисполнимой, что возможно в случае введения в отношении одного из лиц, участвующих в деле, санкций, которые создают такому лицу препятствия в доступе к правосудию (например, в случае отказа избранного стороной арбитра принимать назначение или

[30] *Ярков В. В.* Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 30–31 ; *Щукин А. И.* Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: исключительная компетенция и получение экзекватуры (ч. 1) // Закон. 2021. № 1. С. 125–148 ; *Гальперин М. Л.* Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 72–81.

в случае невозможности уплаты арбитражного сбора)[31].

Исходя из судебной практики, само по себе введение в отношении российского лица санкций является достаточным основанием для признания невозможности реализации его права на судебную защиту в иностранном государстве[32]. Как следствие, заявители освобождаются от обязанности доказывания наличия фактических затруднений в реализации своего права, по крайней мере в юрисдикции, принявшей соответствующие ограничительные меры;

б) обращение в российский арбитражный суд с заявлением о запрете инициирования или продолжения разбирательства в иностранном суде или арбитраже по спорам с участием лиц, в отношении которых введены санкции (ст. 248.2 АПК РФ).

Вопрос о применении данной нормы был рассмотрен в деле РТС «“ПЕСА Быдгощ” vs “Уралтрансмаш”»[33], где спор возник из договора, содержащего арбитражную оговорку в пользу Арбитражного института SCC. Ввиду нарушения покупателем обязательств по оплате продавец подал иск в SCC. Покупатель, в свою очередь, обратился в Арбитражный суд Свердловской области с заявлением о запрете рассмотрения дела в SCC, мотивируя это тем, что в противном случае он будет вовлечен в разбирательство в иностранной юрисдикции и к нему будут применены меры ограничительного характера.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанции отказали в удовлетворении требований, отмечая необходимость доказывания невозможности исполнения арбитражного соглашения, поскольку покупатель активно участвовал в процессе и наличие ограничений не мешало ему отстаивать свою позицию. Однако Верховный Суд РФ не согласился с позицией нижестоящих инстанций, указав, что факт введения в отношении российского лица, участвующего в разбирательстве на территории иностранного государства, мер ограничительного характера достаточен для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию. Как следствие, существуют большие сомнения в том, что спор с участием подсанкционного лица будет рассмотрен с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, а значит, решение должно быть вынесено в пользу заявителя.

Как видно из приведенного примера, статья 248.2 АПК РФ предоставляет сторонам, попавшим под санкции, эффективный механизм защиты их прав. При этом часть 10 данной статьи наделяет арбитражные суды РФ (исходя из принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного и недобросовестного поведения) правом по требованию заявителя присудить ему денежную сумму, подлежащую взысканию с лица, в отношении которого вынесен запрет инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, в случае неисполнения им судебного акта об установлении такого запрета.

Таким образом, наиболее эффективными способами минимизации влияния санкций на разбирательство являются: 1) выбор арбитража, находящегося в нейтральной юрисдикции; 2) выбор ad hoc арбитража; 3) заключение альтернативных арбитражных оговорок; 4) обращение в российский арбитражный суд с заявлением о признании им своей исключительной юрисдикции по рассмотрению спора или о запрете инициирования или продолжения разбирательства в иностранном суде или арбитраже.

---

[31] *Старженецкий В. В.*, *Очирова С. Б.* Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. № 4. С. 144–167.

[32] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13.04.2021 по делу № А40-155367/20-12-1029 ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2022 по делу № А56-57238/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гальперин М. Л.* Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 1. — С. 72–81.
2. *Зыков Р.* Санкции и арбитраж // URL: https://mansors.com/ru/media/blog/roadmap-sanktsii/odnostoronnie-sanktsii-i-arbitrazh.html (дата обращения: 24.12.2022).
3. *Старженецкий В. В.*, *Очирова С. Б.* Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. — 2020. — № 4. — С. 144–167.
4. *Щукин А. И.* Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: исключительная компетенция и получение экзекватуры (ч. 1) // Закон. — 2021. — № 1. — С. 125–148.
5. *Ярков В. В.* Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. — 2021. — № 8. — С. 30–31.
6. *Hunt C.*, *Trehearne C.*, *Kadota E.* The Challenge of Sanctions for Arbitral Participants // URL: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2015/10/05/the-challenge-of-sanctions-for-arbitral-participants/ (дата обращения: 05.01.2023).
7. *Knoll-Tudor I.* Paris Arbitration Week Recap: The Impact of Russian Sanctions on International Commercial Arbitration — From Arbitrability to Enforcement // URL: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2022/04/13/paris-arbitration-week-recap-the-impact-of-russian-sanctions-on-international-commercial-arbitration-from-arbitrability-to-enforcement/ (дата обращения: 29.12.2022).
8. *Kotelnikov A.* Economic sanctions, arbitrability and public policy // International arbitration law review. Online. — 2020. — № 23 (1). — P. 19–39.
9. *Neuburger P.*, *Ibesich M.*, *Oblin K.* European Union: Sanctions Against Russia and International Arbitration: Four Questions and Answers // URL: https://www.mondaq.com/russianfederation/export-controls-trade-investment-sanctions/1176598/sanctions-against-russia-and-international-arbitration-four-questions-and-answers (дата обращения: 25.12.2022).
10. *Szabados T.* EU Economic Sanctions in Arbitration // Journal of International Arbitration. — 2018. — Vol. 35. — Iss. 4. — P. 439–461.

Материал поступил в редакцию 30 января 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Galperin M. L. Bitva yurisdiktsiy: est li protsessualnoe oruzhie u rossiyskikh sudov? Kommentariy k izmeneniyam, vnesennym v APK RF Federalnym zakonom ot 08.06.2020 № 171-FZ // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 1. — S. 72–81.
2. Zykov R. Sanktsii i arbitrazh // URL: https://mansors.com/ru/media/blog/roadmap-sanktsii/odnostoronnie-sanktsii-i-arbitrazh.html (data obrashcheniya: 24.12.2022).
3. Starzhenetskiy V. V., Ochirova S. B. Vliyanie sanktsiy na razreshenie vneshneekonomicheskikh sporov: sokhranenie status quo ili poisk alternativnykh yurisdiktsiy? // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2020. — № 4. — S. 144–167.

[33] Определение Верховного Суда РФ от 26.04.2022 № 86-ПЭК22 по делу № А60-36897/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Shchukin A. I. Sovershenstvovanie rossiyskogo sudoproizvodstva v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy: isklyuchitelnaya kompetentsiya i poluchenie ekzekvatury (ch. 1) // Zakon. — 2021. — № 1. — S. 125–148.
5. Yarkov V. V. Zashchita lits, nakhodyashchikhsya pod ogranichitelnymi merami: novye vozmozhnosti // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2021. — № 8. — S. 30–31.
6. Hunt C., Trehearne C., Kadota E. The Challenge of Sanctions for Arbitral Participants // URL: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2015/10/05/the-challenge-of-sanctions-for-arbitral-participants/ (data obrashcheniya: 05.01.2023).
7. Knoll-Tudor I. Paris Arbitration Week Recap: The Impact of Russian Sanctions on International Commercial Arbitration — From Arbitrability to Enforcement // URL: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2022/04/13/paris-arbitration-week-recap-the-impact-of-russian-sanctions-on-international-commercial-arbitration-from-arbitrability-to-enforcement/ (data obrashcheniya: 29.12.2022).
8. Kotelnikov A. Economic sanctions, arbitrability and public policy // International arbitration law review. Online. — 2020. — № 23 (1). — P. 19–39.
9. Neuburger P., Ibesich M., Oblin K. European Union: Sanctions Against Russia and International Arbitration: Four Questions and Answers // URL: https://www.mondaq.com/russianfederation/export-controls-trade-investment-sanctions/1176598/sanctions-against-russia-and-international-arbitration-four-questions-and-answers (data obrashcheniya: 25.12.2022).
10. Szabados T. EU Economic Sanctions in Arbitration // Journal of International Arbitration. — 2018. — Vol. 35. — Iss. 4. — P. 439–461.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.148-159

А. Н. Нугманова*

Реализация прав человека в международных инвестиционных правоотношениях: отдельные вопросы практики разрешения споров

Аннотация. Статья посвящена отдельным положениям комплексного исследования реализации прав человека в международных инвестиционных правоотношениях. Автором предпринята попытка раскрыть актуальность осуществляемого исследования и оценить значение взаимодействия международного инвестиционного права и международного права прав человека в современных реалиях. В рамках статьи раскрываются основные варианты взаимодействия международного инвестиционного права и международного права прав человека как в материальном, так и в процессуальном аспекте. Основное внимание автор акцентирует на практике разрешения международных инвестиционных споров в отношении действий принимающего государства со ссылкой на защиту прав человека как одном из вариантов проявления взаимосвязи двух отраслей международного публичного права. Автор выявляет существующие закономерности в практике разрешения инвестиционных споров. В качестве ключевого вывода выдвигается идея о возможности обобщения результатов гармоничной интерпретации (толкования) и формирования соответствующей единой правовой базы норм международного публичного права с целью ее последующего гармоничного применения.

Ключевые слова: международное инвестиционное право; международное право прав человека; международные инвестиционные правоотношения; международный инвестиционный спор; инвестиционный арбитраж; права человека; мирное разрешение споров; международное публичное право; право; актуальные проблемы.

Для цитирования: *Нугманова А. Н.* Реализация прав человека в международных инвестиционных правоотношениях: отдельные вопросы практики разрешения споров // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 148–159. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.148-159.

Implementation of Human Rights in International Investment Legal Relations: Selected Issues of Dispute Resolution Practice

Aliya N. Nugmanova, Postgraduate Student, Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
Bolshaya Cheremushkinskaya ul., d. 34, Moscow, Russia, 117218
alyanug@icloud.com

Abstract. The paper covers certain provisions of a comprehensive study of the implementation of human rights in international investment legal relations. The author attempted to reveal the relevance of the ongoing research

© Нугманова А. Н., 2023

* *Нугманова Алия Наилевна*, аспирант кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Большая Черемушкинская ул., д. 34, г. Москва, Россия, 117218
alyanug@icloud.com

and assess the significance of the interaction between international investment law and international human rights law in modern realities. The paper reveals the main options for the interaction of international investment law and international human rights law, both in material and procedural aspects. The author focuses on the practice of resolving international investment disputes in relation to the actions of the host state with reference to the protection of human rights as one of the options for manifesting the relationship between the two branches of public international law. The author reveals the existing patterns in the practice of resolving investment disputes. As a key conclusion, the author puts forward the idea that it is possible to generalize the results of a harmonious interpretation (construction) and the formation of an appropriate unified legal framework for the norms of international public law with a view to its subsequent harmonious application.

Keywords: international investment law; international human rights law; international investment legal relations; international investment dispute; investment arbitration; human rights; peaceful resolution of disputes; public international law; law; current problems.

Cite as: Nugmanova AN. Realizatsiya prav cheloveka v mezhdunarodnykh investitsionnykh pravootnosheniyakh: otdelnye voprosy praktiki razresheniya sporov [Implementation of Human Rights in International Investment Legal Relations: Selected Issues of Dispute Resolution Practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):148-159. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.148-159. (In Russ., abstract in Eng.).

Накопление в мировых денежных центрах огромных капиталов, намного превышающих возможности для внутреннего инвестирования, привело к значительному увеличению потока международных инвестиций по всему земному шару. Всевозрастающее значение международных инвестиционных правоотношений в мирном взаимопроникновении правовых систем, рост влияния коммерческих субъектов на права человека (далее — ПЧ) демонстрирует всё больший дисбаланс между международными инвестиционными правоотношениями и ПЧ, что, в свою очередь, определяет важность дискуссии о взаимосвязи и взаимодействии международного права прав человека (далее — МППЧ) и международного инвестиционного права (далее — МИП), о роли и ответственности субъектов МИП в отношении ПЧ, а также приводит к включению вопроса о реализации ПЧ в международных инвестиционных правоотношениях как в материальном, так и в процессуальном аспекте.

Связь и взаимодействие между ПЧ и МИП достаточно сложные. Глобализация мировой экономики привела к расширению корпоративной деятельности в иностранных государствах, которые приватизировали многие сферы государственного сектора и общественной деятельности и передали управление такой деятельностью иностранным инвесторам, которым для облегчения таких инвестиций была предоставлена защита в виде различных стандартов обращения. В результате усилилось воздействие иностранных инвесторов на здоровье населения и права́ человека в целом.

Взаимосвязь МППЧ и МИП проявляется в нескольких контекстах и направлениях. С точки зрения МИП существуют два общих подхода к материальному праву: ссылки на МППЧ могут использоваться для поддержки или расширения требований инвесторов или для усиления защиты государством своих действий, предпринимаемых с целью уважения, защиты и осуществления ПЧ. Точно так же МИП можно рассматривать с точки зрения МППЧ двумя способами: требования МИП в том виде, в котором они толкуются и применяются международными инвестиционными арбитражами (трибуналами) (далее также — инвестиционный арбитраж, трибунал), могут рассматриваться как ограничения способности государства уважать, защищать и осуществлять ПЧ или как укрепление индивидуальных прав инвесторов в соответствии с МИП. Взаимодействие МППЧ и МИП охватывает более широкий круг ПЧ и правообладателей, поскольку соответствующие конфликты обычно затрагивают большее число людей, что очевидно из споров, касающихся международных инвестиций, связанных с водоснабжением и услугами иностранных инвесторов.

Различные аспекты взаимодействия в материальном праве в целом соответствуют вариа-

циям процедурных установок в практике разрешения споров между инвесторами и государствами. Во-первых, государство может ссылаться на ПЧ, защищая свои действия или выдвигая встречные иски против инвестора. Во-вторых, ПЧ могут быть использованы самим инвестором для поддержки или дополнения собственных требований. В-третьих, ПЧ могут быть предметом краткого обзора инвестиционного арбитража. В-четвертых, они могут быть рассмотрены инвестиционным арбитражем независимо от аргументов сторон.

Практика разрешения споров в отношении действий принимающего государства со ссылкой на защиту ПЧ и дальнейшие перспективы развития этого вопроса составляют интерес автора настоящей статьи.

За последнее десятилетие имели место многочисленные случаи, когда государства пытались защитить принятые ими меры, нарушающие положения двусторонних инвестиционных договоров (ДИД), со ссылкой на защиту ПЧ. Однако защита либо не была полностью обсуждена, либо не была принята[1].

Дело *Philip Morris v. Uruguay*[2] служит примером знаменательного арбитражного решения, в котором суд отдал предпочтение мерам общественного здравоохранения вопреки коммерческим интересам инвестора. Разрешение дела, которое повлияло на международную судебную практику, заняло 6 лет. Международный Центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) вынес решение в пользу Уругвая, вынудив истца оплатить расходы ответчиков и суда. В окончательном отчете было установлено, что компания Philip Morris должна была выплатить стране 7 млн долл. за судебные расходы в дополнение к выплате различных сумм за гонорары и административные расходы трех арбитров и CADI.

Есть несколько других примеров, когда принимающие государства ссылались на внутренние положения в области ПЧ и охраны окружающей среды в арбитражных разбирательствах против инвестора. Наиболее важным делом в этом отношении является дело *Pac Rim v. El Salvador*[3], где трибунал постановил, что государство может издавать нормативные акты для обеспечения соблюдения внутреннего конституционного требования устойчивого развития, несмотря на существование ДИД. Трибунал отклонил требование многонациональной горнодобывающей компании к правительству Сальвадора выплатить 250 млн долл. в качестве компенсации за отказ разрешить ей добывать золото в крошечной центральноамериканской стране, где лозунг «Нет добыче, да жизни» стал национальным лозунгом. Трибунал, который постановил, что дело Oceana Gold было необоснованным, также обязал фирму выплатить правительству Сальвадора 8 млн долл. для покрытия большей части судебных издержек страны.

В других делах, таких как *Al Tamimi v. Oman* и *Perenco v. Ecuador*[4], арбитры приняли довод принимающего государства относительно защиты ПЧ и окружающей среды и вынесли решение против инвестора.

Хотя может показаться, что принимающие государства успешно подавали иски о ПЧ и защите окружающей среды в инвестиционных арбитражах, таких случаев слишком мало, чтобы делать обобщения. Если некоторые государства могут успешно использовать аргументы в пользу права на воду и права на окружающую среду, почему нельзя успешно отстаивать право на защиту культурного наследия, право на леса или право на свободу вероисповедания? Однако очевидно, что трибуналы вряд ли придут к таким выводам самостоятельно, и это в значительной степени зависит от того, представят

[1] Azurix Corp. v. The Argentine Republic (I) (ICSID Case No. ARB/01/12).

[2] Philip Morris Brand Sàrl (Switzerland), Philip Morris Products S. A. (Switzerland) and Abal Hermanos S. A. (Uruguay) v. Oriental Republic of Uruguay (ICSID Case No. ARB/10/7).

[3] Pac Rim Cayman LLC v. Republic of El Salvador (ICSID Case No. ARB/09/12).

[4] Adel A Hamadi Al Tamimi v. Sultanate of Oman (ICSID Case No. ARB/11/33) ; Perenco Ecuador Limited v. Republic of Ecuador (Petroecuador) (ICSID Case No. ARB/08/6).

ли спорящие стороны аргументы в защиту ПЧ в свою поддержку[5].

Как только государство приводит аргументы в защиту ПЧ в поддержку своей позиции, у арбитров по соображениям совести нет иного выбора, кроме как сосредоточиться на этих вопросах. Трибуналы готовы откликнуться на позицию сторон, когда дела полностью аргументированны и имеются качественные доказательства для вынесения решения в пользу иска о ПЧ[6]. Инвестиционные арбитражи не прочь принять к сведению отчеты экспертов, исследования по оценке состояния окружающей среды, антропологические отчеты и пр. и придают им достаточную доказательную ценность при принятии решения.

Следовательно, принимающее государство несет ответственность за то, чтобы должным образом сформулировать свои аргументы в отношении претензий в области ПЧ и надлежащим образом подкрепить их вескими и релевантными доказательствами, вместо того чтобы полагаться на риторику. Кроме того, когда говорится о нарушении ПЧ инвестором, трибуналы могут интересоваться, среди прочего, общей картиной поведения стороны, предшествующими событиями и предыдущей историей нарушений. Например, в деле *Philip Morris v. Uruguay*[7] трибунал принял во внимание аргументы Уругвая о том, что во всей государственной политике Уругвая приоритет имеют меры общественного здравоохранения, а инвестор их игнорирует. Наконец, суды могут также расследовать законность действий государства: государство, которое само является соучастником нарушения ПЧ, не может успешно обращаться с претензиями в этой области. Следовательно, государства должны проявлять серьезность в продвижении своих аргументов в инвестиционном арбитраже.

Следует отметить, что государства часто проявляют консервативный подход к искам о ПЧ в трибуналах. Разрешение правозащитным организациям участвовать в качестве amicus curiae поможет трибуналу всесторонне оценить основную проблему в области ПЧ. Например, в деле *Methanex v. USA*[8] впервые было замечено участие НПО. Компания Methanex Corporation, канадский маркетолог и дистрибьютор метанола, подала иск в арбитраж в соответствии с регламентом ЮНСИТРАЛ от своего имени в связи с предполагаемым ущербом, причиненным в результате калифорнийского запрета на использование или продажу в Калифорнии присадки к бензину МТБЭ. Трибунал отклонил все претензии, а также обязал Methanex оплатить судебные издержки Соединенных Штатов и арбитражные расходы в размере около 4 млн долл. Та же тенденция сохраняется во многих других арбитражных делах по международным инвестиционным спорам, таких как *Glamis Gold v. USA*[9]. Трибунал отклонил иск компании Glamis Gold в полном объеме и обязал ее оплатить две трети арбитражных издержек.

Существует тонкая грань между исками о ПЧ, поданными НПО в суды в порядке amicus curiae, и исками частных лиц принимающего государства к инвесторам. В первом случае они не являются стороной арбитража и действуют только как друзья трибунала в той мере, в какой они проводят лучший и более детальный анализ вопроса, техническую экспертизу и дают целостный взгляд на проблему. Во втором случае юридическое лицо само является стороной арбитража и может предъявлять претензии.

---

5 *Karamanian S. L.* The Place of Human Rights in Investor-State Arbitration // Lewis & Clark Law Review. 2013. Vol. 17. № 2. P. 423.

6 Pac Rim Cayman LLC v. Republic of El Salvador (ICSID Case No. ARB/09/12).

7 Philip Morris Brand Sàrl (Switzerland), Philip Morris Products S. A. (Switzerland) and Abal Hermanos S. A. (Uruguay) v. Oriental Republic of Uruguay (ICSID Case No. ARB/10/7).

8 Barton Legum, NAFTA Chapter Eleven Arbitral Tribunal: Methanex Corporation v. United States of America, Final Award on Jurisdiction and Merits — Introductory Note to Methanex Corporation v. United States of America — May 23, 2005, 44(6) ILM 1343.

9 Glamis Gold Ltd. v. United States, Award, 48 ILM 1035 (June 8, 2009).

В каждом обществе есть «борцы за ПЧ», которые могут взять на себя эту роль, чтобы подать в суд на инвесторов всякий раз, когда всплывают обвинения в нарушении ПЧ.

Такой механизм помогает гражданскому обществу выполнять свою обязанность по проверке нарушений в области ПЧ путем непосредственного участия в инвестиционном арбитраже, обеспечивая тем самым эффективное правоприменение.

Можно выявить три различных ответа на действия принимающего государства в защиту ПЧ.

1. Уклонение. Первым приемом, применяемым трибуналами в ответ на защиту ПЧ, является уклонение, означающее, что трибунал игнорирует аргумент или не оценивает его.

В деле *Azurix v. Argentina (I)*[10] трибунал отметил, что «этот вопрос не был полностью аргументирован, и суд не понимает несовместимости» между законодательством о правах человека и договором о защите инвестиций. В деле *Siemens v. Argentina*[11] трибунал постановил, что защита ПЧ «не была разработана Аргентиной. Трибунал считает, что без дополнительной проработки и обоснования сторонами это не аргумент, который, на первый взгляд, имеет какое-либо отношение к существу данного дела». В деле *Vivendi v. Argentina (I)*[12] Аргентина подала жалобу в комитет по аннулированию, что трибунал «проигнорировал фундаментальные вопросы между сторонами», включая вопрос о «праве на воду как важнейшем праве человека», который не обсуждался в решении. Комитет, однако, отклонил просьбу об аннулировании.

В нескольких других случаях суды сочли, что поднятые вопросы ПЧ не нуждаются в разрешении, даже если они каким-то образом связаны с делом. В деле *Glamis Gold v. USA*[13] одна из сторон, не участвовавшая в споре, индейская нация кечан, в значительной степени опиралась на МППЧ. В своем решении трибунал постановил: «Трибунал осознает, что решения по этому разбирательству ожидали частные и государственные организации, занимающиеся экологическим регулированием, интересами коренных народов и иногда возникающей напряженностью между частными правами на собственность и необходимостью государства регулировать использование собственности. Эти вопросы широко обсуждались в данном деле и были рассмотрены Трибуналом. Однако, учитывая активы Трибунала, Трибунал не обязан решать многие из наиболее спорных вопросов, поднятых в ходе этого разбирательства».

В деле *Bernhard von Pezold and Others v. Zimbabwe* и *Border Timbers Ltd and Others v. Zimbabwe*[14] трибунал отклонил ходатайство amicus curiae различных общин коренных народов, которые утверждали, что эти дела поднимают «критические вопросы международного права в области ПЧ». Трибунал не согласился с утверждением заявителей о том, что «МИП и МППЧ взаимозависимы, так что любое решение <…>, в котором не учитывалось содержание международных норм в области ПЧ, было бы юридически неполным». По мнению трибунала, «предполагаемые права общин коренных народов» не попадали в сферу действия спора.

Уклонение от уплаты налогов стало распространенным ответом на защиту ПЧ в инвестиционном арбитраже. Это может быть результатом того, как стороны аргументировали дело, или просто из соображений удобства. Взаимосвязь между МППЧ и МИП является сложным и противоречивым вопросом, поэтому, возможно, неудивительно, что суды уклоняются от выне-

[10] Azurix Corp. v. The Argentine Republic (I) (ICSID Case No. ARB/01/12).

[11] Siemens A. G. v. The Argentine Republic (ICSID Case No. ARB/02/8).

[12] Compañía de Aguas del Aconquija S. A. and Vivendi Universal S. A. (formerly Compañía de Aguas del Aconquija, S.A. and Compagnie Générale des Eaux) v. Argentine Republic (I) (ICSID Case No. ARB/97/3).

[13] Glamis Gold Ltd. v. United States, Award, 48 ILM 1035 (June 8, 2009).

[14] Bernhard von Pezold and Others v. Zimbabwe, (ICSID ARB/10/15); Border Timbers Ltd and Others v. Zimbabwe (ICSID ARB/10/25).

сения подробных заявлений[15]. В то же время уклонение от уплаты налогов может подтвердить распространенное мнение о том, что инвестиционные арбитражи нечувствительны к проблемам ПЧ. По этой причине, возможно, было бы предпочтительнее, чтобы хорошо аргументированная защита ПЧ получила надлежащий ответ от трибунала.

2. Гармоничное толкование. В соответствии с согласованным подходом трибунал интерпретирует применимую норму инвестиционного договора в свете МППЧ или наоборот. Таким образом, удается избежать конфликта между двумя полями. Как отмечается в Докладе Комиссии международного права о фрагментации, толкование договорных положений и разрешение очевидных коллизий норм являются частью одного и того же процесса, поскольку «нормы кажутся совместимыми или противоречащими друг другу в результате толкования»[16]. Правовую основу для гармоничного толкования инвестиционным арбитражем можно найти в положениях применимого права, которые включают международное право, или в принципе системной интеграции[17].

Статья 31(3) Венской конвенции о праве международных договоров предусматривает, что при толковании договора должны приниматься во внимание вместе с контекстом «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами»[18]. По общему мнению, статья 31 отражает обычное международное право, поэтому она применяется даже в тех случаях, когда участники договора не являются участниками Венской конвенции.

Системная интеграция опирается на две презумпции: согласно *позитивной презумпции* международное право обеспечивает нормативную базу для вопросов, которые не разрешаются данным договором; согласно *негативной презумпции* договаривающиеся государства не намерены действовать вразрез с общим международным правом или предыдущими договорными обязательствами по отношению к третьим государствам. При использовании ст. 31(3)(c) или отраженной в ней нормы обычного права судья не применяет другой договор, а использует его в качестве инструмента для толкования договора, который он обязан применять. Это различие — между толкованием одного договора посредством положений другого и применением последнего договора — является тонким, но его необходимо поддерживать[19].

Принцип системной интеграции предполагает, что инвестиционные арбитражи могут толковать инвестиционные договоры в свете других норм международного права. Иски по инвестиционным договорам являются исками по международному праву, и именно международное право необходимо применять для толкования договоров как порождений международного права[20]. В то же время статья 31(3)(c) не оправдывает обращение к какой-либо норме международного права для руководства процессом толкования: могут быть приняты во внимание только «соответствующие» правила, которые «применимы в отношениях между сторонами»[21]. Это явно гибкие элементы, которые оставляют место для дискуссий. Если критерий «уместности» предназначен для включения только правил, имеющих тот же предмет, что и

---

15 *Dupuy P.-M.*, *Francioni F.*, *Petersmann E. U.* Human Rights in International Investment Law and Arbitration. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 59.

16 Report of the Study Group of the International Law Commission, UN Doc A/CN.4/L.682.

17 *Kjos E.* Applicable Law in Investor-State Arbitration: The Interplay between National and International Law. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 274.

18 Art 31(3)(c) specifically, Oil Platforms (Iran v. United States), ICJ, Judgment of 6 November 2003, para 41.

19 *Gardiner R.* Treaty Interpretation // Oxford International Law Library. 2008. P. 320.

20 Marfin Investment Group Holdings SA, Alexandros Bakatselos and Others v. Cyprus, (ICSID ARB/13/27).

21 *McLachlan C.* The principle of systemic integration and article 31(3)(c) of the Vienna Convention // International & Comparative Law Quarterly. 2005. Vol. 54. № 2. P. 279–320.

ДИД, положения договоров по ПЧ, вероятно, не будут квалифицироваться как соответствующие правила.

Тем не менее общепризнанно, что критерий «уместности» следует понимать более широко и не обязательно исключающим нормы из других областей международного права. Требование о том, что соответствующие нормы должны быть «применимы в отношениях между сторонами», также вызвало некоторые дебаты. Тем не менее независимо от чьего-либо толкования этого элемента он, по крайней мере, будет охватывать договоры по ПЧ, которые являются обязательными для обоих государств — участников соответствующего ДИД.

Решение Комитета по аннулированию по делу *Tulip Real Estate v. Turkey*[22] недвусмысленно поддержало принцип системной интеграции в отношении МППЧ, хотя и не в контексте защиты ПЧ. В Комитете инвестор утверждал, что применение ст. 52(1)(d) Конвенции МЦУИС, которая разрешает аннулирование в случае «серьезного отклонения от основополагающего правила процедуры», должно основываться на документах по правам человека и судебной практике. Комитет согласился. В решении отмечалось, что «широко распространено мнение о том, что интеграция МППЧ в МИП является важной задачей». Обсудив принцип системной интеграции, Комитет пришел к выводу, что «положения документов по ПЧ, касающиеся права на справедливое судебное разбирательство и любой судебной практики в этой связи, имеют отношение к толкованию концепции основополагающего правила процедуры, используемого в ст. 52(1)(d) Конвенции МЦУИС. Это делается не для того, чтобы добавлять обязательства, не относящиеся к Конвенции МЦУИС. Скорее, обращение с этой целью к авторитетам, относящимся к области ПЧ, является законным методом толкования договоров».

Если обращение к МППЧ является законным для толкования ссылок на процессуальное правосудие в Конвенции МЦУИС, то, по-видимому, столь же законным является обращение к МППЧ при толковании основных положений инвестиционных договоров[23].

Некоторые суды приняли довольно удобный подход к согласованию в ответ на защиту ПЧ, выдвинутую государствами-ответчиками. В деле *CMS v. Argentina*[24] респондент утверждал, что, поскольку «экономический и социальный кризис, затронувший страну, поставил под угрозу основные ПЧ, ни один инвестиционный договор не может иметь преимущественной силы, поскольку это было бы нарушением таких конституционно признанных прав». Трибунал постановил, что коллизии между CMS, с одной стороны, и Конституцией Аргентины и МППЧ — с другой, не было по следующим причинам: «Во-первых, потому что Конституция тщательно защищает право на собственность, так же как и договоры о ПЧ, а во-вторых, потому что при рассмотрении оспариваемых сторонами вопросов не возникает вопроса об ущемлении основных ПЧ». Комментируя этот вкратце аргументированный вывод, Люк Эрик Петерсон заметил, что трибунал, «по-видимому, игнорирует опасения, высказанные в отношении воздействия аргентинского финансового кризиса на ПЧ, используя следующий силлогизм: собственность — это право человека; инвестиционные договоры защищают собственность; следовательно, инвестиционные договоры — это договоры, которые защищают, а не ущемляют права»[25].

Более убедительный способ согласования договоров об инвестициях и договоров о ПЧ может указывать на то, что оба типа договоров предоставляют государствам значительную свободу действий в отношении того, как они выполняют свои обязательства. Общепризнано, что применение широких стандартов в области ПЧ

[22] Tulip Real Estate Investment and Development Netherlands B. V. v. Republic of Turkey (ICSID Case No. ARB/11/28).

[23] Urbaser S. A. and Consorcio de Aguas Bilbao Biskaia, Bilbao Biskaia Ur Partzuergoa v. Argentine Republic (ICSID Case No. ARB/07/26).

[24] CMS Gas Transmission Company v. The Argentine Republic (ICSID Case No. ARB/01/8).

[25] *Peterson L. E.* Human Rights and Bilateral Investment Treaties. Mapping the Role of Human Rights Law within Investor-State Arbitration // Int'l Centre for Human Rights and Democratic Development. 2009. P. 43.

к конкретным политическим, экономическим и социальным обстоятельствам допускает различные решения. Кроме того, большинство ПЧ, на которые можно ссылаться в арбитражных спорах между инвесторами и государствами, кодифицированы в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах[26]. Пункт 1 ст. 2 данного Пакта предусматривает, что «каждое государство — участник настоящего пакта обязуется принимать меры… в максимальных пределах имеющихся у него ресурсов с целью достижения целей и задач, поставленных в настоящем Пакте».

Принцип «постепенной реализации» при условии «наличия ресурсов» затрудняет вывод точных обязательств из положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, к которым он применяется, учитывая многогранный характер большинства этих обязательств и предоставляемую государствам свободу действий в отношении средств, с помощью которых они могут их выполнять[27]. Аналогичный аргумент можно привести в отношении общих положений инвестиционных договоров. Учитывая открытые формулировки, содержащиеся во многих из этих положений, часто считалось, что они предоставляют широкую политическую свободу, устанавливая лишь минимальные стандарты для принимающих государств. Как только договоры о ПЧ и инвестиционные договоры будут поняты таким образом, судьям не должно быть трудно интерпретировать их положения в свете друг друга и избегать коллизий норм.

В деле *Suez and Interagua v. Argentina*[28] трибунал пришел к выводу, что обязательства Аргентины по МИП и МППЧ не противоречат друг другу: «Аргентина подчиняется обоим международным обязательствам, то есть ПЧ и договорным обязательствам, и должна уважать их в равной степени. При обстоятельствах этих дел обязательства в области ПЧ и обязательства по инвестиционному договору не являются несовместимыми, конфликтующими или взаимоисключающими. Таким образом, Аргентина могла бы соблюдать оба типа обязательств».

По мнению трибунала, «Аргентина могла бы попытаться применить более гибкие средства для обеспечения бесперебойного водоснабжения и канализации жителей Буэнос-Айреса и в то же время соблюдать свои обязательства по справедливому и равноправному обращению». Например, чтобы компенсировать вредные последствия замораживания тарифов, Аргентина могла бы освободить инвесторов от некоторых их договорных обязательств. Более того, «если бы Аргентина была заинтересована в защите бедных от повышения тарифов, она могла бы разрешить повышение тарифов для других потребителей при применении социального тарифа или субсидии для бедных — решение, явно разрешенное нормативно-правовой базой».

Другими словами, свобода действий, предоставленная Аргентине как в соответствии с МППЧ, так и в соответствии с МИП, позволяла находить решения, которые соответствовали бы обоим режимам. Суд также отклонил претензии Аргентины о том, что ее обязательства по инвестиционному законодательству противоречат ее обязательствам в области ПЧ. Он не смог понять, почему отказ Аргентины пересмотреть тарифы «был необходим для обеспечения ПЧ»[29], особенно после восстановления экономики.

В деле *SAUR v. Argentina*[30] суд счел, что МППЧ является «одним из различных источников», которые следует принимать во внимание как часть конституционного правопорядка Аргентины и общих принципов международного права. Тем не менее, по мнению суда, осуществление государственных полномочий, необходимых для

[26] James and others v the United Kingdom (ECHR 8793/79).

[27] Committee on Economic, Social and Cultural Rights, 'General Comment 3: The Nature of State Parties' Obligations (Art. 2, para. 1 of the Covenant), UN Doc E/1991/23.

[28] Suez, Sociedad General de Aguas de Barcelona, S.A. and Interagua Servicios Integrales de Agua, S.A. v. Argentine Republic (ICSID Case No. ARB/03/17).

[29] EDF v. Argentina (n 28) para 914.

[30] SAUR International v. Argentine Republic (ICSID Case No. ARB/04/4).

гарантии его населению прав на воду, было совместимо с правами инвестора в соответствии с APRI, применимым законом. Основное право на воду и право инвестора на пользование защитой, предлагаемой APRI, действуют на разных уровнях: компания, предоставляющая основные общественные услуги, находится в ситуации зависимости от государственной администрации, которая имеет особые полномочия гарантировать их пользование, в силу суверенитета основного права на воду; но осуществление этих полномочий не является абсолютным и, «напротив, должно сочетаться с уважением прав и гарантий, предоставляемых иностранному инвестору в соответствии с APRI».

Окончательный вывод арбитража состоял в том, что оба набора обязательств следует рассматривать вместе, а не противопоставлять. Трибунал счел, что основополагающее право на воду не предоставляет никаких абсолютных полномочий государству. Скорее, полномочия Аргентины должны осуществляться в соответствии с ее обязательствами по ДИД.

Подход, принятый трибуналом, представляет собой пример согласования, который послужил делу инвестора: право человека, на которое ссылалось принимающее государство, было истолковано в свете применимого инвестиционного договора, даже если ответчик добивался противоположного эффекта, а именно толкования инвестиционного договора в свете ПЧ.

За последнюю форму согласования выступали не только государства-респонденты, но и Верховный комиссар ООН по правам человека: «Хотя ПЧ не должны служить щитом для защиты от необоснованного протекционизма, административных сбоев или несправедливого обращения, они также не должны подчиняться исключительно экономическим расчетам. Следовательно, будет важно обеспечить, чтобы при толковании этих и других положений инвестиционных соглашений права человека и экологические соображения занимали центральное место в их обосновании, где это уместно»[31].

Отсылку к ПЧ можно найти в деле *Sawhoyamaxa Indigenous Community v. Paraguay*[32]. В этом деле Суд установил, что Парагвай нарушил свои обязательства по многочисленным положениям Межамериканской конвенции о ПЧ, включая ст. 21 (право на собственность). Следовательно, Суд потребовал от государства-ответчика «официально и физически передать членам общины их традиционные земли».

Тем не менее эти земли принадлежали и были заняты рядом немецких граждан, и между Германией и Парагваем действовало соглашение, в соответствии с которым владельцы могли требовать, если они сами были лишены своей собственности. Суд, однако, отметил, что ДИД допускает экспроприацию в «общественных целях или интересах», что может оправдать реституцию земли коренному народу. Суд предположил, что требование «общественной цели или интереса», налагаемое ДИД, следует рассматривать в свете Межамериканской конвенции. Следовательно, Парагвай мог выполнить свои второстепенные, если не первичные обязательства по обоим договорам: путем реституции в одном случае (в соответствии с Американской конвенцией) и выплаты компенсации в другом (в соответствии с германо-парагвайским соглашением).

3. Определение приоритетов. Третий ответ на защиту ПЧ заключается в установке приоритета правила из одной области над правилом из другой области. Принимающие государства, ссылающиеся на защиту ПЧ, обычно исходят из того, что договоры о ПЧ должны иметь преимущественную силу над ДИД[33].

В деле *Azurix v. Argentina (I)*[34] от имени Аргентины утверждалось, что «конфликт между ДИД и договорами в области ПЧ должен быть

[31] UN High Commissioner for Human Rights, 'Human Rights, Trade and Investment', Report of 2 July 2003, E/CN.4/Sub.2/2003/9.

[32] Sawhoyamaxa Indigenous Community v. Paraguay (n 81) para 215.

[33] *Joseph S.* Human rights bodies have repeatedly confirmed this // The Oxford Handbook of International Human Rights Law. Oxford : Oxford, 2013. P. 356.

[34] Azurix Corp. v. The Argentine Republic (I) (ICSID Case No. ARB/01/12).

разрешен в пользу ПЧ». Аналогичная позиция была занята в деле *Sawhoyamaxa Indigenous Community v. Paragua*[35]: «Суд считает, что приведение в исполнение двусторонних коммерческих договоров сводит на нет оправдание несоблюдения обязательств государства по Американской конвенции; напротив, их приведение в исполнение всегда должно быть совместимо с Американской конвенцией, которая является многосторонним договором о ПЧ, которые выделяются в отдельный класс и которые порождают права для отдельных людей и не зависят полностью от взаимности между государствами».

Даже притом, что у кого-то может возникнуть интуитивное ощущение, что обязательства в области ПЧ должны превалировать над обязательствами по защите инвестиций, в договорном праве, по-видимому, для этого нет оснований. Если соответствующие нормы в области ПЧ не представляют собой jus cogens (в этом случае, если бы между двумя договорами существовала коллизия, ДИД был бы недействительным), трудно понять, почему различный характер двух договоров должен отдавать договору в области ПЧ нормативное преимущество перед ДИД[36]. Erga omnes, или многосторонний характер обязательств в области ПЧ, не обязательно придает им более высокий нормативный статус, чем двусторонние обязательства по защите инвестиций.

Вместо этого, предполагая, что ничто в договорах не касается этого вопроса, суды могли бы прибегнуть к общим принципам, таким как lex specialis или lex posterior, но их полезность на практике представляется ограниченной. В соответствии с принципом lex specialis приоритет будет отдаваться договорному положению с «более точно очерченной сферой применения». Тем не менее трудно определить, будет ли обязательство по защите инвестиций или обязательство в области ПЧ более точным, в частности потому, что оба обязательства вытекают из разных областей права.

Согласно принципу lex posterior более поздний договор отменяет более ранний договор, касающийся того же права. Предмет до тех пор, пока все стороны являются участниками обоих договоров. Однако, даже если понимать фразу «относящийся к одному и тому же предмету» в широком смысле, представляется проблематичным устанавливать приоритет обязательства по защите инвестиций над обязательством в области ПЧ (или наоборот) на этой основе[37].

Действительно, на практике трибунал, которому поручено решать этот вопрос, не имеет реального выбора, какой договор применять в случае коллизии норм: он должен отдавать приоритет договору, применение которого ему поручено, поскольку только благодаря этому договору он вообще обладает юрисдикцией для разрешения спора. Это означает, что в случае коллизии договоров у трибунала нет другого решения, кроме как поставить ДИД в приоритет перед обязательствами государства-ответчика в области ПЧ[38].

Потенциальное воздействие инвестиционного арбитража на ПЧ в широком смысле (третьих сторон) является постоянной темой в дискуссиях о легитимности МИП, и обычно утверждается, что суды должны учитывать проблемы ПЧ. Тем не менее в целом суды, по-видимому, склонны уклоняться от защиты ПЧ, выдвигаемой государствами-ответчиками. Представляется необходимым осветить две другие возможности: суды могут согласовать обязательства по ДИД с обязательствами в области ПЧ или установить приоритет одного из них над другим.

Правила толкования договоров и, что более важно, принцип системной интеграции требуют, чтобы договоры читались, насколько это возможно, в соответствии с другими соответствующими нормами международного права. Такому

[35] Sawhoyamaxa Indigenous Community v. Paraguay (n 81) para 215.

[36] *Aaken A.* Defragmentation of Public International Law through Interpretation: A Methodological Proposal // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. № 16. P. 183.

[37] *Michaels R.*, *Pauwelyn J.* Conflict of Norms or Conflict of Laws? Different Techniques in the Fragmentation of Public International Law // Duke Journal of Comparative & International Law. 2012. № 22. P. 349–376.

[38] Grand River Enterprises Six Nations Ltd et al. v. USA, UNCITRAL, Award of 12 January 2011, para 71.

согласованию способствует широкая свобода действий, обычно предоставляемая государствам как в МИП, так и в МППЧ. В то же время неопределенный характер обычных положений в обоих режимах предполагает, что при рассмотрении другой области нельзя получить четких указаний по толкованию.

Следовательно, интерпретатор (толкователь) сохраняет свободу действий в отношении того, ка́к следует гармонизировать положения, что может быть сделано двумя различными способами: суды могут счесть, что обязательства государств в области ПЧ ограничивают сферу обязательств по защите инвестиций; и наоборот, инвестиционные договоры могут использоваться для разграничения сферы обязательств в области ПЧ. На практике суды, по-видимому, придерживаются последнего подхода, даже если принимающее государство ссылается на соответствующее положение о правах человека с противоположной целью. В любом случае результат гармоничной интерпретации вряд ли сильно отличается от результата расстановки приоритетов.

Тем не менее попытка согласовать два набора обязательств привела бы к тому, что одно из них превалировало бы над другим, что также происходит в случае четкой расстановки приоритетов. Гармоничная интерпретация концептуально отличается от расстановки приоритетов, поскольку она отрицает существование конфликта норм, но результат анализа, скорее всего, будет аналогичным. Следовательно, полезность принципа системной интеграции, часто провозглашаемого в качестве решения очевидных коллизий норм в международном праве, на практике представляется ограниченной.

В процессуальном аспекте взаимодействия обоих режимов результатом гармоничной интерпретации (толкования) их положений является создание интерпретатором (толкователем) материалов, необходимых для принятия решений. Представляется логичным результат, созданный в ходе процессуального аспекта реализации вопроса ПЧ в международных инвестиционных правоотношениях, включить в материальный аспект взаимодействия режимов посредством обобщения результатов гармоничной интерпретации (толкования) и формирования соответствующей единой нормативной правовой базы норм международного публичного права с целью ее последующего гармоничного применения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Aaken A.* Defragmentation of Public International Law through Interpretation: A Methodological Proposal // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 2009. — № 16. — 483 p.
2. *Dupuy P.-M.*, *Francioni F.*, *Petersmann E. U.* Human Rights in International Investment Law and Arbitration. — Oxford : Oxford University Press. — 2009. — 640 p.
3. *Gardiner R.* Treaty Interpretation // Oxford International Law Library. — 2008. — 568 p.
4. *Joseph S.* Human rights bodies have repeatedly confirmed this // The Oxford Handbook of International Human Rights Law. — Oxford, 2013. — 866 p.
5. *Karamanian S. L.* The Place of Human Rights in Investor-State Arbitration // Lewis & Clark Law Review. — 2013. — Vol. 17, № 2. — 448 p.
6. *Kjos E.* Applicable Law in Investor-State Arbitration: The Interplay between National and International Law. — Oxford : Oxford University Press. — 2013. — 343 p.
7. *McLachlan C.* The Principle of Systemic Integration and Article 31(3)(c) of the Vienna Convention // International & Comparative Law Quarterly. — 2005. — Vol. 54, № 2. — P. 279–320.
8. *Michaels R.*, *Pauwelyn J.* Conflict of Norms or Conflict of Laws? Different Techniques in the Fragmentation of Public International Law // Duke Journal of Comparative & International Law. — 2012. — № 22. — 398 p.
9. *Peterson L. E.* Human Rights and Bilateral Investment Treaties. Mapping the Role of Human Rights Law within Investor-State Arbitration // Int'l Centre for Human Rights and Democratic Development. — 2009. — 49 p.

Материал поступил в редакцию 5 февраля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aaken A. Defragmentation of Public International Law through Interpretation: A Methodological Proposal // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 2009. — № 16. — 483 p.
2. Dupuy P.-M., Francioni F., Petersmann E. U. Human Rights in International Investment Law and Arbitration. — Oxford: Oxford University Press. — 2009. — 640 p.
3. Gardiner R. Treaty Interpretation // Oxford International Law Library. — 2008. — 568 p.
4. Joseph S. Human rights bodies have repeatedly confirmed this // The Oxford Handbook of International Human Rights Law. — Oxford, 2013. — 866 p.
5. Karamanian S. L. The Place of Human Rights in Investor-State Arbitration // Lewis & Clark Law Review. — 2013. — Vol. 17, № 2. — 448 p.
6. Kjos E. Applicable Law in Investor-State Arbitration: The Interplay between National and International Law. — Oxford: Oxford University Press. — 2013. — 343 p.
7. McLachlan C. The Principle of Systemic Integration and Article 31(3)(c) of the Vienna Convention // International & Comparative Law Quarterly. — 2005. — Vol. 54, № 2. — P. 279–320.
8. Michaels R., Pauwelyn J. Conflict of Norms or Conflict of Laws? Different Techniques in the Fragmentation of Public International Law // Duke Journal of Comparative & International Law. — 2012. — № 22. — 398 p.
9. Peterson L. E. Human Rights and Bilateral Investment Treaties. Mapping the Role of Human Rights Law within Investor-State Arbitration // Int'l Centre for Human Rights and Democratic Development. — 2009. — 49 p.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.160-168

В. Б. Агафонов*

Правовое обеспечение экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при разведке и добыче нефти и газа в условиях санкционных ограничений

Аннотация. Статья посвящена анализу и оценке перспектив развития законодательства Российской Федерации в сфере экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при разведке и добыче нефти и газа. В условиях существующих рисков и угроз энергетической безопасности доказывается вывод, согласно которому использование традиционных видов энергоресурсов всё еще будет играть доминирующую роль в структуре топливно-энергетического баланса практически каждого современного государства, в связи с чем возрастает важность Арктической зоны Российской Федерации, которую следует рассматривать как важнейший геостратегический объект, использование природных ресурсов которого позволит обрести в долгосрочной перспективе энергетическую независимость и устойчивое развитие для настоящего и будущих поколений. В статье выделяются современные эколого-правовые проблемы Арктической зоны, в первую очередь процессы и последствия глобального потепления климата, а также проблемы обеспечения экологической безопасности при транспортировке нефти и нефтепродуктов, в том числе на континентальном шельфе Арктической зоны Российской Федерации, предлагаются возможные пути решения правовых проблем в условиях санкционных ограничений. Доказывается вывод о необходимости актуализации действующих документов государственного стратегического планирования в области охраны окружающей среды, недропользования, а также в области обеспечения устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; экологическая безопасность; экологические угрозы и риски; энергетическая независимость; Арктическая зона Российской Федерации; континентальный шельф; недропользование; санкционные ограничения; потепление климата; разливы нефти и нефтепродуктов; магистральные трубопроводы.

Для цитирования: *Агафонов В. Б.* Правовое обеспечение экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при разведке и добыче нефти и газа в условиях санкционных ограничений // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 160–168. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.160-168.

© Агафонов В. Б., 2023

* *Агафонов Вячеслав Борисович*, доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Vagafonoff@mail.ru

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal Support of Environmental Safety of the Arctic Zone of the Russian Federation in the Exploration and Production of Oil and Gas under Sanctions

Vyacheslav B. Agafonov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
Vagafonoff@mail.ru

Abstract. The paper analyzes and assesses the prospects for the development of the Russian legislation in the field of environmental safety of the Arctic zone of the Russian Federation in the exploration and production of oil and gas. In the context of the existing risks and threats to energy security, the author proves that the use of traditional types of energy resources will still have an important role in the structure of the fuel and energy balance of almost every modern state. This results in the growing importance of the Arctic zone of the Russian Federation, which should be considered as an important geostrategic object, the use of natural resources of which will make it possible to gain energy independence and sustainable development for present and future generations in the long term. The paper highlights the modern environmental and legal problems of the Arctic zone, primarily the processes and consequences of global warming, as well as the problems of ensuring environmental safety in the transportation of oil and petroleum products, including on the continental shelf of the Arctic zone of the Russian Federation. Possible ways to solve legal problems under sanctions are suggested. The author proves that it is necessary to update the existing documents of state strategic planning in the field of environmental protection, subsoil use, as well as in the field of ensuring sustainable socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation.
Keywords: environmental protection; environmental safety; environmental threats and risks; energy independence; Arctic zone of the Russian Federation; continental shelf; subsoil use; sanctions restrictions; climate warming; spills of oil and oil products; main pipelines.
Cite as: Agafonov VB. Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti rkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii pri razvedke i dobyche nefti i gaza v usloviyakh sanktsionnykh ogranicheniy [Legal Support of Environmental Safety of the Arctic Zone of the Russian Federation in the Exploration and Production of Oil and Gas under Sanctions]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):160-168. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.160-168. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Арктический регион всегда был и остается центром внимания всего мирового сообщества, причем не только приарктических государств, но и практически всех государств, являющихся крупнейшими потребителями традиционных (топливных) видов энергоресурсов (Китай, Индия, Япония, Пакистан и др.), главным образом из-за наличия в данном регионе значительного количества запасов стратегических ценных полезных ископаемых, в первую очередь таких, как нефть и газ.

Несмотря на провозглашенную США, Канадой, Европейским Союзом и рядом других государств политику декарбонизации и развития возобновляемой энергетики, в настоящее время, с учетом современных вызовов и угроз, в условиях негарантированности энергетической безопасности и энергетической независимости практически каждого государства становится всё более очевидным тот факт, что использование традиционных видов энергоресурсов в течение достаточно длительного времени всё еще

будет играть доминирующую роль в структуре топливно-энергетического баланса практически каждого современного государства.

Ситуация с обеспечением мировой энергетической безопасности осложняется снижением спроса на нефть и газ в рамках соглашения между странами ОПЕК, а также общемировой тенденцией истощения действующих нефтегазовых месторождений и увеличения в связи с этим объема трудноизвлекаемых запасов в общем объеме добываемой нефти и газа.

По данным ряда ведущих аналитических агентств, в 2035–2045 гг. основная добыча нефти и газа будет вестись именно в Арктическом регионе, вследствие этого уже сейчас Арктику рассматривают в качестве важнейшего геостратегического объекта, использование природных ресурсов которого позволит приарктическим государствам обрести в долгосрочной перспективе энергетическую безопасность, и что самое важное — энергетическую независимость, а также обеспечить устойчивое развитие для настоящего и будущих поколений, когда основные запасы на действующих месторождениях полезных ископаемых полностью иссякнут.

Согласно обобщенным статистическим данным (ввиду отсутствия достоверных данных геологоразведки по региону, так как комплексное геологическое изучение Арктического региона приарктическими государствами практически не проводилось), прогнозные запасы в Арктической зоне составляют более 15 млрд т нефти и более 90 трлн куб. м природного газа, при этом в российской зоне «только запасы нефти российской арктической зоны оцениваются в 7,3 млрд т, конденсата — 2,7 млрд т, природного газа — около 55 трлн кубометров»[1].

Всего в российском секторе Арктики «открыто 360 месторождений нефти и газа, в том числе 334 на суше и 26 — на шельфе, по оценкам, на российском арктическом шельфе имеются запасы нефти и газа, которые смогут обеспечить 20–30 % добычи нефти к 2050 г., при этом на данный момент ресурсная база нефтегазовых запасов нашей страны оценивается в 259 млрд т и 96 млрд т соответственно, или около 37 %, — это месторождения, расположенные на шельфе»[2].

Важность Арктической зоны Российской Федерации для обеспечения энергетической и экологической безопасности государства неоднократно отмечалась в документах государственного стратегического планирования: Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г., утвержденных Указом Президента РФ от 05.03.2020 № 164[3], предусматривающих необходимость достижения ряда ключевых показателей, характеризующих устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации, конкретизированных в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., утвержденной Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645[4], и Едином плане мероприятий по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г., Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., утвержденных распоряжением Правительства РФ от 15.04.2021 № 996-р[5]. Экологические аспекты защиты морской среды отмечались в качестве приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в Морской доктрине Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.07.2022 № 512[6].

Отметим также роль Федерального закона от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной под-

1 *Кобылкин Д. Н.* Ресурсы арктического шельфа — это наш стратегический запас // Энергетическая политика. 14.11.2019. URL: https://energypolicy.ru/ (дата обращения: 30.03.2023).

2 В условиях вечной мерзлоты: как добывают нефть и газ в Арктике // Инвестиционный портал Арктической зоны России. 03.12.2020. URL: https://arctic-russia.ru/ (дата обращения: 30.03.2023).

3 СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1317.

4 СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.

5 СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 3022.

6 СЗ РФ. 2022. № 31. Ст. 5699.

держке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»[7], принятие которого фактически определило вектор развития государственной политики в Арктике на долгосрочную перспективу, а именно: экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации; поддержка предпринимательской и инвестиционной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации; создание условий для опережающего социально-экономического развития и улучшения качества жизни в Арктической зоне Российской Федерации.

К сожалению, в данном Законе не нашли отражения особенности эколого-правовой охраны Арктической зоны Российской Федерации, о необходимости которой прямо говорилось в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176)[8], в свою очередь, в действующем экологическом законодательстве таких специальных требований, содержащихся в отдельном законе или ином нормативном правовом акте, полностью посвященном экологическому развитию Арктической зоны Российской Федерации, до настоящего времени так и не было принято.

Как справедливо отмечали С. А. Боголюбов, И. О. Краснова и И. А. Игнатьева в своих научных исследованиях по проблемам эколого-правового обеспечения Арктической зоны Российской Федерации, «арктический регион — уникальная экологическая система, природное достояние народов России, индикатор климатических процессов, наиболее заметным образом испытывающая негативные последствия глобальных изменений, где динамика природных процессов замедлена, поглотительная способность природных объектов снижена, вследствие чего Арктика является особо уязвимой экосистемой»[9], вместе с тем «принятый Федеральный закон “О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации”… использует понятие Арктической зоны Российской Федерации для целей экономического и частично социального характера, в то же время очевидно, что уникальная природа Арктики, которая неизбежно подвергнется воздействию в процессе законодательно обеспеченного стимулирования экономической и иной деятельности в Арктическом регионе, нуждается именно в предметной, отвечающей вызовам современного этапа развития защите»[10].

Характеризуя существующие экологические угрозы и риски Арктического региона, следует отметить, что на экосистему Арктической зоны Российской Федерации в первую очередь негативно влияют процессы и последствия глобального потепления климата. Таяние вечной мерзлоты приводит к выбросам метана, размыванию берегов, наносит критический ущерб инфраструктуре, необходимой для судоходства и транспортировки, а также для добычи газа, нефти и полезных ископаемых в северных широтах.

В соответствии с Парижским соглашением по климату стороны взяли на себя обязательства реализовать такие вариативные сценарии эмиссии CO_2, чтобы удержать рост глобальной средней температуры намного ниже 2 °C сверх доиндустриальных уровней и приложить усилия для ограничения роста температуры величиной 1,5 °C; вместе с тем с использованием системы компьютерного моделирования глобального потепления Арктической зоны Земли, если сохранится текущая динамика выбросов и не будет принято кардинальных управленческих решений, ученые предсказывают, что к 2100 г. удержать прирост среднегодовой тем-

[7] СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4503.

[8] СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

[9] *Боголюбов С. А.*, *Краснова И. О.* Право и спасение природы российской Арктики // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 178–190. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.178-190.

[10] *Игнатьева И. А.* Арктическая зона Российской Федерации: вопросы определения территории и учета экологических особенностей в правовом регулировании // Экологическое право. 2021. № 3. С. 3–7. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-3-3-7.

пературы удастся только не более чем на 3,0 °С, что для Арктической зоны может оказаться критическим.

Безусловно, Арктика в настоящее время особо уязвима к климатическим изменениям, поскольку они могут привести к необратимым последствиям для природной среды из-за повышения уровня моря в результате таяния ледников, высвобождения углерода и распространения вредных загрязняющих веществ (особенно это касается находящихся пока в условиях вечной мерзлоты потенциально опасных химических и биологических веществ) в масштабах, которые даже невозможно в настоящее время представить или каким-либо образом спрогнозировать ввиду отсутствия комплексных научных исследований по данному вопросу.

Арктические прибрежные изменения в ближайшем будущем, безусловно, окажут влияние и на среду обитания человека, угрожая прибрежным населенным пунктам и соответствующей инфраструктуре. Отдельно следует выделить проблемы, связанные с обеспечением прав на традиционное природопользование коренных малочисленных народов, проживающих в границах сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации (в первую очередь это касается ухудшения условий для традиционной охоты и рыболовства, развития северного оленеводства и обеспечения рационального землепользования). Экологической проблемой также являются «отходы, образующиеся в ходе недропользования, в частности при осуществлении такого его вида, как разведка и добыча полезных ископаемых»[11].

Применительно к сфере охраны окружающей среды при пользовании недрами для Арктической зоны Российской Федерации существенную экологическую угрозу представляют и аварийные разливы нефти и нефтепродуктов, которые без проведения специальных ликвидационных мероприятий в сложных климатических условиях северных арктических широт в итоге могут привести к длительному негативному антропогенному воздействию на природную среду.

В целом следует констатировать, что общее негативное антропогенное воздействие на природную среду и ее отдельные природные компоненты от реализации проектов в области нефтегазодобычи в Арктической зоне не поддается комплексной оценке ввиду ограниченной доступности данного региона для фундаментальных научных исследований и, как следствие, отсутствия достоверных наблюдательных, океанографических и экологических данных.

При этом в освоении сырьевого потенциала Арктической зоны Российская Федерация, равно как и иные приарктические государства, пока не достигла прорывных результатов, этот процесс пока находится на начальном этапе своего развития, поскольку далеко не все месторождения полезных ископаемых данного региона детально изучены. Так, по экспертным данным, применительно к Арктической зоне Российской Федерации «еще не до конца изучены структура и залегание нефти и газа в целом ряде нефтегазоносных провинций: в море Лаптевых, Северо-Сибирской провинции, в районе запада Чукотки и в Охотском море (субарктический пояс)»[12], а также ряде иных перспективных участков.

Указанные факторы существенным образом влияют на правовую регламентацию порядка и условий пользования данными месторождениями в интересах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и необходимости соблюдения специальных требований в области охраны окружающей среды и экологической безопасности при пользовании недрами в данном регионе, однако в условиях беспрецедентных санкционных ограничений, применяемых к Российской Федерации со стороны ряда недружественных государств, вопросы обеспечения энергетической и экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации в настоящее время стоят особенно остро.

---

[11] *Пономарев М. В.* Эколого-правовые проблемы обращения с отходами недропользования в Арктической зоне Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 143–156. DOI: 10.12737/jrl.2021.129.

[12] В условиях вечной мерзлоты: как добывают нефть и газ в Арктике.

Как справедливо отмечали по данному вопросу Н. Г. Жаворонкова и Ю. Г. Шпаковский, «санкционная политика Европейского Союза, США и других стран в отношении России приняла настолько беспрецедентно жесткий и всеобъемлющий характер, что стала оказывать самое непосредственное воздействие и на состояние окружающей среды, природопользование, экологическую безопасность, а также перспективы участия России в глобальном международном экологическом сотрудничестве»[13].

Следует отметить, что в настоящее время требования в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности на континентальном шельфе Российской Федерации также были существенно ужесточены.

Среди основных ключевых изменений в первую очередь следует выделить изменения, внесенные Федеральным законом от 13.07.2020 № 207-ФЗ «О внесении изменений в статью 46 Федерального закона “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[14], в соответствии с которыми были конкретизированы требования в области охраны окружающей среды при осуществлении деятельности в области геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья, а также при переработке (производстве), транспортировке, хранении, реализации углеводородного сырья и произведенной из него продукции.

Следует выделить и такие нормативные правовые акты, как:

— постановление Правительства РФ от 30.12.2020 № 2366 «Об организации предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации»[15];

— приказ Минтранса России от 27.11.2020 № 523[16], утвердивший новые Требования к составу сил и средств постоянной готовности, предназначенных для предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации;

— приказ Минприроды России от 13.02.2019 № 85[17], утвердивший Методику расчета финансового обеспечения осуществления мероприятий, предусмотренных планом предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации, включая возмещение в полном объеме вреда, причиненного окружающей среде, в том числе водным биоресурсам, жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц в результате разливов нефти и нефтепродуктов на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации.

Данный комплекс реализованных законодательных инициатив в 2019–2020 гг. позволил существенно снизить антропогенное воздействие хозяйственной и иной деятельности субъектов права природопользования на континентальном шельфе Арктической зоны Российской Федерации, однако в настоящее время возникли гораздо более серьезные экологические проблемы и риски.

Так, в условиях новых вызовов и угроз, стоящих перед Российской Федерацией на современном этапе, актуальной проблемой, требующей неотложного решения, является проблема обеспечения экологической безопасности при

[13] *Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г.* Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях влияния внешних экономических санкций // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8 (141). С. 158. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.157-169.

[14] СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4517.

[15] СЗ РФ. 2021. № 2 (ч. I). Ст. 416.

[16] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. 31.12.2020.

[17] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. 02.07.2019.

транспортировке нефти и нефтепродуктов, в том числе на континентальном шельфе Арктической зоны Российской Федерации.

Данная проблема изначально возникла в результате диверсии на газопроводах «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2», что привело к утечкам метана в объеме, соответствующем примерно 14 млн т CO_2, и было признано в ЕС крупнейшей техногенной катастрофой с точки зрения невозможности выполнения отдельными пострадавшими европейскими государствами обязательств климатической повестки, однако даже сам факт аварии газопроводов в настоящее время уже не столь существенен.

С учетом негарантированности физической защиты и обеспечения безопасной эксплуатации линейных объектов магистрального трубопроводного транспорта, в том числе на континентальном шельфе и в Арктической зоне Российской Федерации, возможно, назрела объективная необходимость пересмотра существующих подходов к обеспечению внутренней и внешней энергетической политики и стратегии посредством перехода от концепции использования системы магистрального трубопроводного транспорта для транспортировки и транзита энергоресурсов, которая, безусловно, была оптимальным и экологичным решением для уязвимой экосистемы Арктики, к концепции транспортировки энергоресурсов силами морского транспорта, в том числе с использованием возможностей перспективного проекта беспилотного судовождения «Маринет», однако в данном случает возрастает угроза аварийных разливов нефти и нефтепродуктов, в связи с чем требуется и актуализация действующих документов государственного стратегического планирования в области охраны окружающей среды, недропользования, а также в области обеспечения устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Экологическая проблема обеспечения безопасной транспортировки энергоресурсов в Арктической зоне Российской Федерации усугубляется и ситуацией с санкциями западных стран на Северном морском пути России, которую в настоящее время следует оценить как сложную из-за проблем с технологиями и развитием инфраструктуры. В рамках реализации пятого пакета санкций в отношении Российской Федерации Европейский Союз после 16 апреля 2022 г. закрыл все порты для захода судов под флагом Российской Федерации, под запрет попали и суда, сменившие флаг Российской Федерации или регистрацию после 24 февраля 2022 г.

В связи с этим следует выделить три возможных варианта перспективного развития Северного морского пути в условиях санкционных ограничений (однако каждое из данных направлений связано с повышенными экологическими рисками):

1) транспортировка энергоресурсов морем (отказ от магистрального трубопроводного транспорта после разрушений газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2»). Вместе с тем придется учитывать возможные экологические риски разливов нефти и нефтепродуктов;

2) диверсификация поставок энергоресурсов с запада на восток в связи с реализацией ЕС политики декарбонизации и отказом от традиционных топливно-энергетических ресурсов. Однако в настоящее время существуют проблемы с рентабельностью проектов, интересных странам Юго-Восточной Азии, а экологические требования не систематизированы и не гармонизированы;

3) развитие атомного флота. По данному направлению существуют риски, связанные с обеспечением безопасности морского судоходства в Арктической зоне Российской Федерации, главным образом ввиду отсутствия единой системы российских коммерческих аппаратов дистанционного зондирования земли, что, в свою очередь, влечет возможные экологические риски и угрозы.

Подводя некоторые итоги рассмотрения особенностей правового обеспечения экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при разведке и добыче нефти и газа в условиях санкционных ограничений, выделим наиболее значимые меры, которые, на наш взгляд, в существующих условиях возможны и необходимы:

1. В условиях новых вызовов и угроз, стоящих перед Российской Федерацией, в первую очередь следует концептуально пересмотреть содержание документов государственного стратегического планирования в сфере недропользования, а также всех документов государственного стратегического планирования Арктической зоны Российской Федерации.

2. Изменить систему подготовки целевых специалистов-экологов в сфере недропользования в системе подготовки кадров высшего образования, в том числе увеличить квоту по целевому набору бакалавров и специалистов для подготовки высококвалифицированных отраслевых рабочих кадров с высшим геологическим образованием с одновременной возможностью получения дополнительного гуманитарного образования (концепция будущих управленцев в нефтегазовом комплексе = базовая техническая специальность (геология, геофизика, геоэкология и др.) + гуманитарная специальность (экономика, право), что особенно актуально для подготовки специалистов-экологов в сфере недропользования со знанием специфики законодательства Арктической зоны Российской Федерации).

3. Провести комплекс мероприятий, направленных на повышение уровня экологической ответственности пользователей недр, поддержание безопасности работ, соблюдение экологических требований и минимизацию экологических рисков, в том числе за счет собственных средств предприятий в Арктической зоне Российской Федерации.

4. В целях снижения избыточной антропогенной нагрузки на минерально-сырьевой комплекс страны в Арктической зоне Российской Федерации максимально развивать использование возобновляемых источников энергии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Боголюбов С. А.*, *Краснова И. О.* Право и спасение природы российской Арктики // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 6. — С. 178–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.178-190.
2. В условиях вечной мерзлоты: как добывают нефть и газ в Арктике // Инвестиционный портал Арктической зоны России. — 03.12.2020. — URL: https://arctic-russia.ru/ (дата обращения: 30.03.2023).
3. *Жаворонкова Н. Г.*, *Шпаковский Ю. Г.* Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях влияния внешних экономических санкций // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8 (141). — С. 158. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.157-169.
4. *Игнатьева И. А.* Арктическая зона Российской Федерации: вопросы определения территории и учета экологических особенностей в правовом регулировании // Экологическое право. — 2021. — № 3. — С. 3–7. — DOI: 10.18572/1812-3775-2021-3-3-7.
5. *Кобылкин Д. Н.* Ресурсы арктического шельфа — это наш стратегический запас // Энергетическая политика. — 14.11.2019. — URL: https://energypolicy.ru/ (дата обращения: 30.03.2023).
6. *Пономарев М. В.* Эколого-правовые проблемы обращения с отходами недропользования в Арктической зоне Российской Федерации // Журнал российского права. — 2021. — № 10. — С. 143–156. — DOI: 10.12737/jrl.2021.129.

Материал поступил в редакцию 9 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogolyubov S. A., Krasnova I. O. Pravo i spasenie prirody rossiyskoy Arktiki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 6. — S. 178–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.178-190.
2. V usloviyakh vechnoy merzloty: kak dobyvayut neft i gaz v Arktike // Investitsionnyy portal Arkticheskoy zony Rossii. — 03.12.2020. — URL: https://arctic-russia.ru/ (data obrashcheniya: 30.03.2023).
3. Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G. Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v usloviyakh vliyaniya vneshnikh ekonomicheskikh sanktsiy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 8 (141). — S. 158. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.157-169.
4. Ignateva I. A. Arkticheskaya zona Rossiyskoy Federatsii: voprosy opredeleniya territorii i ucheta ekologicheskikh osobennostey v pravovom regulirovanii // Ekologicheskoe pravo. — 2021. — № 3. — S. 3–7. — DOI: 10.18572/1812-3775-2021-3-3-7.
5. Kobylkin D. N. Resursy arkticheskogo shelfa — eto nash strategicheskiy zapas // Energeticheskaya politika. — 14.11.2019. — URL: https://energypolicy.ru/ (data obrashcheniya: 30.03.2023).
6. Ponomarev M. V. Ekologo-pravovye problemy obrashcheniya s otkhodami nedropolzovaniya v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 10. — S. 143–156. — DOI: 10.12737/jrl.2021.129.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.169-178

Д. А. Гершинкова*

О формировании административно-правового регулирования вопросов реализации лесоклиматических проектов в России

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формируемого в России административно-правового регулирования лесоклиматических проектов.

В России расположена пятая часть лесов мира, которые играют важную роль в углеродном балансе страны, компенсируют почти 30 % национальных антропогенных выбросов и определяют потенциал реализации лесоклиматических проектов в стране.

Лесоклиматические проекты являются одним из видов климатических проектов, правовые рамки которых установлены Федеральным законом от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» и принятыми в соответствии с ним нормативными актами. Однако общие подходы не учитывают некоторых особенностей лесоклиматических проектов, таких как долгосрочность проектов, необходимость сохранения результата в течение десятилетий при высоких рисках потерь из-за лесных пожаров, незаконных рубок, нашествия насекомых-вредителей и др. То есть важно дальнейшее развитие нормативной базы с учетом особых требований к лесоклиматическим проектам, а также норм государственного управления лесами и соответствующей международной практики, в том числе формируемой под эгидой Парижского соглашения.

В статье анализируются права и обязанности участников отношений по реализации лесоклиматических проектов, возможности реализации проектов на землях лесного фонда и землях сельхозназначения. Предложены подходы по устранению имеющихся правовых пробелов.

Ключевые слова: лесоклиматические проекты; климатические проекты; углеродное регулирование; леса на сельхозземлях; статья 6 Парижского соглашения; увеличение поглощения парниковых газов; лесоразведение; лесовосстановление; леса высокой природной ценности; Лесной кодекс; Сахалинский эксперимент.

Для цитирования: *Гершинкова Д. А.* О формировании административно-правового регулирования вопросов реализации лесоклиматических проектов в России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 169–178. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.169-178.

© Гершинкова Д. А., 2023

* *Гершинкова Динара Александровна*, аспирант Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского
ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100, г. Омск, Россия, 644077
gdinara@list.ru

On the Formation of Administrative and Legal Regulation of the Forest Climate Projects Implementation in Russia

Dinara A. Gershinkova, Postgraduate Student, Dostoevsky Omsk State University (OmSU)
ul. 50 Let Profsoyuzov, d. 100, Omsk, Russia, 644077
gdinara@list.ru

Abstract. The paper discusses the features of the administrative and legal regulation of forest climate projects being formed in Russia.

Russia has one fifth of the world's forests, which play an important role in the country's carbon balance, compensate for almost 30% of national anthropogenic emissions and determine the potential for the implementation of forest climate projects in the country.

Forest climate projects are one of the types of climate projects, the legal framework of which is established by Federal Law No. 296-FZ of 02.07.2021 «On Limiting Greenhouse Gas Emissions» and regulations adopted in accordance with it. However, general approaches do not take into account some features of forest climate projects, such as the long-term nature of projects, the need to maintain the result for decades at high risks of losses due to forest fires, illegal logging, insect pests, etc. That is, it is important to further develop the regulatory framework, taking into account the special requirements for forest climate projects, as well as the norms of state forest management and relevant international practices, including those formed under the auspices of the Paris Agreement.

The paper analyzes the rights and obligations of participants involved in the implementation of forest-climatic projects, and the possibility of implementing projects on the lands of the forest fund and agricultural lands. Approaches to eliminate the existing legal gaps are proposed.

Keywords: forest climate projects; climate projects; carbon regulation; forests on agricultural land; article 6 of the Paris Agreement; increased absorption of greenhouse gases; afforestation; reforestation; forests of high natural value; Forest Code; Sakhalin experiment.

Cite as: Gershinkova DA. O formirovanii administrativno-pravovogo regulirovaniya voprosov realizatsii lesoklimaticheskikh proektov v Rossii [On the Formation of Administrative and Legal Regulation of the Forest Climate Projects Implementation in Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):169-178. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.169-178. (In Russ., abstract in Eng.).

Принятый в 2021 г. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»[1] (далее — Закон № 296-ФЗ) определил правовые рамки климатических проектов — реализуемых в добровольном порядке мероприятий, обеспечивающих сокращение (предотвращение) выбросов парниковых газов или увеличение поглощения парниковых газов. Основные заинтересованные лица — это российские компании, принявшие цели по снижению углеродного следа продукции или достижению углеродной нейтральности, то есть баланса выбросов и поглощений парниковых газов[2]. Результаты климатических проектов, выраженные в углеродных единицах[3], можно также применять в зачет выполнения квот на выбросы парниковых газов в рамках эксперимента в Сахалинской области[4]. Поэтому

[1] СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5124.

[2] Корпоративные стратегии углеродной нейтральности / Минэкономразвития России, 2020 // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f55d57f8dcbb8ec195b1575e857610dc/03062021.pdf?ysclid=l4cuvqco7w476232930 (дата обращения: 16.02.2023).

[3] 1 углеродная единица = 1 CO2-экв.

[4] Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

климатические проекты называют компенсационными, или офсетными (от англ. offset — компенсировать, возмещать).

Особый интерес в России вызывают так называемые лесоклиматические проекты (ЛКП). Концепция проектов основана на природной способности лесов поглощать углекислый газ из атмосферы в процессе фотосинтеза и накапливать углерод по мере роста в течение десятков и сотен лет. Благодаря этому механизму углекислый газ удаляется из атмосферы, что важно для поддерживания углеродного баланса. Значимость лесов в глобальном балансе углерода признана международными соглашениями по климату: Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК ООН), Киотским протоколом и Парижским соглашением. Страны — участницы соглашений содействуют защите и повышению качества поглотителей и накопителей парниковых газов[5].

На долю России приходится около 20 % лесных ресурсов мира, которые играют важную роль в углеродном балансе страны, компенсируя почти 30 % национальных выбросов[6]. Стратегией низкоуглеродного развития России до 2050 года поставлена цель по увеличению поглощения парниковых газов в лесном секторе почти в два раза: от 535 тыс. т CO_2-экв в 2019 г. до 1 200 в 2050 г., в том числе за счет «климатических проектов, обеспечивающих развитие лесной инфраструктуры и проведение мероприятий по уходу за лесными насаждениями для увеличения поглощающей способности лесов»[7].

Впервые использование лесных ресурсов в качестве решения проблемы глобального потепления было предложено в 1976 г. американским физиком Ф. Дайсоном[8]. Ученый предположил, что для сдерживания роста концентрации CO_2 в атмосфере вместо остановки промышленного производства можно увеличить поглощение путем посадки деревьев или иных быстрорастущих растений как на лесных участках, так и на истощенных сельхозземлях. А первым лесоклиматическим проектом считается инициатива американской энергетической компании Applied Energy Services, которая высадила 52 млн деревьев в Гватемале для компенсации выбросов парниковых газов от строящейся угольной электростанции в Коннектикуте (США) в 1988 г.[9]

В последние годы более 40 % выпущенных углеродных единиц в мире от всех видов климатических проектов приходится на ЛКП[10]. Небольшой опыт реализации ЛКП имеется и в России. В Киотский период (2008–2012 гг.) в нашей стране было реализовано два проекта с международным участием: по сохранению лесов высокой природной ценности в Приморье и по сохранению лесов, выросших на землях сельхозназначения в Алтайском крае. Проектная документация доступна на сайте российского реестра углеродных единиц Киотского периода[11].

Специального толкования понятия «лесоклиматический проект» в российской норма-

---

5 Рамочная конвенция ООН об изменении климата. Статья 2а // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 16.02.2023).

6 Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом, за 1990–2018. М. : Росгидромет, 2020. С. 23. URL: https://unfccc.int/ghg-inventories-annex-i-parties/2020 (дата обращения: 16.02.2023).

7 Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8 *Dyson F. J.* Can we control the carbon dioxide in the atmosphere? // Energy. 1977. Vol. 2 (3). P. 290.

9 U. S. Utility Planting 52 Million Trees // New York Tymes. 12 October 1988. URL: https://www.nytimes.com/1988/10/12/us/us-utility-planting-52-million-trees.html (дата обращения: 16.02.2023).

10 State and Trends of Carbon Pricing. 2020 (May) / World Bank. Washington, DC. P. 46. DOI: 10.1596/978-1-4648-1586-7. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33809 (дата обращения: 16.02.2023).

11 Российский реестр углеродных единиц // URL: http://www.carbonunitsregistry.ru/ (дата обращения: 16.02.2023).

тивной базе пока не принято. Однако термин уже используется в некоторых актах Правительства РФ в контексте мероприятий по увеличению поглощения парниковых газов в лесном секторе[12].

Основой реализации ЛКП является Закон № 296-ФЗ и принятые подзаконные акты. ЛКП следует рассматривать как частный случай климатического проекта (преимущественно по увеличению поглощения парниковых газов), на который распространяются принятые нормы регулирования проектной деятельности. Однако некоторые специфические требования к ЛКП, вытекающие из зарубежной практики, пока не нашли отражения в российских правилах реализации проектов. Например, гарантии обеспечения сохранения результата. ЛКП, в отличие от других климатических проектов, имеют значительно более высокие риски, связанные с лесными пожарами, незаконными рубками, болезнями леса или нашествиями насекомых-вредителей. С учетом этого, а также того факта, что сами проекты требуют более длительного времени для достижения результата, допустимый срок продолжительности ЛКП должен быть больше, чем для технологических проектов по сокращению/предотвращению выбросов.

Кроме того, ЛКП имеют высокие риски углеродной утечки, то есть переноса хозяйственной деятельности за границы проекта, что также требует особого регулирования в части предоставления гарантий отсутствия утечек.

Согласно критериям климатических проектов, мероприятия должны иметь дополнительность, не дублировать требования, установленные законом[13]. Помимо того, что на фоне высоких показателей естественного лесовосстановления во многих регионах страны обеспечить дополнительность проектов будет непросто, 77 % лесных земель в России уже управляется государством[14], а лесопользователи имеют обязательства по охране и воспроизводству лесов[15].

ЛКП можно реализовывать на землях лесного фонда или землях иных категорий, не охваченных управлением государства. Реализацию ЛКП на землях сельхозназначения как опцию следует рассматривать после тщательной оценки обоснованности таких проектов, оценки негативных последствий, например для продовольственной безопасности страны. ЛКП на сельхозземлях предусмотрены Стратегией развития лесного комплекса РФ до 2030 года.

Особенность административно-правового регулирования реализации ЛКП в России на текущем этапе заключается в объединении действующих норм государственного управления лесами, российских правил реализации климатических проектов и международной практики ЛКП.

Алгоритм действий по реализации климатических проектов выглядит следующим образом. Исполнитель проекта определяет мероприятия, которые приведут к увеличению поглощения либо к сокращению/предотвращению выбро-

[12] Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400235155/ (дата обращения: 16.02.2023) ; постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402739344/ (дата обращения: 16.02.2023).

[13] Приказ Минэкономразвития России от 11.05.2022 № 248 «Об утверждении критериев и порядка отнесения проектов, реализуемых юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями или физическими лицами, к климатическим проектам, формы и порядка представления отчета о реализации климатического проекта» // URL: https://base.garant.ru/404769817/ (дата обращения: 16.02.2023).

[14] Национальный доклад о кадастре… С. 235.

[15] Федеральный закон от 19.07.2018 № 212-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования воспроизводства лесов и лесоразведения» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4547.

сов, разрабатывает проектную документацию, передает ее валидатору для «подтверждения обоснованности допущений, ограничений и методов, поддерживающих заявление о результатах намечаемой деятельности»[16]. После этого проект регистрируется в реестре углеродных единиц, и начинается стадия реализации проекта, включающая мониторинг проекта. Результаты проекта на основе данных мониторинга верифицируются независимой организацией, по итогам чего выпускаются углеродные единицы в объеме, подтвержденном верификатором. Регулятор создал условия для появления в стране специально аккредитованных организаций по валидации и верификации климатических проектов[17]. Их число постоянно растет и по состоянию на январь 2023 г. составило 14 организаций, в то время как первая организация была аккредитована только в начале 2022 г. Правила функционирования реестра углеродных единиц и стоимость операций в реестре установлены Правительством РФ[18].

Рассмотрим участников отношений по ЛКП. В соответствии с Законом № 296-ФЗ, реализовывать климатические проекты могут юридические лица, индивидуальные предприниматели или физические лица, в то время как пользователями лесов могут быть только лица, зарегистрированные в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»[19]. Таким образом, в рамках действующих правил физические лица выпадают из круга участников отношений по ЛКП на землях лесного фонда. Но для проектов на землях иных категорий соответствие с общими правилами обеспечивается.

Мероприятия по увеличению поглощения или предотвращению/сокращению выбросов парниковых газов составляют суть лесоклиматических проектов. Увеличение поглощения обеспечивается: лесоразведением, то есть созданием лесным массивов на землях, где ранее леса не было; лесовосстановлением, то есть восстановлением леса там, где он произрастал, но был утрачен или поврежден в результате неблагоприятных воздействий (лесных пожаров, вредителей и др.); сохранением лесов, например отказом от рубок. Предотвращение/сокращение выбросов может достигаться мероприятиями по снижению горимости лесов.

По указанным видам проектной деятельности в рамках Киотского протокола и добровольного углеродного рынка[20] были сформированы методики, иногда называемые стандартами. Методика представляет собой целостный документ, содержащий описание реализуемых мероприятий, источники выбросов и поглощений, которые учитываются в проекте, порядок расчета базовой линии и сценария проекта, расчета достигнутого результата проекта, правила мониторинга проекта[21]. В настоящее время в

[16] Приказ Минэкономразвития России от 11.05.2022 № 248 ; ГОСТ Р ИСО 14064-2-2021. Газы парниковые. Ч. 2 : Требования и руководство по количественному определению, мониторингу и составлению отчетной документации на проекты сокращения выбросов парниковых газов или увеличения их поглощения на уровне проекта // URL: https://docs.cntd.ru/document/1200181054 (дата обращения: 16.02.2023).

[17] Приказ Минэкономразвития России от 26.10.2020 № 707 «Об утверждении критериев аккредитации и перечня документов, подтверждающих соответствие заявителя, аккредитованного лица критериям аккредитации» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74808101/ (дата обращения: 16.02.2023).

[18] Постановление Правительства РФ от 30.03.2022 № 518 «О порядке определения платы за оказание оператором услуг по проведению операций в реестре углеродных единиц» // URL: https://base.garant.ru/403805022/ (дата обращения: 16.02.2023).

[19] URL: https://base.garant.ru/12123875/ (дата обращения: 16.02.2023).

[20] Современный добровольный углеродный рынок — это около 20 различных систем реализации проектов, регистрации их результатов (реестры), операторами которых являются неправительственные организации.

[21] См., например: методики неправительственной организации Verra // URL: https://verra.org/methodologies-main/ (дата обращения: 16.02.2023).

мире используется более 10 методик (стандартов) ЛКП[22].

Согласно утвержденной Минэкономразвития России форме отчета о климатических проектах, в отчете необходимо привести «сведения о методиках (методологии), применяемых для оценки и учета результатов реализации климатического проекта»[23], или их описание, обосновать, в связи с чем соответствующие методики (методология) применимы к климатическому проекту.

Прямой отсылки к зарубежным методикам в приказе Минэкономразвития России нет, но в отсутствие отечественных методик иных вариантов не остается. При этом не все зарубежные методики подходят для России, так как многие имеют чисто региональное применение (для тропических стран) либо предназначены для конкретных видов лесов (мангровых) или конкретных стран (Канада). Кроме этого, методики добровольных систем могут быть защищены авторскими правами. Поэтому предпочтительным вариантом восполнения пробела была бы разработка национальных методик (стандартов) для различных типов ЛКП или адаптация зарубежных к российской нормативной базе.

Законом № 296-ФЗ предусмотрена разработка национальных стандартов для климатических проектов (ст. 5). В 2021 г. принят ГОСТ по методическому обеспечению реализации климатических проектов, в котором описаны подходы к корректировкам имеющихся и разработке новых методик[24]. В апреле 2023 г. на сайте реестра углеродных единиц для общественного обсуждения были размещены проекты первых шести отечественных методик, пока без методик для ЛКП[25].

В разрабатываемых методиках для сближения с международными подходами необходимо учесть требования к проектам, которые появились по ст. 6 Парижского соглашения, такие как содействие устойчивому развитию, адаптация к изменению климата, а также учет прав коренных народов, местных общин, экологической целостности и др.[26]

Прообразом отечественных методик (стандартов) ЛКП по лесовосстановлению на землях лесного фонда могут быть утвержденные Минприроды России правила лесовосстановления, определяющие требования к планированию и составу мероприятий, породному составу и качеству саженцев, срокам проведения работ, проектной документации и др.[27], а для ЛКП по лесоразведению — утвержденные Минприроды России правила лесоразведения[28]. По другим видам проектов такого нормативного задела нет. Методики для проектов по сохранению особо ценных лесов, то есть лесов, «имеющих

[22] Методики неправительственной организации Verra: URL: https://cdm.unfccc.int/methodologies/index.html, URL: https://www.goldstandard.org/ (дата обращения: 16.02.2023).

[23] Приказ Минэкономразвития России от 11.05.2022 № 248.

[24] ГОСТ РИСО 14080-2021 «Управление парниковыми газами и связанные виды деятельности. Система подходов и методическое обеспечение реализации климатических проектов» // URL: https://docs.cntd.ru/document/1200181057 (дата обращения: 16.02.2023).

[25] Реестр углеродных единиц // URL: https://carbonreg.ru/ru/news/ao-kontur-predlagaet-k-obshhestvennomu-obsuzhdeniyu-pervye-metodologii-klimaticheskikh-proektov/ (дата обращения: 04.04.2023).

[26] Документ FCCC/PA/CMA/2021/10/Add.1. Решение 3/CMA.3 «Правила, условия и процедуры для механизма, учрежденного согласно пункту 4 статьи 6 Парижского соглашения», 2021 // URL: http://www.unfccc.int (дата обращения: 16.02.2023).

[27] Приказ Минприроды России от 29.12.2021 № 1024 «Об утверждении Правил лесовосстановления, формы, состава, порядка согласования проекта лесовосстановления, оснований для отказа в его согласовании, а также требований к формату в электронной форме проекта лесовосстановления» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403417664/ (дата обращения: 16.02.2022).

[28] Приказ Минприроды России от 30.05.2020 № 541 «Об утверждении правил лесоразведения, состава проекта лесоразведения, порядка его разработки» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74858410/ (дата обращения: 16.02.2022).

выдающееся или ключевое значение в связи с их высокой экологической, социально-экономической, ландшафтной ценностью или ценностью для сохранения биоразнообразия»[29] (этот тип проекта включен в российский перечень проектов устойчивого (зеленого) развития[30]), следует разрабатывать с учетом того, что ценные леса, согласно Лесному кодексу, уже выведены в отдельный вид лесов, подлежащих охране[31]. Здесь, очевидно, могут быть сложности с соблюдением принципа дополнительности климатических проектов.

Методики реализации проектов должны учитывать долгосрочность ЛКП. Например, в правилах Парижского соглашения установлена продолжительность проектов по природному поглощению углерода — 15 лет с возможностью двукратного продления, то есть совокупно до 45 лет[32]. Долгосрочное хранение углерода также обеспечивается в заготовленной древесине: мебели, деревянном домостроении[33], сувенирах. Это может быть отражено в методиках по ЛКП.

В соответствии с утвержденными правилами климатических проектов расчет фактических объемов поглощений должен осуществляться «с использованием методики количественного определения объемов выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов, содержащей в том числе расчетные и инструментальные методы определения объема выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов, утвержденной в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 296-ФЗ»[34]. Такая методика была утверждена Минприроды России в 2022 г.[35], она в части расчетов объемов поглощений в основном аналогична принятым в 2017 г. методическим указаниям по количественному определению объема поглощения парниковых газов[36]. Актуализированная методика 2022 г. не охватывает всех типов ЛКП. Наиболее полно описаны правила расчета поглощений и организации мониторинга только для проектов по лесоразведению и лесовосстановлению.

В актуализированной методике некоторые полезные для реализации ЛКП детали были утрачены, например международное толкование понятий «лес» (участки земли площадью более 0,5 га с деревьями высотой более 5 м и с сомкнутостью крон более 10 %) и «лесоразведение» (создание лесных насаждений на землях, которые не были покрыты лесом на протяжении не менее 50 лет). Однако формально новый приказ Минприроды не отменил Распоряжение 2017 г., создавая тем самым некоторую неопределенность для исполнителей ЛКП.

Важным элементом планирования проектной деятельности на землях лесного фонда является ясность в вопросе правообладания лесным участком. Статьей 25 Лесного кодекса установлены 15 конкретных видов использования лесов (заготовка древесины, ведение сельского хозяйства, осуществление научно-исследовательской деятельности и др.). На этом основании выделяются лесные участки в

[29] Сайт Российского отделения Всемирного фонда дикой природы. URL: https://wwf.ru/what-we-do/forests/high-conservation-value-forests/ (дата обращения: 16.02.2022).

[30] Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587.

[31] Статья 115 Лесного кодекса Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

[32] Документ FCCC/PA/CMA/2021/10/Add.1.

[33] В России могут появиться первые деревянные многоэтажки // Российская газета. 17.02.2022. URL: https://rg.ru/2022/01/17/reg-szfo/v-Rossii-mogut-poiavitsia-pervye-dereviannye-mnogoetazhki.html?ysclid=lea8q9r0rc791176797 (дата обращения: 16.02.2022).

[34] Пункт 9 приложения № 2 к приказу Минэкономразвития России от 11.05.2022 № 248.

[35] Приказ Минприроды России от 27.05.2022 № 371 «Об утверждении методик количественного определения объемов выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов» // URL: https://base.garant.ru/405077467/ (дата обращения: 16.02.2022).

[36] Распоряжение Минприроды России от 30.06.2017 № 20-р «Об утверждении методических указаний по количественному определению объема поглощения парниковых газов» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71612096/ (дата обращения: 16.02.2022).

аренду (срочную или бессрочную), устанавливаются права и обязанности лесопользователей. Неопределенность в вопросе предоставления земель лесного фонда для ЛКП ограничивает возможности органов власти предоставлять участки в аренду. Соответственно, необходимы изменения в Лесной кодекс, определяющие порядок предоставления земель под ЛКП, например путем внесения изменений в ст. 25 Лесного кодекса.

Отсутствует определенность в исчислении даты начала ЛКП. Согласно форме отчета о проекте, «сведения о дате начала реализации проекта должны включать в себя информацию о дате начала работ по строительству, реконструкции, модернизации, капитальному ремонту и монтажу необходимого оборудования, а также о дате начала иных мероприятий по реализации проекта». Но в ЛКП многие работы (например, лесопосадки) имеют сезонный характер. В этой связи возникает вопрос: может ли к иным мероприятиям относиться дата согласования плана работ, заключения договора подряда на выполнение работ?

Еще одна неопределенность связана с понятием «исполнитель» климатического проекта. В соответствии с Законом № 296-ФЗ, исполнитель — это юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или физическое лицо, реализующие климатический проект. Но исполнителем по факту может быть и сторона, финансирующая мероприятия по проекту. Во избежание спорных ситуаций при решении вопросов о том, кто является бенефициаром проекта и кому принадлежат углеродные единицы, необходимо внесение уточнений в понятийный аппарат, закрепленный Законом № 296-ФЗ. Например, следует ввести понятие «инициатор проекта» — лицо или организация, имеющие полный контроль и несущие полную ответственность за проект, как это предусмотрено ГОСТ Р ИСО 14064-2-2021.

Рассмотрим возможности реализации лесоклиматических проектов на землях сельхозназначения. Площадь лесов, выросших на землях сельхозназначения в России, оценивается в 100 млн га[37]. Заброшенные колхозные или совхозные земли, принадлежащие государству, переводились и переводятся в установленном порядке из категории лесов сельхозназначения в лесные земли. Далее эти леса управляются как земли лесного фонда. Иная ситуация сложилась с заброшенными землями сельхозназначения, находящимися в частной собственности. С точки зрения действующего законодательства леса, выросшие естественным образом на сельхозземлях, являются следствием отсутствия должного ухода в течение продолжительного времени. За такие нарушения предусмотрены штрафы, во избежание которых многие владельцы избавляются от неучтенного леса варварским способом, сжигая лесные насаждения, нанося ущерб природной среде и подвергая риску окружающих[38].

В 2020 г. была предпринята попытка урегулировать вопросы правового статуса лесов на землях сельхозназначения. Были легализованы как уход, так и рубка таких лесов[39]. Правообладатель участка вправе до октября 2023 г. или в течение двух лет со дня возникновения права на соответствующий земельный участок уведомить территориальный орган Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору о намерении использовать земельный участок в целях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения. Далее необходимо представить проект освоения лесов — по аналогии с пользованием лесами на землях лесного фонда.

---

[37] *Тищенко С. В., Лаврентьев А. Р.* Новеллы законодательства о лесах, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения: проблемы реализации // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2022. № 2 (49). С. 196.

[38] Леса, растущие на землях сельскохозяйственного назначения // URL: https://wwf.ru/about/positions/lesa-rastushchie-na-zemlyakh-selskokhozyaystvennogo-naznacheniya/ (дата обращения: 01.02.2023).

[39] Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1509 «Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения» (ред. от 08.06.2022) // URL: https://base.garant.ru/74671970/ (дата обращения: 16.02.2023).

Лесоводство на землях сельхозназначения с юридической точки зрения интересно тем, что создается прецедент частных лесов — абсолютной новеллы в отечественном законодательстве. Если целевое использование таких лесов будет связано с сохранением лесов с целью генерации углеродных единиц, а не вовлечением лесов в хозяйственную деятельность, то речь может идти о карбоновых фермах.

Пока не урегулированы вопросы возвращения земель в оборот после реализации ЛКП. В 2022 г. Минприроды России разработало законопроект о внесении изменений в Лесной кодекс[40], предполагающий возврат лесных участков после реализации проекта в соответствии с целевым назначением лесов, что будет нарушать принцип долгосрочности ЛКП, если не будет установлен достаточно долгий срок реализации проектов.

Выводы. Особенностью административно-правового регулирования вопросов реализации ЛКП в России является объединение действующих норм государственного управления лесами, российских правил реализации климатических проектов и международной практики ЛКП.

Пока принятые нормы регулирования вопросов реализации климатических проектов в России не в полной мере подходят для ЛКП. Наиболее критичным является отсутствие правового основания предоставления земель лесного фонда для реализации проектов. Для этого необходимо внесение изменений в лесное законодательство (одна из опций — в ст. 25 Лесного кодекса) для установления нового вида использования лесов.

Методологическая основа реализации ЛКП очень фрагментарна, специальных методик по реализации ЛКП пока не принято. Закон № 296-ФЗ предусматривает разработку национальных стандартов по климатическим проектам. Необходимо принять национальные стандарты реализации лесоклиматических проектов с учетом особых требований к ЛКП, имеющихся в лесном законодательстве правил лесовосстановления и лесоразведения и международных требований к проектам, которые появились по ст. 6 Парижского соглашения.

Принятые правила легализации уже сформировавшихся лесов на землях сельхозназначения могут являться потенциалом для ЛКП при условии, что целевое использование таких лесов будет связано с сохранением лесов, а не вовлечением лесов в хозяйственную деятельность. Лесоводство на землях сельхозназначения с юридической точки зрения интересно тем, что создается прецедент частных лесов — абсолютной новеллы в отечественном законодательстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом, за 1990–2018. — М. : Росгидромет, 2020. — 480 с.
2. *Тищенко С. В., Лаврентьев А. Р.* Новеллы законодательства о лесах, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения: проблемы реализации // Вестник ВГУ. Серия «Право». — 2022. — № 2 (49). — 2022. — С. 193–202.
3. *Dyson F. J.* Can we control the carbon dioxide in the atmosphere? // Energy, Elsevier, 1977. — Vol. 2 (3). — P. 287–291.
4. State and Trends of Carbon Pricing, 2020 (May) / World Bank. — Washington, DC, 2020. — 109 p. — DOI: 10.1596/978-1-4648-1586-7.

Материал поступил в редакцию 18 февраля 2023 г.

[40] Проект федерального закона «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и статью 9 Федерального закона “Об ограничении выбросов парниковых газов”» // URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=126948%20 (дата обращения: 16.02.2023).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Natsionalnyy doklad o kadastre antropogennykh vybrosov iz istochnikov i absorbtsii poglotitelyami parnikovykh gazov, ne reguliruemykh Monrealskim protokolom, za 1990–2018. — M.: Rosgidromet, 2020. — 480 s.
2. Tishchenko S. V., Lavrentev A. R. Novelly zakonodatelstva o lesakh, raspolozhennykh na zemlyakh selskokhozyaystvennogo naznacheniya: problemy realizatsii // Vestnik VGU. Seriya «Pravo». — 2022. — № 2 (49). — 2022. — C. 193–202.
3. Dyson F. J. Can we control the carbon dioxide in the atmosphere? // Energy, Elsevier, 1977. — Vol. 2 (3). — P. 287–291.
4. State and Trends of Carbon Pricing, 2020 (May) / World Bank. — Washington, DC, 2020. — 109 p. — DOI: 10.1596/978-1-4648-1586-7.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.179-190

Л. Н. Масленникова*,
А. А. Собенин**

Об итогах научно-практической конференции «Вопросы защиты прав граждан с применением цифровых технологий в уголовном процессе»

Аннотация. В статье дается обзор прошедшей 20 декабря 2022 г. в смешанном формате научно-практической конференции «Вопросы защиты прав граждан с применением цифровых технологий в уголовном процессе», организованной аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Научно-образовательным центром по правам человека Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Работа конференции была посвящена актуальным вопросам защиты прав граждан с применением цифровых технологий, обеспечения доступа к правосудию, возможностям цифровизации по преодолению ограничений в работе правоохранительных органов и судебной системы, обобщению опыта зарубежных государств и Российской Федерации по обеспечению прав участников уголовного судопроизводства. Конференция собрала широкий круг ученых и представителей законодательной, исполнительной, судебной власти, задействованных в сфере защиты прав граждан в уголовном процессе.

Ключевые слова: конференция; защита прав человека; обеспечение доступа к правосудию; цифровые технологии; цифровизация; уголовное судопроизводство; предварительное расследование; проверка правосудности судебных решений; правоохранительные органы; судебная система.

Для цитирования: *Масленникова Л. Н., Собенин А. А.* Об итогах научно-практической конференции «Вопросы защиты прав граждан с применением цифровых технологий в уголовном процессе» // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 8. — С. 179–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.179-190.

© Масленникова Л. Н., Собенин А. А., 2023

* *Масленникова Лариса Николаевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
lnmaslennikova@msal.ru
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

** *Собенин Андрей Анатольевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
aasobenin@msal.ru
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

On the Results of the Scientific and Practical Conference «Issues of Protecting the Rights of Citizens Using Digital Technologies in Criminal Proceedings»

Larisa N. Maslennikova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
lnmaslennikova@msal.ru
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993

Andrey A. Sobenin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
aasobenin@msal.ru
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993

Abstract. The paper reports on the scientific and practical conference «Issues of Protecting the Rights of Citizens Using Digital Technologies in Criminal Proceedings», held on December 20, 2022 in a mixed format. The conference was organized by the office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and the Scientific and Educational Center for Human Rights of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). The conference was devoted to topical issues related to the protection of the rights of citizens by means of digital technologies, access to justice, the possibilities of digitalization to overcome restrictions in the work of law enforcement agencies and the judiciary, generalization of the experience of foreign states and the Russian Federation in ensuring the rights of participants in criminal proceedings. The conference brought together a wide range of scientists and representatives of the legislative, executive, judicial authorities involved in the protection of the rights of citizens in the criminal procedure.

Keywords: conference; protection of human rights; ensuring access to justice; digital technologies; digitalization; criminal justice; preliminary investigation; verification of the justice of court decisions; law enforcement agencies; judicial system.

Cite as: Maslennikova LN, Sobenin AA. Ob itogakh nauchno-prakticheskoy konferentsii «Voprosy zashchity prav grazhdan s primeneniem tsifrovykh tekhnologiy v ugolovnom protsesse» [On the Results of the Scientific and Practical Conference «Issues of Protecting the Rights of Citizens Using Digital Technologies in Criminal Proceedings»]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(8):179-190. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.179-190. (In Russ., abstract in Eng.).

20 декабря 2022 г. в Доме прав человека состоялась Всероссийская научно-практическая конференция **«Вопросы защиты прав граждан с применением цифровых технологий в уголовном процессе»**. Мероприятие прошло в гибридном формате с использованием видеоконференции[1].

Организаторами конференции выступили аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Научно-образовательный центр по правам человека Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Конференция собрала широкий круг ученых и представителей законодательной, исполнительной, судебной власти, задействованных в сфере защиты прав граждан в уголовном процессе. В конференции приняли участие представители Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Следственного комитета РФ, Федеральной палаты адвокатов,

[1] Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/612a0f95-e4d0-43ff-93bd-591b5d3c12a3 (дата обращения: 01.02.2023).

региональные уполномоченные и сотрудники аппаратов Тамбовской, Рязанской, Калужской, Московской областей, г. Москвы, ученые из Москвы, Томска, Челябинска и других регионов.

Модерировали конференцию руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации **Владимир Владимирович Лозбинев** и главный научный сотрудник Научно-образовательного центра по правам человека Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Лариса Николаевна Масленникова**.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации доктор юридических наук, профессор **Татьяна Николаевна Москалькова**, подчеркнув особую важность и актуальность заявленной темы.

Уполномоченный по правам человека в РФ обратила внимание собравшихся на эмпирические данные, которые собрал аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ. За 10 месяцев текущего года в России зарегистрировано свыше 1 млн 700 тыс. преступлений, предварительное расследование проведено более чем по 1 млн преступлений, выявлено лиц, совершивших преступления, — 693 тыс. человек; 670 млрд руб. — это совокупный ущерб, причиненный в результате совершения преступлений.

В аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ за 10 месяцев 2022 г., отметила Т. Н. Москалькова, поступило свыше 11,6 тыс. обращений, из них: 7 тыс. от подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений и осужденных, 4,6 тыс. от потерпевших. В своих обращениях граждане выражают несогласие с необоснованным привлечением к уголовной ответственности, обращают внимание на обвинительный уклон в деятельности судебных органов при рассмотрении уголовных дел, длительные сроки содержания под стражей. Потерпевшие от преступлений направляют свои обоснованные возражения по поводу длительных сроков принятия решений о возбуждении уголовного дела, необоснованных отказов в регистрации сообщений о преступлении. Решением указанной проблемы станет бóльшая вовлеченность цифровых технологий в начальный этап уголовного судопроизводства.

Татьяна Николаевна обратила внимание собравшихся на развитие цифрового формата уголовного судопроизводства, отметив, что внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части разрешения проведения следственных действий в дистанционном формате (допрос, опознание, очная ставка), с одной стороны, направлено на оптимизацию деятельности следственных органов, сокращение финансовых затрат участников уголовного судопроизводства, а с другой — вызвало ряд трудностей процессуального, организационного и технического характера.

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства, по мнению Уполномоченного по правам человека в РФ, должна идти по ряду наиболее важных направлений, в том числе: увеличение количества следственных действий, которые могут проводиться с помощью видеоконференц-связи, определение процессуальной формы уголовного производства с применением цифровых технологий, обеспечение информационно-технологической составляющей уголовно-процессуальной деятельности.

В завершение Татьяна Николаевна обратилась к собравшимся с инициативой о проведении парламентских слушаний в Государственной Думе Федерального Собрания РФ на тему **«Цифровизация уголовно-процессуальной деятельности как фактор повышения гарантий прав человека»**.

Член Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, сенатор Российской Федерации **Николай Николаевич Владимиров** в выступлении **«Цифровизация процессуальной деятельности как фактор развития доступа к правосудию»** отметил, что цифровизация процессуальной деятельности повышает эффективность реализации права на судебную защиту, расширяет возможности доступа граждан к правосудию через электронные сервисы и ресурсы, создает условия для эффективного взаимодействия судебных органов с гражданами, профессиональными участниками процесса.

Процесс цифровизации меняет устоявшиеся подходы к принятию судебных доказательств, упрощает подачу документов и отслеживание движения дела, процесс ознакомления с материалами дела.

За счет использования автоматизированных процессов совершенствуется деятельность должностных лиц, органов предварительного расследования и судебных органов, формирование единой базы данных по уголовным, административным и гражданским делам, создание системы электронного судебного делопроизводства позволит снизить коррупционные риски, сократить временны́е рамки рассмотрения дел, уменьшить вероятность судебной ошибки и потенциальных нарушений.

Вместе с тем цифровое развитие, отметил Н. Н. Владимиров, не только предоставляет дополнительные, ранее недоступные возможности применения современных технологий в уголовном процессе, но и одновременно порождает новые задачи защиты прав участников уголовного судопроизводства. Возникающие в этой сфере правовые вопросы уже сейчас требуют выработки и обновления практических подходов в работе судебных органов.

Внедрение элементов цифровизации требует учета природы уголовно-процессуальной деятельности и одновременно порождает необходимость тщательного обсуждения рисков, связанных с защитой прав граждан. Цифровизация правосудия должна осуществляться с учетом соблюдения принципов независимости суда и судьи, доступности правосудия, справедливого судебного разбирательства, состязательности, открытости, гласности и, конечно же, прозрачности судебного процесса. При этом особое значение имеет обеспечение информационной безопасности и защиты информации, баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений.

Заместитель министра юстиции Российской Федерации **Вадим Витальевич Федоров** в выступлении **«О проекте федерального закона, касающегося использования цифровых технологий в уголовном процессе (в части оптимизации судебной стадии уголовного процесса)»** сообщил участникам конференции о законодательных новеллах в области цифровизации уголовного судопроизводства, отметив, что Министерство юстиции РФ работает над расширением перечня случаев применения видеоконференции в судебных заседаниях любой инстанции для всех участников уголовного судопроизводства и закреплением в законодательной плоскости возможности суда принять решение об участии подсудимого посредством видеоконференции при невозможности обеспечения его личного участия или для обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Для удобства граждан, сообщил докладчик, предполагается создание личного кабинета участника судопроизводства на едином портале государственных услуг, с помощью данного сервиса можно будет подать документы в суд, ознакомиться с судебными извещениями при условии, если участник процесса даст согласие на их получение посредством портала. Органы прокуратуры и предварительного расследования смогут использовать систему электронного документооборота для взаимодействия с судом. Указанные новеллы позволят ускорить доставку уведомлений участникам уголовного судопроизводства, упростить порядок подачи документов, снизить социальные издержки при производстве по уголовному делу, расширить возможности использования системы.

Профессор кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук **Лариса Николаевна Масленникова** в своем выступлении **«Защита прав человека при применении цифровых технологий в уголовном процессе: тенденции и перспективы»** отметила, что цифровизация — это глобальное явление мирового масштаба, которое происходит в данное время, затрагивая все сферы нашей жизни, и внедрение современных инновационных технологий формирует новые реалии для человека, общества и государства, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства.

Профессор Масленникова отметила, что научное сообщество смотрит на процессы цифровизации в сфере уголовного судопроизводства прежде всего с позиции защиты прав человека

в этой сфере. Тенденции развития уголовного судопроизводства с применением цифровых технологий достаточно уверенно проявляются в течение последних 10 лет в процессуальной деятельности судов. Получили развитие такие институты, как электронное правосудие, электронный документооборот, дистанционное участие в судебном заседании, применение видео-конференц-связи, веб-конференции. При этом было отмечено, что процесс цифровизации пока в должной мере не затронул начального этапа уголовного судопроизводства, который предшествует собственно правосудию. Отсутствуют возможности электронного обращения граждан в органы расследования с заявлениями и ходатайствами, дистанционного участия в процессуальных действиях, например в ознакомлении с материалами уголовного дела. В практической деятельности органов расследования возникают самые различные вопросы, например проблемы с цифровыми следами, с наложением ареста на цифровые активы, проведением следственных действий в дистанционном формате.

В завершение своего выступления профессор обратила внимание на необходимость в рамках развития применения цифровых технологий сохранить существующие гарантии защиты прав человека в сфере уголовного судопроизводства и предусмотреть гарантии защиты той информации, которая окажется в виртуальном пространстве, не допустить цифрового неравенства в сфере уголовного судопроизводства.

Уполномоченный по правам человека в Тамбовской области ***Владимир Васильевич Репин*** обратился к участникам конференции с докладом на тему «**Проблемы применения цифровых технологий в обеспечении прав граждан, участвующих в уголовном процессе»**. Спикер отметил, что применение цифровых технологий пока не в полной мере способствует обеспечению прав граждан на доступ к правосудию. Выявленные в ходе правозащитной деятельности уполномоченных по правам человека отдельные проблемы не находят своего положительного разрешения. Одна из таких проблем связана с затруднительным характером, а иногда фактической невозможностью участников уголовного судопроизводства ознакомиться с материалами уголовного дела или получить копии таких материалов, содержащихся на цифровых носителях. Это особо затруднительно в первую очередь для граждан, находящихся в исправительных колониях и в других местах принудительного содержания. Фактически стало нормой, по мнению В. В. Репина, проведение в режиме видео-конференц-связи, то есть без нахождения подсудимого, заключенного под стражу в зале судебного заседания, производства по апелляционному и кассационному обжалованию.

Другая проблема связана, было отмечено в выступлении, с неиспользованием судами цифровых технологий при отправке в исправительные учреждения решений об освобождении граждан, в связи с чем нарушается право на свободу лиц из числа осужденных. Уполномоченным поступают жалобы осужденных, отбывавших наказание в исправительной колонии либо в исправительном центре, на то, что, несмотря на вступившее в силу решение суда об их досрочном освобождении, администрация продолжает содержать их в исправительном учреждении. Органы принудительного исполнения наказаний мотивируют это тем, что указанное судебное решение после вступления в законную силу направляется в учреждение на бумажном носителе, что занимает несколько дней.

Руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия **Оксана Валентиновна Качалова** выступила с докладом «**Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при применении видео-конференц-связи»**, отметив, что цифровизация неотвратима, она создает удобства для многих ведомств, министерств, для всех профессиональных участников уголовного судопроизводства. Но что дает цифровизация простому человеку?

По мнению спикера, эффективность органов уголовной юстиции нужно оценивать не по ко-

личеству рассмотренных дел и не по количеству принятых в электронном виде заявлений, оценивать нужно относительно того, насколько граждане, которые оказались вовлечены в уголовно-процессуальную деятельность, в орбиту уголовного судопроизводства, остались удовлетворены его результатами.

Конечно, в уголовном судопроизводстве, было отмечено в выступлении, меньше возможностей для использования цифровых высокотехнологичных ресурсов искусственного интеллекта, чем, например, в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве. Но тем не менее, заявила О. В. Качалова, можно выделить два основных, генеральных направления, по которым может осуществляться цифровизация уголовно-процессуальных правоотношений. Первое направление — так называемые сервисные или вспомогательные программы, которые не затрагивают сути уголовного судопроизводства, а затрагивают только форму и помогают автоматизировать рутинные процедуры: аудиопротоколирование, подачу заявлений, оповещение участников, дистанционное участие в различных следственных и процессуальных действиях. Второе направление более сложное: использование систем, основанных на технологиях искусственного интеллекта, и осуществление правосудия по уголовным делам. И здесь, по мнению спикера, можно выделить условно еще два направления. Первое — это вспомогательные механизмы, которые помогли бы, например, суду в поиске судебных решений, нормативных правовых актов, позиций Конституционного Суда РФ, существующих судебных обзоров. И второе — технологии искусственного интеллекта при осуществлении правосудия. Указанные технологии помогают судье не просто структурировать и алгоритмизировать уголовно-процессуальную деятельность. Они, по существу, помогают принять решение по уголовному делу.

Заведующий кафедрой уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ кандидат юридических наук, доцент **Юрий Анатольевич Цветков** в докладе **«Риски, создаваемые внедрением искусственного интеллекта в правосудие»** остановился на векторах цифровизации уголовного судопроизводства, выделив три направления, в которых осуществляется цифровизация. Первое — это развитие дистанционных технологий. И здесь с опережением развиваются IT-технологии в суде. Введение статьи 189.1 УПК РФ, которая позволила следователям проводить дистанционно допрос, очную ставку и опознание, вызвало достаточно настороженную реакцию со стороны правоприменителей. Второе направление — это электронный документооборот. Еще в 2014 г. на страницах научных изданий автором предлагалась теоретическая модель внедрения электронного уголовного дела. При проведении опросов правоприменителей относительно внедрения указанной системы в уголовное судопроизводство большинство следователей поддержали идею электронного уголовного дела, а вот представители судейского сообщества возражали против этого. Третье направление — это внедрение технологий искусственного интеллекта в правосудие, что, кстати говоря, на элементарном уровне у нас уже осуществляется. Это автоматизированные технологии распределения уголовных дел, назначения защитников по уголовным делам. В Московской академии Следственного комитета, отметил спикер, провели значительную научно-исследовательскую работу, касающуюся возможности внедрения искусственного интеллекта в управление следственными органами. Был изучен опыт работы применения искусственного интеллекта в ПАО «Сбербанк», Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. Общий вывод, который можно сделать: не торопиться с применением искусственного интеллекта, взвесив все за и против после широкого обсуждения на различных научных площадках.

Ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участии прокурора в уголовном судопроизводстве НИИ Университета прокуратуры РФ **Алексей Леонидович Аристархов** выступил с докладом **«Формирование доказательств с использованием электронных технологий»**, отметив, что в настоящее время можно выделить два вопроса,

которые непосредственно связаны с понятием электронных технологий в уголовном судопроизводстве. Первый вопрос касается формирования самого понятия электронных доказательств по уголовному делу, цифровых доказательств. Второй вопрос затрагивает непосредственно формирование традиционных доказательств с точки зрения закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации положений, но с использованием возможности видео-конференц-связи.

В выступлении было отмечено, что с 2011 г. применяется статья 278.1 УПК РФ, допускающая возможность производства допроса судом свидетелей с использованием системы видео-конференц-связи. В 2021 г. введена возможность производства следственных действий на предварительном расследовании с помощью дистанционных технологий, таких как допрос, очная ставка, опознание. По мнению спикера, ключевым аспектом и первого, и второго порядка можно назвать то, что особенности допроса для производства следственных действий должны учитывать общие положения Уголовно-процессуального кодекса РФ.

А. Л. Аристархов отметил три режима производства следственных действий следователем и дознавателем. Первый режим связан с непосредственным производством следственных действий следователем, которому поручено производство предварительного расследования, либо дознавателем, второй режим — с исполнением поручения в порядке, предусмотренном статьей 152 Уголовно-процессуального кодекса РФ, третий режим — с производством следственных действий в рамках работы следственной группы.

Профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук **Борис Яковлевич Гаврилов** в докладе **«Возможности использования цифровых технологий при разрешении заявлений, сообщений граждан и организаций о совершенном или подготавливаемом преступлении»** акцентировал внимание на том обстоятельстве, что проблема обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства является широко обсуждаемой. Проблемы с обеспечением доступа к правосудию начинаются с момента, когда гражданин подает заявление в соответствующий правоохранительный орган, который принимает по нему процессуальное решение.

В выступлении были приведены статистические данные, свидетельствующие, что решения об отказе в возбуждении уголовного дела выносят в ряде случаев формально, при отсутствии законных оснований. Ежегодно, по мнению выступающего, порядка 5 млн российских граждан ограничены в доступе к правосудию. Б. Я. Гаврилов высказал мнение, что возможности искусственного интеллекта при регистрации сообщений о преступлении фактически будут обязывать следователя, дознавателя при наличии оснований начать производство по уголовному делу, тем самым дадут возможность рассмотреть вопрос об исключении стадии возбуждения уголовного дела из уголовного судопроизводства.

Выступления продолжила член совета Федеральной адвокатской палаты Российской Федерации, советник адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» **Елена Георгиевна Авакян,** отметив, что относится к цифровизации уголовного судопроизводства достаточно настороженно. И последние изменения Уголовного-процессуального кодекса РФ заставляют отнестись к этому вопросу еще более внимательно по простой и понятной причине: не все изменения принимаются в интересах всех участников уголовного судопроизводства.

Первым аспектом указанной проблематики докладчик назвала решение вопроса о форме участия в уголовном судопроизводстве обвиняемого и его защитника. Вызывает определенные нарекания принятие этого решения в одностороннем режиме, когда его решение отдается на откуп органам предварительного расследования или суду. Вторым аспектом рассматриваемой проблематики является обеспечение конфиденциальности между доверителем и адвокатом при использовании дистанционных способов осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Актуальными Елена Георгиевна назвала и вопросы применения искусственного интеллекта

в уголовном судопроизводстве. Опыт использования искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике, по мнению докладчика, показывает, что правоприменители столкнулись с проблемой ошибочных решений в пределах 4 %. С учетом того, что за каждым судебным решением стоит судьба человека, это достаточно большой процент брака. Полезен в этом плане опыт стран Европейского Союза, где судья должен обосновать мотивы принятого решения, если оно расходится с решением, рекомендованным системой на основе искусственного интеллекта.

По мнению Е. Г. Авакян, если мы стремимся создать электронного помощника судьи, он должен быть равнодоступен всем сторонам уголовного процесса, чтобы до судебного заседания стороны имели возможность, во-первых, соотнести свои позиции, во-вторых, знать, какой совет даст электронный помощник судье, чтобы сделать возражения против этой рекомендации.

Начальник Второго отдела по исследованию уголовно-процессуальных проблем НИЦ-5 (по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания) ВНИИ МВД России кандидат юридических наук, доцент **Павел Евгеньевич Власов** в докладе **«Оптимизация уголовного судопроизводства путем использования современных технологий»** обратил внимание участников конференции на проблемные вопросы при организации производства следственных действий, закрепленных в ст. 189.1 УПК РФ.

Спикер затронул вопросы организации следственного действия в дистанционном формате, касающиеся формы и порядка направления поручений о производстве следственного действия, количестве участников следственного действия при проведении очной ставки.

В выступлении было отмечено, что УПК РФ не регламентирует, в качестве какого вида доказательства должна быть приобщена видеозапись производства дистанционного допроса. При этом данный вопрос очень серьезный. Указанная видеозапись сама по себе содержит доказательную информацию выясняемых вопросов в ходе производства данного следственного действия и в то же время является носителем информации об этом.

П. Е. Власов обратил внимание на то обстоятельство, что достаточно много вопросов возникает при проведении в дистанционном формате такого следственного действия, как опознание. Помимо криминологических особенностей проведения опознания возникают процессуальные сложности (обеспечение защитниками по месту нахождения опознающего и опознаваемого, увеличение возможных финансовых затрат при его проведении, сама организация проведения следственного действия).

Было высказано мнение, что при этом возможности цифровизации позволяют совершенствовать процессуальную деятельность, в том числе проведение такого действия, как привлечение в качестве обвиняемого или ознакомление с материалами уголовного дела участников уголовного судопроизводства.

Профессор кафедры правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук **Сергей Васильевич Зуев** выступил с докладом **«Общеправовые (международные) и технические стандарты высокотехнологичного (виртуального) уголовного процесса»**.

Спикер презентовал аудитории недавно вышедшую в издательстве «Юрлитинформ» монографию «Высокотехнологичный уголовный процесс» под редакцией С. В. Зуева и Л. Н. Масленниковой, где предлагаются оригинальные решения по искусственному интеллекту в уголовном процессе: и в ходе предварительного расследования, и в судебном разбирательстве, в том числе при распознавании речи и анализе информации в уголовном деле.

Ученый обратил внимание аудитории на то обстоятельство, что мы стоим на пороге больших изменений, когда не только появится высокотехнологичный уголовный процесс, но можно будет говорить даже о виртуальном уголовном процессе. Тем не менее, на его взгляд, ожидать того, что следствие, дознание и суд готовы будут принять на ура все новшества и технологии, конечно, не сто́ит.

По мнению С. В. Зуева, уголовное судопроизводство достаточно заметно отстает в цифровом развитии от гражданского и арбитражного

судопроизводства. Складывается ситуация, когда в следственных органах и органах дознания ссылаются на отсутствие приказов, конкретных инструкций, регламентов, регулирующих деятельность в новых цифровых условиях. Звучат и замечания на отсутствие стандартов, которые должны быть выработаны на всех уровнях законодательства, а не только в подзаконных актах. Нужно выстраивать концепцию цифровизации уголовного судопроизводства в целом.

Доцент кафедры национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук **Татьяна Владимировна Трубникова** представила доклад на актуальную тему **«Гарантии права на уважение частной жизни в уголовном судопроизводстве в цифровом мире»**.

Развивая тему справедливости процедуры правосудия, доцент Трубникова задала риторический вопрос, существуют ли в настоящее время в уголовном процессе правила, которые гарантировали бы уважение и соблюдение права на уважение частной жизни в том случае, если речь идет о цифровых доказательствах.

Традиционный уголовный процесс предоставляет высокие гарантии для защиты права на уважение частной жизни, и для этого в нем содержатся значительные гарантии защиты частной жизни при производстве обыска или выемки, наложения ареста на почтово-телеграфные сообщения, контроля и записи телефонных переговоров.

Сейчас в мире происходит поиск тех гарантий, тех правовых средств, которые могут использоваться для регламентации использования цифровой информации.

В Соединенных Штатах Америки имеется судебная практика, где признается следственным действием, которое требует судебного решения, даже возможность того, чтобы следственные органы посмотрели и открыли экран блокировки телефона. В Норвегии предоставлена возможность принудительной идентификации человека для того, чтобы осуществить доступ к его устройству, только если до этого было получено судебное разрешение на обыск.

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева **Валентина Александровна Лазарева** выступила с докладом **«Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства»**, заявив, что введение новых технологий — это реальность, от которой нам уйти никуда не удастся, поддерживаем мы ее или не одобряем, наше мнение здесь не имеет никакого значения. Она вторглась в сферу уголовного судопроизводства и оказывает на него существенное, достаточно значительное влияние. По мнению спикера, цифровизация не решает тех задач, которые стоят перед уголовным судопроизводством, которые возникли до того, как появилась цифровизация, как не были решены те задачи, которые нам надо было решить, когда обсуждался и принимался действующий УПК РФ.

В. А. Лазарева отметила, что цифровизация не решает тех проблем, которые перед уголовным процессом стоят, даже рождает новые проблемы, которые требуют решения с учетом информационных технологий, с учетом общецифрового законодательства, естественно, с учетом особенностей их возможной реализации в сфере уголовного судопроизводства.

По мнению спикера, цифровизация должна помогать решению стоящих в уголовном процессе задач, решать их более качественно и эффективно. И это значит, что не сами по себе цифровые технологии способствуют защите прав и свобод участвующих в уголовном процессе граждан, но они способствуют этой защите через совершенствование процессуального инструментария там, где это возможно и допустимо с точки зрения целей уголовно-процессуальной деятельности. Цифровой инструментарий должен создавать условия для эффективного использования процессуальных средств практической деятельности, но не подменять их содержание.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) **Вера Александровна Задорожная** выступила с докладом **«Цифровое равенство при обращении граждан в органы расследования и в суд за защитой от преступлений»**.

Спикер обратила внимание на такое понятие, как «цифровое неравенство» — одно из негативных последствий цифровизации, которое может усугубить те проблемы, которые существуют в уголовном процессе. Если проблемы получения навыков и приобретения оборудования участник уголовного судопроизводства сможет преодолеть самостоятельно, то качественный Интернет будет зависеть от провайдера, оказывающего телекоммуникационные услуги. И такие люди окажутся в уголовном процессе дискриминированы. Концепция цифровизации уголовного процесса должна учитывать это явление и с ним бороться. Государство, считает В. А. Задорожная, должно создавать для граждан комфортную цифровую среду и нивелировать явление цифрового неравенства.

По мнению докладчика, цифровое равенство должно касаться коммуникации граждан и правоохранительных органов. Гражданин должен иметь возможность обратиться в электронном порядке в орган расследования или в суд за защитой своих прав, нарушенных совершенным преступлением. Это должно касаться не только коммуникации и обращения с заявлением, но и, например, обращения к следователю и предоставления ему каких-либо документов. Если свидетель не может в надлежащее время прибыть по повестке, то он должен иметь возможность сообщить об этом незамедлительно, чтобы к нему не был применен принудительный привод.

Доцент кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук **Андрей Анатольевич Собенин** в докладе **«Обеспечение подозреваемому (обвиняемому) права на защиту в условиях применения цифровых технологий»** обратил внимание собравшихся на результаты работы по обобщению практики использования видео-конференц-связи, аудиопротоколов и видеопротоколов в судебных заседаниях при рассмотрении в суде первой инстанции уголовных дел с 2015 по 2021 гг. Дистанционные технологии применяются в пределах не более 2 % от общего количества уголовных дел, которые поступили в суды первой инстанции. Видео-конференц-связь использована лишь только в 1,5–2 % дел, рассмотренных в суде первой инстанции, а 80 % от их общего количества составляют судебные заседания, проведенные с помощью видео-конференц-связи в порядке исполнения приговора. Динамика показывает, что в пандемийный 2020 г. произошло увеличение количества ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с помощью видео-конференц-связи. Однако уже в 2021 г. показатели использования такой дистанционной технологии снизились.

28 июня 2022 г. был принят закон о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (вступил в силу 26 декабря 2022 г.), предусматривающий введение обязательного прохождения апелляции для осуществления процедуры сплошной кассации. В пояснительной записке Верховный Суд РФ указывал одну из причин наметившейся тенденции к снижению качества проверки судебных решений во второй инстанции — отказ участников процесса от использования апелляционного производства.

Докладчик отметил, что корень проблемы неиспользования апелляционного производства находится несколько глубже. Практика судов общей юрисдикции показывает, что осужденных начинают этапировать в различные регионы нашей страны, не дожидаясь вступления приговора в законную силу. Обоснованием служит возможность проведения апелляционного производства посредствам видео-конференц-связи.

По мнению спикера, это создает значительные проблемы для осужденных, желающих ознакомиться с протоколом судебного заседания, аудиопротоколом, видеопротоколом судебного заседания, материалами уголовного дела, а значит, создает ограничения по доступу к правосудию в рамках процедуры подачи апелляционной жалобы. В таких условиях подавляющее большинство осужденных лишаются права на оказание квалифицированной юридической помощи. Поэтому использование дистанционных способов ведения уголовного судопроизводства в судах вышестоящих инстанций нуждается в дополнительном обсуждении и верификации с точки зрения требования конституционных гарантий, закрепленных в Основном Законе.

Кандидат юридических наук **Татьяна Аркадьевна Топилина** в своем докладе **«Влияние цифровых технологий на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве»** обратила внимание на возможности цифровых технологий в уголовном процессе, указав, что существующие препятствия на пути к правосудию в уголовном судопроизводстве достаточно хорошо известны. Это незаконные отказы в приеме и регистрации сообщений о преступлениях, затягивание сроков доследственной проверки, незаконные отказы в возбуждении уголовного дела, которые требуют поиска современных решений. Одним из способов разрешения вышеуказанных проблем, по мнению докладчика, могут выступить цифровые технологии, однако, несмотря на активное применение государством цифровых технологий в области организации взаимодействия физических и юридических лиц, по вопросу о возбуждении и расследовании уголовного дела каких-либо действенных шагов не предпринимается.

В выступлении было отмечено, что в настоящий момент ряд стран — лидеров в области развития электронного правительства ввели в судопроизводство электронное уголовное дело. Однако, заявила спикер, электронное уголовное дело — это все-таки некий переходный этап для создания полноценного единого онлайн-сервиса для взаимодействия участников в досудебном производстве. Электронное уголовное дело только лишь позволяет участникам ознакомиться с материалами уголовного дела. Ряд же стран предусматривают возможность направления повесток, процессуальных документов по электронной почте. По мнению докладчика, единый онлайн-сервис для взаимодействия участников уголовного судопроизводства должен состоять из трех блоков: электронное уголовное дело, возможность также подачи заявлений, жалоб, ходатайств и получение ответа.

Старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета РФ кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции **Сергей Владимирович Валов**, в отличие от ранее представленных спикеров, погруженных в правовую материю, попытался внести свой вклад в решение имеющихся проблем в части ресурсного обеспечения цифровизации досудебного производства по уголовным делам, в частности следственной деятельности, с учетом ее вклада в обеспечение защиты прав личности, общества и государства.

Рассмотрение данного аспекта обусловлено ресурсоемкостью цифровой трансформации, ориентированной на создание дополнительной общественной ценности продукта или результата или появление у них новых свойств и качеств. Цифровая трансформация, заявил спикер, потребует новых ресурсов, изменит их видовой состав, придаст прежним новые функциональные назначения. Продукт цифровой технологии станет ресурсом процессуальной деятельности только в том случае, если он способен и пригоден в определенных законом параметрах и пределах содействовать решению задач, поставленных перед ее субъектами в системе уголовной юстиции.

По мнению С. В. Валова, содержательное и видовое наполнение системы ресурсов возможно на сегодняшний день тремя основными способами. Первый — это адаптация, то есть мы приспосабливаем для нужд системы уголовной юстиции те решения, которые существуют в гражданском обществе в принципе. Разработка специализированного программного обеспечения аппарата применения — это второе направление. Третье направление, которое характерно сейчас для Нового времени, это индивидуализация продуктов под конечного пользователя с учетом уровня подготовленности, в том числе к работе в цифровой среде, опыта работы, специализация на расследовании определенных видов уголовных дел или преступлений и условия выполнения служебных и процессуальных обязанностей, например, в условиях специальной военной операции.

Преподаватель кафедры правовых дисциплин Московского экономического института **Саркис Арменович Закарян** выступил с докладом **«Обеспечение права осужденного на участие путем видео-конференц-связи в судебном заседании по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора»**, в котором обратил внимание на возможности

рассмотрения уголовных дел онлайн, хранения персональных данных лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, дела в отношении которых были прекращены, создания единой платформы ведения уголовных дел, внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство, которое позволило бы определять, о каком преступлении идет речь, и при наличии признаков преступления самостоятельно регистрировать его, принимать процессуальное решение. Все эти меры направлены на минимизацию факторов человеческой ошибки и недобросовестности должностных лиц.

В выступлении было отмечено, что несмотря на то, что возможность участия осужденных в судебном заседании по вопросам, связанным с исполнением приговора, законодательно закреплена более 10 лет, в правоприменительной деятельности имеются случаи отказа в реализации такой процессуальной возможности. Вышестоящими судебными инстанциями судебные решения, где осужденному отказано в реализации права на участие в судебном заседании посредством видео-конференц-связи, отменяются и направляются на новое рассмотрение.

В завершение работы конференции советник по вопросам цифровизации Уполномоченного по правам человека в РФ **Роман Викторович Трошин** рассказал участникам конференции о достижениях аппарата Уполномоченного в применении цифровых технологий. Одним из них является чат-бот на основе мягкого искусственного интеллекта, возможности которого позволяют осуществлять прием обращений граждан и давать на них квалифицированные ответы. В цифровом инструментарии имеются также программы чат-боты, которые распознают естественную речь в запросе и в автоматическим режиме определяют нормативные документы, которые касаются этого запроса. Активно развивается сервис — федеральная государственная система «Правовая помощь», которая будет ориентирована не только на русский язык, но и возможности обращений на различных иностранных языках. Достижением также является разработка программы аудио- и видеопротоколирования на основе нейронной сети, которая позволяет разговорную речь переводить в письменную.

По итогам конференции участниками были обсуждены и приняты рекомендации, направленные на защиту прав участников уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий.

Материал поступил в редакцию 7 февраля 2023 г.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научных уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – **11178**, Lex russica – **11198**,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – **40650**, «Право и цифровая экономика» – **39492**.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 8 (153) август 2023

Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписной индекс: 11178.
Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471
9 771994 147002